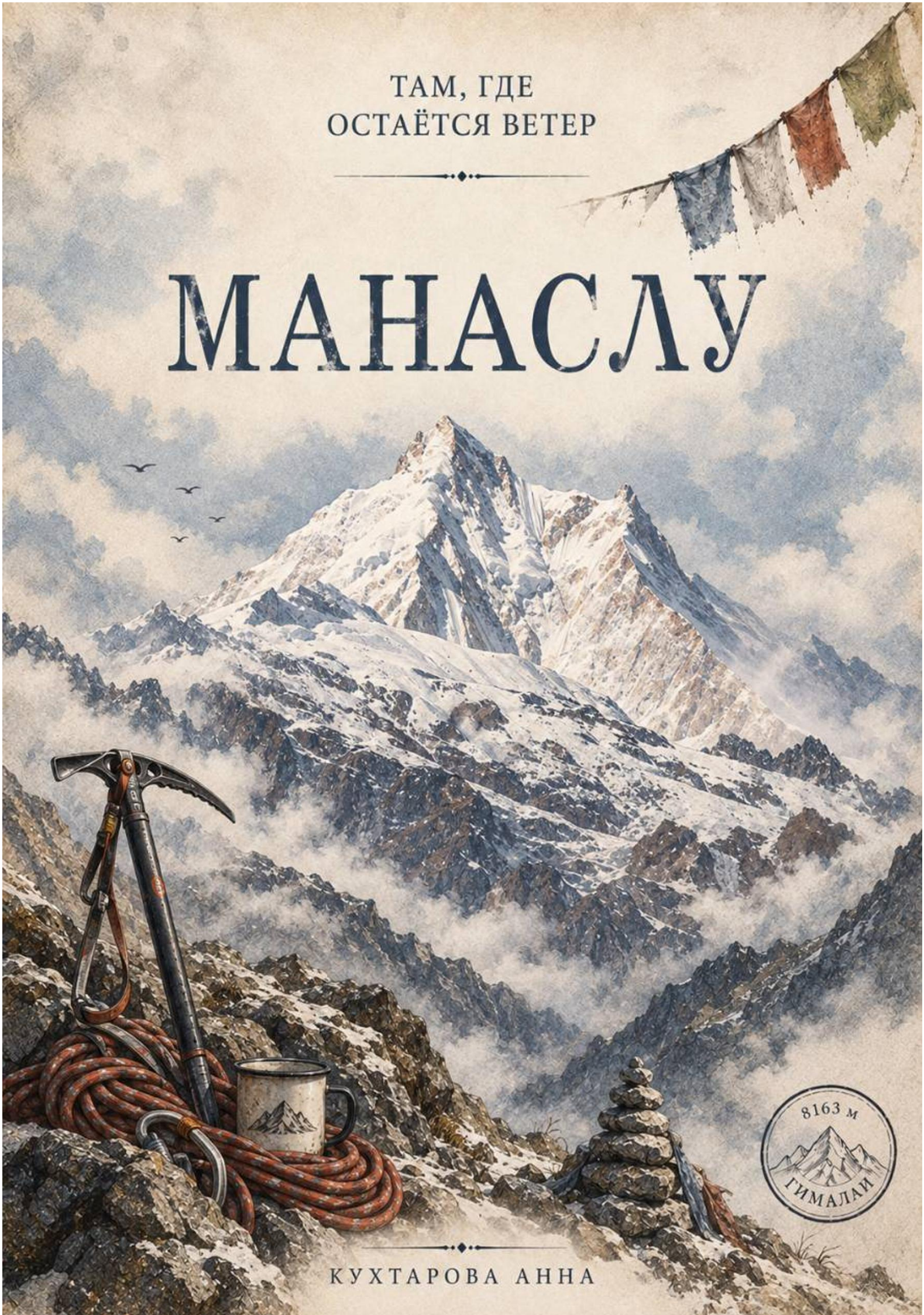
ТАМ, ГДЕ
ОСТАЁТСЯ ВЕТЕР

МАНАСЛУ

КУХТАРОВА АННА

Анна Кухтарова

Там, где остается ветер. Манаслу

«Автор»
2026

Кухтарова А.

Там, где остается ветер. Манаслу / А. Кухтарова — «Автор», 2026

В горы едут за разным. Одним нужна вершина, другим важно проверить границы своих возможностей, третьи ищут тишину, которой не хватает внизу. Кто-то приезжает за ответами, кто-то хочет оставить позади прошлое, а кто-то — понять, на что способен вдали от привычного мира.Однажды Андрей задал себе вопрос: «А что, если мои границы существуют только в моей голове?» И отправился искать ответ на Манаслу.Этот роман — история людей, оказавшихся в одной экспедиции, но пришедших к горам разными дорогами. У каждого своя причина подняться выше, свои страхи и ожидания. На высоте привычные роли теряют значение, а решения одного могут изменить судьбу другого. Здесь учатся доверять и отвечать за тех, кто рядом.Это история о дружбе, страхе и близости, которая рождается между людьми, связанными одной верёвкой. О том, как горы меняют тех, кто решается пройти их путь.Горы не покоряются. Они позволяют нам пройти.

© Кухтарова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Глава первая 8
Глава вторая 18
Глава третья 36
Глава четвертая 46
Глава пятая 67
Глава шестая 91
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Анна Кухтарова
Там, где остается ветер. Манаслу

Предисловие

С чего началась эта книга? Любой беде одно начало: сидела девочка, скучала. Но если честно, эта книга началась с маленького рассказа и совсем с другой горы. Когда люди спрашивали Андрея, зачем он ходит в горы, он всегда отвечал неправильно. Говорил: «Красиво», или: «Люблю холод». Иногда пожимал плечами: «Просто нравится». Люди обычно удовлетворялись такими ответами, настоящего ответа он и сам тогда не знал.

Он появился однажды осенью, когда Андрей впервые увидел северную стену Эйгера. В тот день он не собирался никуда подниматься. Просто стоял у станции Кляйне-Шайдегг с остывшим кофе и смотрел на стену, которая будто нависала над всей долиной. Рядом остановился пожилой мужчина с потёртым рюкзаком. Он тоже долго смотрел на Эйгер, а потом сказал:

– Она сегодня спокойная.

Андрей не понял.

– По-моему, выглядит угрожающе.

Старик покачал головой.

– Молодые всегда путают спокойствие с добротой.

Мужчина ушёл, а Андрей запомнил эту фразу на много лет.

Так начался первый рассказ, из которого много позже выросла эта книга. В нём появился Михаил, старый альпинист, которого Андрей случайно встретил снова уже в Тянь-Шане. Они пили чай возле палатки, говорили о горах, о страхе, о вершинах и о том, зачем вообще человек снова и снова возвращается туда, где холодно, трудно и страшно. Михаил говорил, что ему нравится становиться маленьким. Что горы ничего не спрашивают и ничего не обещают. Что там невозможно притворяться.

А однажды, когда во время выхода они встретили человека, которому стало плохо на высоте, Михаил сказал Андрею:

– Ты сейчас выбираешь между горой и человеком. Не ошибись.

Наверное, именно тогда я впервые поняла, о чём на самом деле хочу писать. Не о вершине, не о том, как человек преодолевает высоту. О человеке рядом с другим человеком.

Тот первый рассказ так и остался отдельной историей. Михаил не появится на следующих страницах. Но что-то из него всё-таки осталось здесь. Осталась мысль о том, что горы не делают человека лучше и не дают ему ответов. Они просто забирают всё лишнее. Остаётся дыхание, холод, страх, ветер и люди, которые идут рядом. И в какой-то момент становится понятно, что важнее всего не то, насколько высоко ты поднялся, а то, кого не оставил за спиной.

А потом появилась Манаслу. Уже настоящая. Та, что есть на карте, на чужих фотографиях и в списках тех, кто на неё поднимался. Манаслу я выбрала сознательно. Выдуманной вершины мне не хотелось. Важно было, чтобы герои шли по земле, у которой есть название, через Самагаун, по тропе всё выше, чтобы их палатки стояли на настоящей морене и настоящих высотах, а снег под ботинками был снегом, а не белым цветом на странице. Поэтому я много читала. Географию Манаслу, классический маршрут и его лагеря, высоты и расстояния, погоду, снаряжение, правила движения на высоте. Отчёты, лекции, интервью, чужие дневники, всё, до чего можно было добраться. Мне хотелось понять не только, где находится очередной лагерь, но и как устроена жизнь вокруг него. Сколько воды нужно человеку на высоте, почему за день не стоит набирать слишком много метров. Чем пахнет кухонная палатка и как звучит

лавина, сошедшая в дальнем кулуаре. Почему чай на высоте иногда оказывается вкуснее кофе. Мне хотелось, чтобы гора в этой книге осталась живой.

Но эта книга не об альпинизме и не о том, как покоряют горы. Гора здесь становится пространством, в котором люди оказываются немного ближе к себе и друг к другу. В городе многое держится на удобных словах: «я в порядке», «мне не трудно», «я справлюсь сам». В горах они долго не живут. Здесь гораздо важнее становится другое. Кто молча поправит чужую лямку. Кто останется помочь с посудой. Кто первым заметит, что человек слишком долго молчит. Кто сможет пошутить тогда, когда смеяться совсем не хочется. Кто подождёт, когда остальные уже ушли вперёд. И кто останется рядом, когда становится страшно.

Моей целью было написать книгу про людей. Герои этой книги вымышлены. Их характеры, привычки, разговоры и судьбы принадлежат роману, даже если в ком-то читатель узнает знакомые черты. У каждого из них есть своя причина оказаться здесь, свои страхи, привычки, слабости и то, о чём он предпочитает не говорить. Отдельно мне хотелось сказать о шерпах. Я не хотела превращать их в фон экспедиции или просто в людей, которые появляются рядом с палатками, несут груз и исчезают за пределами кадра. У Пасанга и Тенцинга разные характеры, привычки и способы смотреть на мир. У них есть юмор, усталость, память и жизнь за пределами горы. В этих горах они дома.

Я не стремилась написать техническое руководство, хотя над достоверностью работала серьёзно. Тот, кто хорошо знает альпинизм, наверняка заметит места, где техническая сторона показана не во всей полноте. Так и было задумано. Мне нужно было ровно столько правды, чтобы гора осталась настоящей, и ни строкой больше, иначе узлы, снаряжение и высотные графики начали бы заслонять людей.

Чем дальше я писала, тем лучше узнавала этих людей. Со странностями, привычками, страхами и маленькими слабостями. В какой-то момент они перестали быть для меня персонажами, которых нужно было просто довести до следующей точки маршрута. Я знала, куда они идут, и всё равно не хотела, чтобы дорога заканчивалась.

А дорога заканчивается. Люди возвращаются домой. Снова появляются города, работа, привычные комнаты, телефоны и обычная жизнь. Манаслу остаётся далеко и понемногу превращается из места в воспоминание. Однажды она возвращается сама: в облаке над крышами, в запахе керосина от чьей-то горелки, в имени, которое кто-то произнёс вслух.

Но, наверное, человек возвращается оттуда уже немного другим, поэтому мне и хотелось написать эту книгу. Потому что горы в ней всё-таки не главное. Главное то, что происходит между людьми, пока они идут рядом. Доверие, которое не объявляют, а собирают из мелочей. Страх, который становится легче, когда его с кем-то разделяешь. Дружба, которую никто не планировал. И та странная близость, которая возникает между людьми, когда они однажды оказываются на одной верёвке.

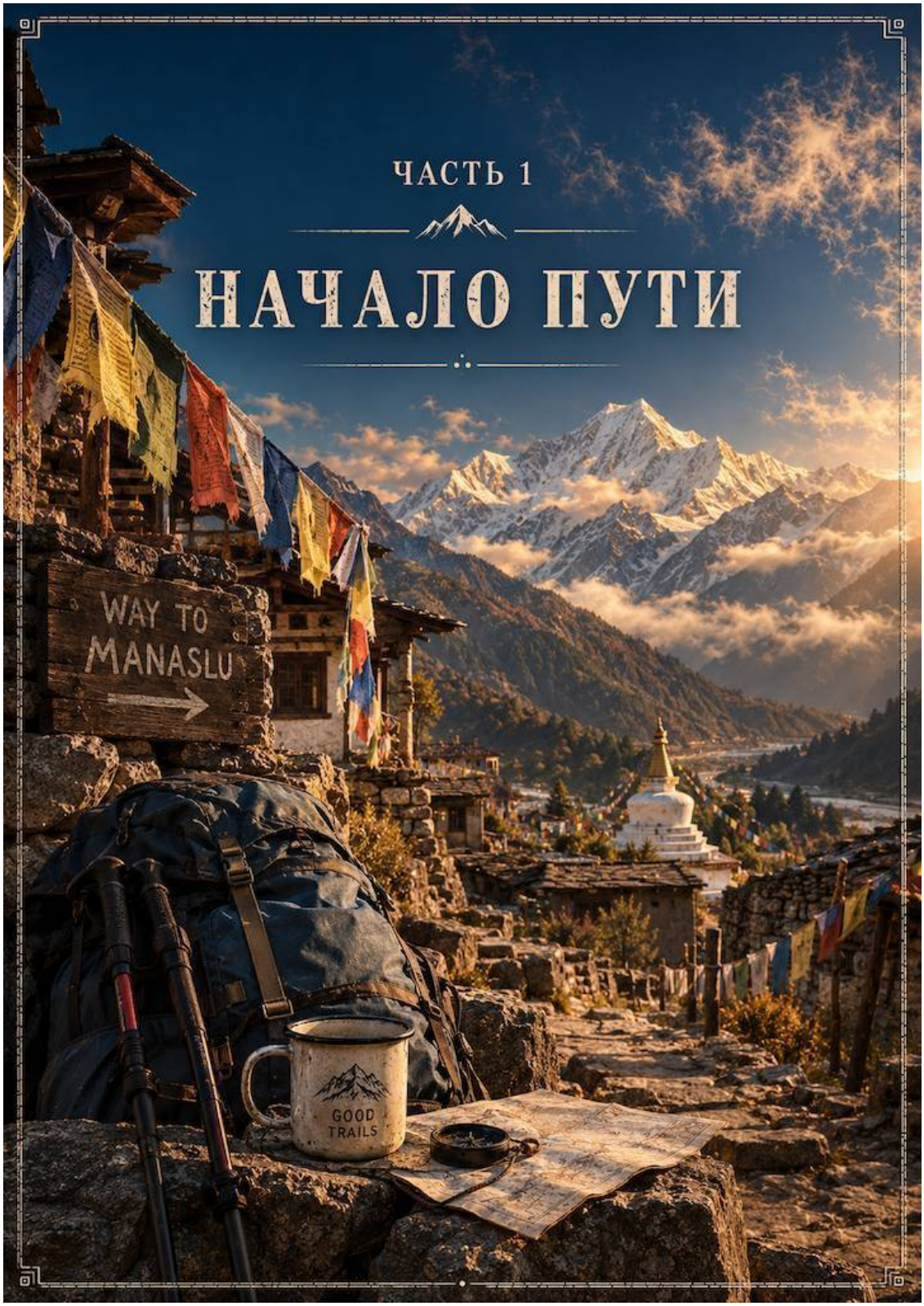
Если в этой книге есть что-то, что мне хотелось сохранить особенно сильно, то именно это ощущение: несколько человек однажды встретились на одной дороге, какое-то время шли вместе, а потом разошлись каждый в свою жизнь, унося с собой кусочек этой дороги.

А ветер продолжает идти своей дорогой.

Он был здесь до них.

Останется после них.

И, возможно, лучше всех умеет хранить то, что люди оставляют после себя.

ЧАСТЬ 1
НАЧАЛО ПУТИ
WAY TO
MANASLU
GOOD
TRAILS

Глава первая

Посадка получилась удивительно мягкой. После пятнадцати часов полета и пересадки Андрей почти машинально ждал привычного удара колес о бетон, того короткого толчка, который всегда ставит точку в полете. За годы поездок он успел привыкнуть к нему настолько, что отсутствие удара сейчас показалось почти ошибкой. Вместо него самолет лишь едва заметно вздрогнул, не всем корпусом, а где-то в самом низу, словно огромная машина наконец позволила себе расслабиться после долгого напряжения и теперь осторожно пробовала землю на ощупь. Двигатели глухо загудели, переходя на реверс, скорость начала постепенно сходить на нет, и вместе с ней медленно отпускало то невидимое напряжение, которое всегда незаметно накапливается в теле за долгий перелет.

По салону почти одновременно прокатился облегченный выдох. Короткий, как последняя нота в долгой симфонии, он словно передавался от кресла к креслу, и в нем не было ни радости, ни усталости, только простое, почти животное удовлетворение от того, что движение наконец закончилось. Где-то позади негромко захлопали в ладоши. Хлопков было всего два или три, они быстро растворились в общем шуме двигателей и голосов, но никто не улыбнулся снисходительно и не обернулся. После долгого перелета такие маленькие проявления радости казались совершенно естественными, почти необходимыми, как первый глоток воды после пробуждения.

Над проходом мигала надпись FASTEN SEAT BELT[1].

Самолет еще продолжал катиться по полосе, его огромное тело слегка покачивалось на неровностях бетона, а где-то впереди уже раздался характерный щелчок расстегнутого ремня. Через секунду к нему присоединился второй, потом третий, эти звуки, сухие и металлические, словно подгоняли саму реальность, приближая момент, когда путешествие перестанет быть ожиданием. Стюардесса даже не повернула головы, а лишь привычно подняла взгляд и произнесла по-английски фразу, которую, вероятно, повторяла десятки раз за день и столько же раз видела, как ее игнорируют:

– Пожалуйста, оставайтесь на своих местах.

В голосе не было раздражения, не было назидания. Только спокойная усталость человека, давно привыкшего к тому, что его работа, вежливо напоминать о правилах, которые все равно никто не соблюдает до конца. Шторки иллюминаторов одна за другой поползли вверх. Солнечный свет, серый и немного размытый, ворвался в салон, заставляя людей щуриться. Пассажиры почти одновременно потянулись к окнам, словно боялись пропустить первое впечатление о стране, ради которой проделали такой долгий путь. Кто-то прижался лбом к холодному пластику, кто-то пытался сфотографировать пейзаж через мутное стекло, заранее зная, что снимок не передаст и половины ощущений.

За стеклом тянулась влажная бетонная полоса, испещренная разметкой, которая когда-то была белой, а теперь стала серой от времени и дождей. Медленно ползли старые аэродромные тягачи с поддонами багажа, возле служебных машин в ярких жилетах переговаривались сотрудники аэропорта, и ветер слегка трепал их капюшоны, а над раскаленным покрытием дрожал теплый воздух. Дальше темнела полоса деревьев, за которой начинались низкие облака, плотно закрывавшие горизонт, словно кто-то специально задернул занавес, не желая показывать главную сцену. Наверное, многие ожидали увидеть Гималаи сразу после посадки. Но горы оставались где-то за плотной серой завесой, словно не испытывали необходимости показываться каждому прилетевшему. И эта невидимость почему-то впечатляла сильнее самого величественного пейзажа. Андрей еще несколько секунд смотрел в окно, потом отвернулся. Он не

[1] Пристегните ремни

был разочарован, скорее, почувствовал что-то похожее на уважение. В салоне уже начиналось привычное послеполетное движение. Щелкали замки багажных полок, шуршали куртки, люди осторожно вытаскивали чемоданы и рюкзаки, стараясь не задеть соседей локтями, но неизбежно задевая. Телефоны уже включались, хотя связи ещё не было, на экранах вспыхивали последние сообщения из прошлой жизни. Ребёнок, проспавший почти весь перелёт, наконец заплакал. Кто-то просто сидел, не торопясь присоединяться к общей суете.

Среди обычного дорожного багажа сразу бросались в глаза те, кто прилетел сюда не на экскурсию. Их выдавали не лица, лица были самые разные, молодые и пожилые, напряженные и расслабленные, а снаряжение. Яркие мембранные куртки, высокие треккинговые ботинки, слишком тяжелые для любого городского путешествия, карабины, поблескивавшие на стропах рюкзаков, свернутые пуховки, аккуратно притянутые компрессионными ремнями. На некоторых баулах висели флажки разных стран, крошечные лоскуты ткани, которые их владельцы привозили с собой из дома как напоминание о том, откуда начался их путь. На других сохранились старые аэропортовые бирки, уже потрепанные дорогой, с едва различимыми буквами и цифрами, которые когда-то что-то значили, а теперь стали частью общего рисунка потертостей.

Часть снаряжения выглядела новым, еще не знавшим льда, камня и снега. Яркая ткань, чистые швы, нерастянутые стропы, вещи, купленные специально для этой поездки, все еще хранили запах магазинов и ожидание первого серьезного испытания. Андрей всегда любил этот момент. Недавно экспедиция существовала только в разговорах, списках вещей, билетах и прогнозах погоды. Здесь же, среди десятков одинаковых баулов и рюкзаков, она впервые становилась настоящей. Люди были незнакомы друг с другом, но уже легко узнавали своих по снаряжению, по потертому экспедиционному рюкзаку, по тому, как человек проверял на себе этот самый рюкзак, поправляя лямки привычным движением.

У каждого была своя история, своя причина стоять сейчас в этом проходе, с тяжелым рюкзаком на плече: кто-то прилетел исполнить давнюю мечту, хранившуюся в ящике стола с детства, когда горы были лишь картинками в книжках; кто-то возвращался в Гималаи не впервые и теперь смотрел по сторонам со спокойствием человека, который знает, что его ждет впереди или по крайней мере, ему кажется, что знает; кто-то искал вершину, четкую точку на карте, которую можно будет отметить в списке достижений. Кто-то искал самого себя, и, возможно, еще не догадывался об этом.

Сейчас эти причины казались важными, почти главными, каждый верил, что именно его мотив самый настоящий, самый достойный, самый правильный. Но опыт подсказывал Андрею, что через несколько недель большинство будет вспоминать совсем другое. Не день восхождения, не фотографии с вершины, не галочку в списке покоренных высот, а лица людей, рядом с которыми довелось пройти этот путь. Усталые глаза над кружкой чая в лагере, короткую шутку, которая помогла пережить тяжелый переход, ладонь, вовремя подставленную на скользком склоне.

Андрей не спешил вставать. Пока большинство пассажиров уже стояли в проходе и нетерпеливо поглядывая на закрытую дверь самолета, он оставался в кресле, чуть откинувшись на спинку и положив ладони на подлокотники. За годы путешествий он давно убедился в простой истине, которая никогда не переставала быть верной: несколько лишних минут ничего не меняют. Самолет все равно не станет пустым быстрее, а багаж не появится на ленте раньше, сколько ни толкайся в проходе. Он сидел спокойно и слушал. Сначала плавно затих гул двигателей, затем в салоне отчетливее проступили другие звуки, которые до этого тонули в непрерывной вибрации полета: скрип открывающихся полок, шелест ткани, негромкие разговоры сразу на нескольких языках, звон металлических пряжек, случайный смех, который вспыхнул где-то в передней части салона и тут же погас.

Андрей нажал на металлическую кнопку замка. Щелчок прозвучал непривычно громко. Он поднялся, не торопясь снял с полки темно-синий рюкзак и привычным движением наки-

нул его на плечо. Лямка легла точно туда, где лежала уже сотни раз, и это ощущение было до того привычным, что действовало успокаивающе. Ладонь машинально скользнула по затертой темно-синей нашивке на клапане с вышитыми когда-то белыми буквами, которые теперь почти не читались. Рюкзаку было больше десяти лет. Он ездил с Андреем на Кавказ, мёрз в палатках Алтая, мок под дождями Валдая, лежал на осыпях Тянь-Шаня. На ткани сохранились потертости и зацепки, происхождение большинства которых Андрей помнил до сих пор.

В Непале этот рюкзак оказался впервые. Он еще не знал, какие отметины появятся на нем здесь, но уже чувствовал, что они будут. Очередь медленно двинулась к выходу. Андрей сделал несколько шагов и невольно снова посмотрел в иллюминатор, тот самый, через который только что смотрел на серую пелену. Облака за это время немного разошлись, словно кто-то невидимый раздвинул их руками. Далеко за аэропортом, почти на границе видимости, на мгновение возникла тонкая белая линия. Настолько тонкая, что ее легко можно было принять за солнечный блик на стекле или случайную игру света. Настолько неподвижная, что она никак не могла быть облаком, облака двигались, ползли, меняли форму, а эта линия стояла непоколебимо, как древний страж на границе мира людей и мира льда. Через секунду дымка вновь сомкнулась, гора исчезла, словно ее и не было. Андрей даже не был уверен, что действительно успел ее увидеть, может, это была лишь игра воображения, обман уставших после перелета глаз. Но где-то внутри неожиданно шевельнулось знакомое чувство. Не восторг, не благоговение, скорее спокойная уверенность, которая появляется перед долгой дорогой. Он узнал его сразу, так бывало перед каждым серьезным путешествием.

Когда дверь самолета распахнулась, теплый воздух буквально ворвался внутрь салона. Так уверенно и спокойно, словно все это время терпеливо ждал за тонкой металлической перегородкой и теперь наконец получил разрешение войти. Он оказался совсем не таким, каким Андрей представлял его дома, сидя в Москве над картами и отчетами. Не пах цветами, не был наполнен благовониями, о которых пишут в путеводителях, и уж точно не пах снегом, как можно было бы ожидать от страны, где стоят восьмитысячники. Первым пришел запах нагретого бетона и авиационного керосина, тот универсальный запах всех аэропортов мира, который мгновенно напомнил десятки других прилетов и вылетов. За ним появились влажная земля, еще не успевшая высохнуть после недавнего дождя, легкий дым откуда-то издалека, какие-то незнакомые специи, возможно, кумин, а может, и что-то, чему он не знал названия. Наверное, так пахла сама страна: влажно, тепло и немного загадочно. На верхней ступеньке трапа Андрей невольно остановился, всего на секунду, но и этого хватило. Организму потребовалось время, чтобы привыкнуть. Воздух здесь был плотнее московского, не тяжелее, а именно плотнее, как будто каждая молекула несла в себе чуть больше жизни. Его хотелось не просто вдохнуть полной грудью, а словно попробовать на вкус, прокатать по языку, чтобы понять, из чего он состоит. Он мягко ложился в легкие, оставляя после себя едва ощутимую влажность, и с каждым вдохом тело чуть больше расслаблялось, отпуская остатки самолетного напряжения.

Внизу уже ждал автобус. Где-то сбоку, натужно урча, полз небольшой тягач с грузовой платформой, на которой громоздились контейнеры. Над взлетным полем нависало тяжелое серое небо, которое еще не решило, будет ли сегодня дождь. А за ограждением поднимались невысокие зеленые холмы, покрытые растительностью, настолько густой, что она казалась почти черной в этом тусклом свете. Автобус быстро заполнялся людьми. Проход почти сразу оказался заставлен огромными экспедиционными рюкзаками и ручной кладью, так что пробираться к свободному месту приходилось боком, извиняясь на нескольких языках одновременно. Андрей не без труда пристроил свой рюкзак между двух огромных баулов. Он был без ярких логотипов, без кричащих цветов, только небольшая белая бирка с фамилией на боковой лямке. Он никогда не любил броские вещи. Опыт давно научил простой истине, которая звучала почти как пословица: чем меньше предмет старается привлечь внимание окружающих,

тем чаще он благополучно возвращается домой. Скромность в горах не добродетель, а техника безопасности.

Автобус плавно тронулся, и за окнами медленно поплыли бетонные полосы аэродрома, низкие здания служб, цистерны, какие-то ангары. В салоне стало удивительно тихо, даже те, кто только что громко смеялся, замолчали, глядя в окна. Кто-то уже отправлял домой короткое сообщение: «Долетели». Всего одно слово, в которое помещалось все время пути и половина земного шара. Кто-то просто молчал, не отрывая взгляда от улицы, словно пытался разглядеть в этом пейзаже нечто большее, чем просто аэропорт. Андрей чувствовал, что путешествие уже началось, хотя до настоящих гор оставались ещё долгие дни пути.

Транспорт остановился у невысокого здания терминала, и люди снова пришли в движение. Двери открылись с коротким шипением, впуская новую порцию влажного воздуха. Поток пассажиров неспешно потек наружу, разбиваясь на небольшие группы, которые сразу начинали оглядываться по сторонам в поисках указателей. На улице было теплее, чем казалось из самолета. Воздух обволакивал влажным мягким теплом, от которого московская сухость кондиционированных офисов, отапливаемых квартир, пересушенного метро вспоминалась почти мгновенно, как что-то очень далекое и оставленное за много тысяч километров. Где-то неподалеку работал дизельный генератор, и его мерное тарахтение смешивалось с остальными звуками.

Пока очередь медленно двигалась к терминалу, шаг, остановка, еще шаг, рядом с Андреем оказался высокий мужчина лет пятидесяти. Он не вынырнул из толпы, а просто оказался рядом, словно все это время шел на расстоянии вытянутой руки, оставаясь незамеченным. Волосы его были короткие и очень светлые, с проседью, лицо покрывал ровный загар человека, привыкшего проводить много времени на открытом воздухе, не пляжный загар, а тот, что появляется от долгих дней под солнцем и ветром, когда кожа становится похожей на старую карту с едва заметными линиями. В руках он держал потрепанную книгу на незнакомом языке. Тканевый переплет выцвел настолько, что первоначальный цвет уже невозможно было угадать, где-то на сгибах проступала серая основа, где-то еще сохранились следы темно-синего. А корешок настолько затерся, что название почти невозможно было разобрать, даже если поднести книгу к самым глазам.

Мужчина поймал взгляд Андрея и чуть приподнял книгу, словно показывая старого знакомого.

– Узнали?

Андрей улыбнулся.

– Нет. Только понял, что ее читают уже очень давно.

Мужчина негромко рассмеялся.

– Это правда. Она ходит со мной в горы уже много лет.

Он провел большим пальцем по потертому корешку.

– Перед каждой экспедицией обещаю оставить ее дома. И каждый раз снова кладу в рюкзак.

Очередь сдвинулась вперед. Несколько шагов они прошли молча.

– Впервые в Непале?

Акцента почти не было. Английский звучал так, будто человек слишком долго разговаривал на нем, чтобы считать его чужим.

– Да. Идем на Манаслу.

Мужчина кивнул не сразу. Слово словно задержалось где-то внутри него.

– Хорошая гора.

Андрей усмехнулся.

– Кажется, так говорят почти про каждую.

– Нет.

Он покачал головой.

– Некоторые горы остаются только на фотографиях.

Очередь снова двинулась, где-то впереди коротко пискнул сканер.

Немец продолжил:

– А некоторые возвращаются домой вместе с тобой.

Андрей ничего не ответил и поправил лямку рюкзака, съехавшую на плечо. Жест вышел машинальным, как дыхание. Такие движения живут в теле годами: поправить лямку, проверить снаряжение, убедиться, что всё сидит правильно. Человек, который не поправляет рюкзак, либо забыл его дома, либо ещё не успел надеть.

Продолжили идти молча. Да и что тут можно было добавить? Он давно перестал ждать от бывалых альпинистов красивых фраз. Люди, прожившие в горах десятилетия, вообще редко пытались говорить красиво. Они называли вещи так, как чувствовали: «хорошая гора», «трудный лёд», «правильный снег». За долгие годы горы отшлифовали их язык до нескольких простых слов, за которыми стояло всё, что невозможно передать длинными объяснениями. И странным образом именно такие короткие фразы врезались в память глубже любых метафор.

До здания терминала оставалось несколько десятков метров. Очередь уплотнилась сама собой, люди инстинктивно подбирались ближе друг к другу, как это всегда бывает перед дверьми. Кто-то уже заранее раскрыл паспорт, обложка в правой руке, большой палец заложил нужную страницу. Сотрудник аэропорта, молодой мужчина в светлой рубашке с коротким рукавом, неторопливо направлял прибывших к разным стойкам, изредка поднимая руку и показывая направление ладонью. Светловолосый мужчина слегка кивнул на прощание и через несколько шагов исчез среди людей. Его седая голова мелькнула ещё раз где-то правее, потом окончательно затерялась в толпе. Андрей проводил его взглядом и вдруг понял, что даже не спросил имени. В его жизни было уже столько людей, которые задержались на одно мгновение, сказали пару слов и исчезли навсегда, растворились в потоке времени, как камень, брошенный в воду. Лишь единицы из них шли об руку дальше, но именно эти редкие встречи чаще всего начинались с такого же случайного разговора в очереди.

Над входом висела простая синяя табличка: Добро пожаловать в Непал. Никаких торжественных фраз, даже восклицательного знака не было, только слова белыми буквами на синем фоне. Страна не обещала гостю ничего, кроме себя самой. Переступая порог терминала, Андрей неожиданно почувствовал то приподнятое состояние духа, какое приходит в детстве, когда открываешь новую книгу на первой странице. Лёгкая радость поднималась откуда-то из глубины и требовала выхода. Он улыбнулся краем губ, заметил это и не стал сдерживать улыбку. Начиналась новая глава, и пусть она ещё не успела наполниться событиями, её название уже звучало внутри. Зал выдачи багажа встретил его высоким потолком и неподвижной чёрной лентой транспортера. Свет здесь был другим, жёлтым, искусственным, он смешивался с дневным, проникавшим через стеклянные двери, и от этого пространство казалось одновременно и замкнутым, и открытым. Под этим светом постепенно собирались пассажиры их рейса. Одни почти вплотную подходили к резиновым створкам, за которыми исчезала лента, и замирали там с выражением напряжённого ожидания на лицах, будто сама близость к транспортеру могла ускорить появление чемоданов. Другие оставались в стороне, опираясь на тележки и терпеливо разглядывая помещение, эти уже знали, что багаж приедет ровно тогда, когда приедет, и ни секундой раньше.

Андрей остановился чуть поодаль, отсюда хорошо просматривалась вся лента, и, пока остальные толпились у самого края, он мог спокойно наблюдать за людьми. Невысокий японец уже раскрыл пластиковую папку и что-то отмечал карандашом в аккуратно распечатанном списке, движения короткие и точные, никакой суеты, только сосредоточенность человека, привыкшего ничего не упускать из виду. Молодая девушка, которая во время посадки не могла оторваться от иллюминатора, теперь нервно поглядывала то на табло, то на неподвижные рези-

новые шторки, и в этом быстром движении глаз читалось нетерпение, ещё не успевшее стать привычкой. Пожилой француз снял очки, неторопливо, даже торжественно, протёр стёкла платком и снова водрузил их на переносицу с такой сосредоточенностью, будто готовился к важному событию, и это простое действие наполняло его спокойной уверенностью.

Никто не разговаривал громко, но тишина не была полной. В воздухе висело особое ожидание, какое бывает только в аэропортах, когда путешествие уже перестало быть планом в ежедневнике, но ещё не началось по-настоящему. Запах авиационного топлива смешивался с запахом нагретого пластика и влажной одежды, где-то далеко гудел очередной самолёт, и этот гул проходил сквозь стены. За створками что-то глухо лязгнуло. Металлический звук прокатился по залу, несколько человек одновременно подались вперёд. Лента едва заметно дёрнулась, замерла, вместе с ней замерли те, кто стоял ближе всего. Секунда растянулась в несколько, потом механизм снова ожил, и чёрная резина медленно поползла вперёд.

Первым появился большой бордовый чемодан, колёса слегка подпрыгнули на стыке, корпус качнулся, выровнялся и поплыл дальше. За ним второй, потом детская коляска в полупрозрачном чехле. Рядом с лентой маленький мальчик в красной кепке серьезно следил за каждым появлявшимся чемоданом. Каждый раз, когда это оказывался не их багаж, он разочарованно вздыхал, а его отец лишь улыбался и терпеливо клал руку ему на плечо. Ещё через несколько секунд выехала хлипкая картонная коробка, туго перетянутая зелёной пластиковой лентой, такие всегда вызывают тревогу у владельцев и улыбку у грузчиков. Кто-то сразу шагнул к ней, осторожно подхватил обеими руками, будто внутри лежало нечто куда более ценное, чем мог обещать потрепанный картон. А затем из тёмного проёма медленно выполз огромный ярко-жёлтый экспедиционный баул. По толпе словно прошёл едва заметный электрический разряд. Несколько человек одновременно шагнули вперёд, кто-то негромко рассмеялся коротким, узнающим смехом, какой бывает у людей, увидевших что-то родное в незнакомом месте.

– Ну вот… наши пошли.

Жёлтый баул с глухим стуком лёг на транспортер и поехал вдоль ленты, он был тяжёлый, неповоротливый, но в этом весе чувствовалась надёжность. Следом появился красный, потом тёмно-зелёный, почти в человеческий рост, перетянутый несколькими слоями серебристого армированного скотча, который поблёскивал под лампами, как рыбья чешуя. Обычный путешественник редко возит столько вещей. Но экспедицию можно было узнать с первого взгляда, даже не видя лиц. Огромные транспортные мешки выглядели так, словно их единственная задача состояла в том, чтобы выдержать всё: десятки погрузок в разных аэропортах мира, дождь, мокрый снег, ледяную крошку на высоте, грубые руки грузчиков и портеров, для которых багаж – всего лишь груз без имени и истории.

Невысокий парень в новой ярко-оранжевой куртке ухватился сразу за две ручки своего баула, рванул на себя, но мешок лишь тяжело качнулся и остался на месте. Мужчина постарше, стоявший рядом, молча подхватил второй конец одним точным движением, каким помогают только те, кто сам когда-то стоял на этом же месте.

– Спасибо.

– Через пару недель даже не почувствуешь такой вес.

Оба улыбнулись и разошлись в разные стороны, словно были знакомы уже не первый год, хотя, скорее всего, увидели друг друга несколько минут назад. Андрей смотрел на них с лёгкой усмешкой, и где-то внутри теплело узнавание. Почти одновременно к большому синему баулу потянулись двое мужчин. На секунду они переглянулись, потом один рассмеялся, показал на бирку с фамилией, и недоразумение тут же закончилось.

Горы обладали странной особенностью. Они заставляли людей помогать друг другу и понимать друг друга еще задолго до того, как для этого появлялась настоящая необходимость.

Из тёмного проёма наконец показался его чёрный баул, почти ничем не отличавшийся от десятков других. Никаких ярких лент, никаких опознавательных знаков, только скромная

белая бирка с фамилией. Андрей дождался, пока тот подойдёт ближе, спокойно взялся за боковую ручку и одним движением снял его с транспортера. Ткань была чуть тёплой. Он нагнулся и быстро осмотрел баул: на плотной ткани появилось несколько новых потёртостей, светлые полосы на чёрном фоне, едва заметные, но уже ставшие частью истории этого мешка. Когда-нибудь они будут напоминать ему о Непале так же, как старые шрамы напоминают о давно заживших ранах.

– Извините… Не поможете?

Андрей обернулся. Невысокая девушка держала одной рукой тёмно-синий баул, но снять его с транспортёра в одиночку не получалось. Он молча подошёл, взялся за ручку и мягко опустил его на тележку.

– Спасибо. – Она с облегчением улыбнулась. – Дома казалось, что вещей совсем немного.

Андрей глянул на баул.

– Это обманчивое чувство.

– Тоже так думали?

– Каждый раз.

Она тихо рассмеялась.

– Значит, не лечится?

– Нет. – Он выдержал паузу. – Просто со временем начинаешь брать другие лишние вещи.

– Какие?

– Те, без которых вроде можно обойтись… но почему-то не получается.

Она улыбнулась:

– Уже интересно.

– Через месяц расскажете, что привезли обратно нераспакованным.

– Договорились.

Они сделали несколько шагов вдоль ленты.

– Я Лена.

– Андрей.

Рукопожатие оказалось неожиданно крепким, не деловым, а скорее привычным. Она посмотрела на него внимательнее.

– Вы альпинист?

– Пытаюсь.

– Не-а. – Она покачала головой. – Уже.

– Почему вы так решили?

– Вы не суетитесь. – Лена пожала плечами. – Люди, которые идут в горы впервые, обычно очень торопятся, даже когда ждать всё равно нечего.

Андрей усмехнулся.

– А вы?

– А помогаю людям забираться на горы и не умереть по пути.

– Вы гид?

– Не совсем. – Она улыбнулась. – Я врач, слежу за состоянием восходителей, лечу, останавливаю и разворачиваю, если это необходимо.

– И что, всё время за ними ходите?

– Когда нужно. – Она чуть пожала плечами. – Иногда важнее просто вовремя заметить, что человек устал.

Андрей впервые посмотрел на неё внимательнее. Одежда самая обычная: джинсы, кроссовки, футболка. Но от обычного человека её отличали часы с поцарапанным безелем, след от солнцезащитных очков на переносице, ногти, коротко остриженные почти под самый палец, и ладони не грубые, но с теми едва заметными мозолями, которые остаются после долгой работы с верёвкой.

Она перехватила его взгляд и улыбнулась.

– Проверку прохожу?

Он слегка смутился.

– Так заметно?

– Тем, кто сам так же смотрит на людей, да.

Он рассмеялся.

– Поймали.

– Ничего. – Она кивнула. – Я тоже всегда сначала пытаюсь понять, с кем имею дело.

Лена легко толкнула тележку.

– Ну что, кажется, нас наконец выпустят.

Они двинулись к выходу вместе. Перед стеклянными дверями на секунду остановились. Автоматика сработала с тихим щелчком, и в лицо сразу ударил тёплый влажный воздух, совсем другой: не кондиционированный воздух аэропорта, а настоящий, с запахом пыли, выхлопных газов, чего-то сладкого и незнакомого.

Лена глубоко вдохнула.

– Вот теперь прилетели.

Андрей поправил ремень рюкзака, проверил, не перекрутилась ли лямка, и взялся за ручку тележки. За стеклянными дверями уже начинался Непал – страна, которую он пока не знал, но которую собирался узнать шаг за шагом, километр за километром. А за городом лежала дорога, которая с каждым пройденным километром будет становиться всё уже, всё выше и всё тише, пока не останется только ветер и камень.

Несколько шагов и прохладный воздух терминала остался позади. На улице оказалось шумнее, чем внутри, и этот шум обрушился сразу, как волна: голоса смешивались с автомобильными сигналами, тарахтением старых мотоциклов, криками птиц где-то над головой и каким-то бесконечным городским гулом, который не распадался на отдельные звуки, а существовал сам по себе, плотный и живой, как дыхание огромного существа. Лена растворилась в толпе, а Андрей раздосадованно понял, что даже не спросил, какая гора.

Перед зданием аэропорта толпились встречающие. Кто-то держал в руках листы бумаги с фамилиями, написанными от руки, кто-то высоко поднял табличку с названием туристической компании, пластик с выцветшими буквами поблескивал на солнце. Водители такси переговаривались между собой, лениво наблюдая за прибывающими пассажирами и иногда выкрикивая названия отелей. Несколько человек уже оживлённо обнимались у самого входа, смеялись, хлопали друг друга по плечам, долгая дорога наконец заканчивалась для одних, а для других она только начиналась.

Андрей медленно повёл взглядом вдоль ряда табличек. Большинство названий были ему незнакомы: трекинговые агентства со сложными непальскими именами, экспедиционные фирмы, местные гиды, предлагающие свои услуги, гостиницы, обещающие лучший вид и горячую воду. Почти возле самого края, чуть в стороне от основной толпы, стоял молодой непалец в тёмно-синей куртке. Он держал белую пластиковую папку, на которой крупными печатными буквами было написано название их экспедиции, то самое, что Андрей видел в десятках писем и документов последние несколько месяцев.

Через несколько минут возле непальца начали собираться остальные участники группы. Кто-то уже успел познакомиться ещё в самолёте, кто-то только сейчас впервые называл своё имя, и слова повисали в воздухе вместе с выхлопными газами и криками птиц. Высокий мужчина со светлыми волосами, которого Андрей видел у терминала, подошёл чуть позже, остановился рядом и коротко кивнул, простое движение головой, но в нём читалось продолжение уже состоявшегося разговора, как будто пауза между репликами растянулась на полчаса и теперь диалог возобновился сам собой. Появилась супружеская пара, они держались за руки и оглядывались по сторонам с тем особым спокойствием, какое бывает только у людей, путешеству-

ющих вместе не первый десяток лет. Чуть в стороне встал молодой японец. Худощавый, невысокий, с аккуратно подстриженными тёмными волосами и спокойным, почти непроницаемым лицом. Он не вмешивался в разговоры, только время от времени переводил взгляд с одного участника группы на другого, будто запоминал их. Ещё несколько человек катили такие же, как у него, огромные экспедиционные баулы, и этот багаж мгновенно выдавал в них будущих участников одной дороги, общей на ближайшие недели.

Все были уставшие, тени под глазами, помятая одежда, замедленные движения, но вдохновение пробивалось сквозь усталость, как свет сквозь утренний туман. Говорили негромко, спрашивали, как прошёл перелёт, обменивались именами, шутили о том, что настоящая проверка багажа начнётся только после первого лагеря. Каждый ещё оставался самим собой, со своими привычками, маршрутами, историями, о которых никто пока не знал. Командами им только предстояло стать.

Из-за ряда машин выехал небольшой белый микроавтобус. Краска на кузове немного выгорела, кое-где пошла мелкими трещинками, но машина выглядела ухоженной. На лобовом стекле висела гирлянда из оранжевых бархатцев, цветы уже начали увядать, но всё ещё источали слабый пряный запах. Над зеркалом заднего вида покачивалась маленькая фигурка Будды, вырезанная из тёмного дерева, и в этом покачивании было что-то успокаивающее, почти гипнотическое. Водитель ловко припарковался у тротуара, вышел и сразу начал помогать с багажом, без лишних слов, одними движениями, отточенными годами работы. Следом из микроавтобуса выбрался мальчишка лет двенадцати. Не говоря ни слова, он начал подавать ремни для крепления груза так быстро и привычно, словно занимался этим каждое утро. Баулы ложились в грузовой отсеке с удивительной скоростью. Водитель словно заранее знал, как уложить несколько сотен килограммов снаряжения, чтобы всё поместилось и ничего не повредилось в дороге. Высокий француз хотел помочь, но водитель с улыбкой покачал головой и двумя короткими жестами показал, что здесь у каждой вещи давно есть свое место. Андрей задержался на секунду, прежде чем убрать свой баул. Ладонь легла на плотную ткань, ту самую, которую он проверял ещё дома, сидя на полу среди разложенных вещей. Андрей поднялся в автобус последним и сел на свободное место. Сиденье пахло старой тканью и чем-то сладковатым, возможно, благовониями, которые здесь жгли не один месяц. Двигатель тихо заурчал, где-то под полом мягко завибрировала коробка передач, впереди был Катманду. У окна молодая девушка снова прижалась лбом к стеклу. Похоже, ей так же, как и Андрею, не хотелось пропустить ни одной детали нового города. Микроавтобус плавно выкатился с территории аэропорта, у самых ворот охранник коротко отсалютовал водителю, тот ответил едва заметным кивком, не отрывая взгляда от дороги, и растворился в потоке незнакомого города, где всё пахло незнакомым и обещало приключения.

3
Выдача багажа
Baggage Claim

Глава вторая

Сначала Андрей услышал звук. Он еще не проснулся окончательно, не успел открыть глаза, но сознание уже медленно всплывало из сна, цепляясь за размеренное металлическое постукивание. В промежутке между сном и бодрствованием звук казался частью механизма, который работал сам по себе, в комнате, где еще никого не было. Щелк. Пауза на половину оборота лопастей. Снова щелк. Андрей открыл глаза. Под потолком вращался старый вентилятор, широкие лопасти лениво разрезали теплый воздух, а где-то внутри изношенного механизма на каждом круге отзывался металл. Вентилятор работал, наверное, уже ни один десяток лет, и этот маленький щелчок давно стал частью комнаты, такой же привычной, как рассохшиеся оконные рамы или потертая деревянная мебель. Сквозь тонкие занавески в комнату просачивалось мягкое утреннее солнце. Оно еще не успело стать жарким и ложилось на стены спокойными золотистыми полосами. Одна из них пересекала подушку и краем задевала плечо.

В комнате не было ничего лишнего, только вещи, которых вполне хватало человеку, приехавшему сюда не проводить время, а жить несколько дней перед дорогой. Белые стены с едва заметными трещинками возле потолка, небольшой деревянный шкаф, стол с бутылкой воды и электрическим чайником. Над кроватью свисала москитная сетка, собранная почти под самым потолком. Сейчас она напоминала аккуратно свернутый парус, который еще не расправил ветер.

Андрей несколько секунд просто смотрел перед собой. Так иногда бывает после долгой дороги: просыпаясь, человек не сразу понимает, где находится. Мозгу требуется время, чтобы собрать мир заново: Москва, аэропорт, самолет, пересадки, Катманду. Воспоминания возвращались спокойно, одно за другим, без спешки, словно кто-то неторопливо раскладывал вещи по своим местам. На лице сама собой появилась улыбка.

Получилось.

Все месяцы подготовки, бесконечные тренировки, списки, проверки документов, разговоры о снаряжении, прогнозы погоды, ожидание визы, последние рабочие недели, которые тянулись мучительно долго, все осталось позади. Экспедиция наконец-то началась, и запах непальского утра, просачивавшийся в маленький номер, заставил сердце радостно сжаться в предвкушении.

Андрей потянулся, хрустнув плечами, и сел на кровати, опустив ноги на пол. Каменная плитка приятно холодила ступни. Его взгляд упал на раскрытый чёрный баул, небрежно брошенный у двери после долгой дороги. После путешествия на крыше автобуса он покрылся тонким слоем дорожной пыли, которая как серая вуаль легла на ткань, смягчив цвет. Он подошел к окну, отодвинул занавеску и распахнул створки настежь. Воздух оказался совсем не таким, каким запомнился накануне вечером. За ночь город словно успел умыться. Пахло мокрой землей, листьями, нагретым деревом и чем-то жарившимся совсем неподалеку. Горьковатый дымок масла мешался с ароматом специй, и от этого неожиданно захотелось спуститься вниз, даже не представляя, что именно готовят. Воздух был густым, почти осязаемым. Хотелось стоять у окна, позволяя незнакомому городу понемногу переставать быть незнакомым.

Внезапно Андрей понял, что именно казалось непривычным: здесь почти не было ветра. Это удивляло. Горы всегда начинались для него именно с ветра. Он помнил его на перевалах Кавказа, где тот без труда пробирался сквозь одежду, и на каменистых гребнях Алтая, где он никогда не спрашивал разрешения появиться. Ветер всегда первым сообщал человеку, что тот оказался на чужой территории.

Катманду встречал иначе. На соседнем балконе пожилой европеец складывал карту, а во дворе молодой шерп молча подтянул ослабшую стропу на чужом бауле. Город просыпался постепенно. Откуда-то издалека донесся короткий автомобильный сигнал, почти сразу полу-

чивший ответ, затем по улице с характерным дребезжанием проехал старый мотоцикл. Совсем рядом каркнула ворона. В эту негромкую перекличку вплелись голоса людей, звон посуды и едва различимый лай собаки.

Просыпался город, совершенно непохожий на тот, к которому Андрей привык дома. Только теперь он посмотрел вниз. Гостиничный двор оказался небольшим и неожиданно уютным. Посреди него стояли несколько мотоциклов, на бензобаке ближайшего блестела капля росы. Возле стены дремал старый белый микроавтобус, покрытый тонким слоем пыли, вдоль дорожки тянулись глиняные горшки с цветами, а между двумя балконами была натянута бельевая веревка, на которой едва заметно покачивались полотенца. Все выглядело так, словно день здесь начинался медленнее, чем в больших городах. Никто не спешил, люди вместе с природой начинали свой размеренный день.

Во дворе работал мальчик лет шести, обеими руками придерживая большую зеленую лейку, явно слишком тяжелую для него. Каждый раз, наклоняя ее, он поливал не только цветы, но и плитку, собственные сандалии, штанины, однако, это ничуть его не смущало. Вода выплескивалась из носика неровными толчками, и мокрые следы оставались на каменной кладке темными заплатами, которые через минуту бесследно высыхали под утренним солнцем. Мальчик занимался своим делом с такой серьезностью, будто без него гостиница сегодня действительно не смогла бы проснуться. Андрей невольно задержался у окна. Дойдя до последнего горшка, мальчик поставил лейку на землю, перевел дух и неожиданно поднял голову. Их взгляды встретились. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга через двор, после чего мальчик совершенно серьезно поднял ладонь, не помахал, а именно поздоровался, так, как это делают соседи, случайно встретившиеся ранним утром возле дома. Андрей ответил тем же жестом. Лицо мальчика осталось таким же серьезным. Будто убедившись, что обязательная часть утреннего ритуала выполнена, он снова поднял лейку и продолжил поливать цветы с прежним невозмутимым усердием. Улыбка еще некоторое время не сходила с лица Андрея. Подобные короткие встречи почему-то запоминались ему гораздо лучше многих разговоров.

Подняв взгляд выше, он увидел уже сам город. За невысокой стеной начинались крыши домов, плоские, с небольшими балконами, на одном из которых женщина развешивала белье, спутанные провода, натянутые между столбами, и редкие кроны деревьев. Казалось, кто-то однажды перебросил через весь квартал огромный клубок черной проволоки и с тех пор больше не пытался его распутать. Провода расходились в разные стороны, переплетались, снова сходились, исчезали за фасадами, образуя сложную сеть, по которой взгляд мог блуждать бесконечно. Смотреть можно было бесконечно, город завораживал, но пора было собираться. Впереди ждал долгий день. На спинке стула висели джинсы и легкая рубашка. Рядом лежал паспорт, бумажник и телефон, который за ночь успел окончательно разрядиться. Андрей поставил его на зарядку, взял паспорт и открыл на странице с новой визой. Непальский штамп выглядел удивительно скромно, несколько строк, дата, название аэропорта. Чернила еще не успели полностью впитаться в бумагу и казались чуть более темными, чем старые отметки из других поездок. За последние годы таких штампов накопилось немало, каждый означал новую страну, новую дорогу, новых людей. Некоторые путешествия почти стерлись из памяти, другие вспоминались до мелочей, стоило только увидеть знакомую дату или название аэропорта. Этот штамп пока ничего не рассказывал, он был пустым, все, что однажды станет воспоминанием, еще только должно было произойти. Андрей медленно провел большим пальцем по краю страницы, это была странная, но давняя привычка, словно прикосновение могло сделать происходящее более настоящим. Андрей закрыл паспорт и положил его обратно на стол. Раздался короткий, уверенный стук. Не громкий, но и не осторожный. Так стучат только в те двери, за которыми точно знают, кто находится. Андрей невольно улыбнулся. Некоторых людей узнаёшь не по голосу, а по тому, как они закрывают дверь машины, ставят кружку на стол, смеются или стучат. Андрей открыл дверь. На пороге стоял Костя. Высокий, с чёрными непослушными

волосами и живыми карими глазами, он выглядел так, словно проспал полдороги, уткнувшись лбом в иллюминатор. Рюкзак висел на одном плече, футболка помялась после перелёта, а на лице уже играла знакомая задорная улыбка.

– Ну, привет, бродяга!

– И тебе привет.

– Я уже думал, ты передумал.

– С чего бы?

– Не знаю. Любишь ты устраивать сюрпризы.

Они шагнули навстречу друг другу и крепко обнялись, без хлопков по спине, без дежурных фраз. Когда отпустили друг друга, Костя сделал шаг назад и внимательно посмотрел на Андрея.

– Похудел.

– Спасибо.

– Это не комплимент.

– Тогда тоже спасибо.

Костя хмыкнул.

– Вид у тебя… не очень.

– Ты после ночного перелёта тоже не модель.

– Я всегда красавец.

– Самовлюблённый.

– Вот теперь узнаю тебя.

Он сбросил рюкзак на пол и сразу оглядел комнату. Баул был раскрыт, вещи лежали кучками, рядом валялась аптечка.

– Ты серьёзно ещё не собрался?

– Почти.

– Это слово я от тебя слышу лет пятнадцать.

Андрей пожал плечами.

– Рабочая схема.

Костя наклонился, поднял кошки[2].

– Опять сверху положишь?

– А что?

– Потом будешь искать носки без дырок.

– Зато быстро.

– Ты невозможный человек.

– Но экспедиции всё равно ходишь со мной.

– Вот это и пугает.

Оба рассмеялись. Смех вышел лёгким, привычным. Костя поставил кошки обратно и вдруг спросил:

– Как мама?

Вопрос прозвучал так спокойно, что Андрей не сразу ответил.

Он только выдохнул.

– Уже лучше.

Костя молча кивнул.

– А если честно?

Андрей потер переносицу.

[2] Альпинистское снаряжение, предотвращающее скольжение по льду и позволяющее карабкаться по отвесным склонам. Накладки на ботинки с острыми стальными зубьями.

– Если честно… я думал, всё. Когда позвонили, вообще ничего не соображал. Купил билет, прилетел… Врачи сказали, что похоже на инсульт. Потом оказалось, что нет. Но эти сутки…

Он махнул рукой, договаривать не хотелось.

Костя прислонился к стене. Несколько секунд молчал.

Потом сказал:

– Я всю дорогу ждал сообщения, что ты не прилетишь.

– Я тоже, до последнего не понимал, что делать.

– А она что сказала?

Андрей невесело усмехнулся.

– “Езжай. Тебя ждут горы, и Костик один не справится.” Так что тоже за тебя, балбеса, переживает.

Костя тоже улыбнулся.

– Очень на неё похоже.

Снова стало тихо. За окном кто-то громко сигналил, в коридоре хлопнула дверь.

– Знаешь, что самое мерзкое? – тихо сказал Андрей.

– Что?

– Что пока сидел возле неё, всё время думал про экспедицию.

Он помолчал.

– А когда сел в самолёт, всё время думал про неё.

Костя посмотрел на него так, будто ответ уже давно был готов.

– Значит, ты нормальный человек. Не выбирают между двумя важными вещами без чувства вины.

Андрей поднял глаза. Фраза повисла в комнате, Костя первым нарушил тишину.

– Ладно.

Он хлопнул ладонью по баулу.

– Заканчивай собираться.

– Командовать уже начал?

– Конечно.

– Мы ещё до базового лагеря даже не доехали.

– Поэтому и начал сейчас.

Андрей усмехнулся.

– Чай будешь?

– Буду.

– Пять минут есть.

Костя взял чашку, сел на край кровати.

– Если автобус уедет без нас…

– Догоним.

– Пешком?

– Мы же вроде за этим сюда и приехали.

Костя рассмеялся.

– Всё, узнаю своего Андрюху.

Они допили чай, Костя подхватил рюкзак и вышел. На пороге обернулся.

– Жду в столовой.

Андрей молча кивнул. Он остался стоять, шаги в коридоре становились тише, растворялись в звуках просыпающейся гостиницы. Где-то хлопнула дверь, по лестнице быстро пробежали, кажется, кто-то из персонала, босые пятки прошлёпали по деревянным ступеням. Снизу потянуло кофе и кардамоном, к ним примешался тёплый запах топлёного масла. Наверху скрипнули половицы, в коридоре негромко переговаривались двое сотрудников, мимо пробе-

жал ребёнок, и почти сразу с лестницы донёсся тонкий звон посуды. Звуки не ломали тишину, а прорастали сквозь неё, утро медленно заливалось в старое здание людьми, голосами, запахами.

Андрей постоял ещё немного и начал собираться. Он присел около баула и проверил снаряжение. Пуховка, стянутая в тугой компрессионный мешок, каска с глубокими царапинами на левом боку – след камня, сорвавшегося на Чимтарге три года назад. Аккуратно смотанная верёвка. Аптечка. Термос, ещё хранивший прохладу аэропорта. Тонкие перчатки поверх всего, как напоминание, что через несколько дней тёплый влажный воздух останется далеко внизу. Андрей достал перчатки, повертел в руках и отложил в сторону. Он любил этот момент. Экспедиция не начиналась у подножия горы. Она начиналась раньше, с того вечера, когда на полу квартиры появлялся раскрытый баул, с проверки снаряжения, с привычного движения рук, снова и снова перекладывающих вещи, пока каждая не находила своё место. Поначалу ему казалось, что он уделяет слишком много внимания мелочам. Какая разница, где лежат запасные батарейки? В какой карман убрать налобный фонарь? Но после нескольких серьёзных восхождений он понял, что разница есть. Порядок рождался не из аккуратности, а из уважения к обстоятельствам, в которых однажды придётся искать нужную вещь на сорокаградусном морозе, в темноте, дрожащими от усталости пальцами. Он достал старую щётку и походную бритву и направился в душ. Вода ударила по плечам жёсткими струями, смывая остатки перелёта, гул самолётных двигателей и липкую усталость пути. Андрей стоял, уперевшись ладонями в стену, и чувствовал, как вместе с водой уходит напряжение, о существовании которого он даже не подозревал.

Он отжал ножной вентиль душа, и вода, секунду помедлив, стихла. Плечи и спина ещё хранили тепло, а с кончиков волос на бетонный пол срывались капли, оставляя тёмные точки, которые расползались и исчезали через минуту. Андрей накинул полотенце, подошёл к раковине, выдавил на щётку пасту, мятную, с горчинкой, и пока чистил зубы, слушал, как в трубе за стеной ухает и затихает вода.

Одевался он в тишине. Натянул белую чистую футболку, прямые синие джинсы и любимые треккинговые кроссовки. Паспорт и телефон отправились в карман рюкзака. Движения не требовали внимания, руки сами знали порядок, выученный годами. Зеркало над столом поймало его отражение, когда он застёгивал рюкзак. Высокий, стройный, с ещё влажными светлыми волосами, которые, подсыхая, вились и торчали в разные стороны. Андрей выглядел моложе своих двадцати семи. Вода скатывалась по вискам, несколько прядей падали на лоб. Зелёные глаза казались темнее обычного, под ними залегла тень усталости. Он замер на секунду. Так выглядит человек, переставший опаздывать. Вчерашний день состоял из гудков, писем, минутной стрелки. Теперь время измерялось высотой солнца над двором, расстоянием до обеда, скоростью, с которой высыхает футболка на верёвке. Он поднял рюкзак за лямку. Тот качнулся в руке. Блокнот, бутылка, камера, паспорт. Всё необходимое было на месте. Из коридора доносились негромкие звуки просыпающегося отеля, а из открытого окна тянуло кофе и чем-то пряным. Андрей погасил лампу у кровати. Солнце уже пробралось сквозь занавески и оставило на стене тёплое золотистое пятно.

Он вышел в коридор и замер у перил. Гостиница выглядела не как декорация для туристов, а как обычный старый непальский дом, который просто продолжал жить своей жизнью. Узкий пролёт тянулся вдоль внутреннего дворика, в щелях между половицами виднелась вытертая плитка первого этажа. Перила блестели, дерево было отполировано ладонями до янтарного глянца. Лестница отзывалась на каждый шаг глубоким скрипом, и в этом звуке чудился вес всех, кто спускался по ней прежде, с рюкзаками, карабинами на поясе, банками тушёнки, переложенными в рюкзак тёплыми вещами. Стены были завешаны фотографиями. Некоторые выцвели так, что лиц почти не разобрать, только серебристая дымка и контур. Но горы оставались отчётливыми: белые пики под ультрамариновым небом, молитвенные флажки над ледником, шерп с корзиной за спиной, который смотрит куда-то мимо объектива. В одной

рамке картонка с надписью «Manaslu Base Camp[3]», перед ней семеро альпинистов. Один поднял кружку, другой смеялся, третий прищурился от яркого снега и глядел в камеру так, будто знал того, кто будет разглядывать этот снимок тридцать лет спустя. Обычные лица, обветренные, небритые, счастливые. Не фотография для журнала, а карточка для себя. Андрей задержался у снимка, сам не зная почему. Может, именно эта обыкновенность и привлекала его в походах: мокрые ботинки, натёртые плечи, чай в термосе, разговоры дотемна. Горы не требовали легенды, они просто снимали лишнее, оставляя человека таким, каким он проснулся утром.

Снизу донёсся смех, спокойный, низкий, будто за столом встретились давно знакомые люди. Звон фарфоровой чашки, шелест перевёрнутой страницы, обрывок английской фразы, которую перебили непальским «ча» – «чай». Аромат кофе ещё держался в воздухе, но сквозь него уже проступал запах поджаренного хлеба, топлёного масла и чего-то сладковато-острого, от чего желудок вдруг напомнил, что самолёт приземлился много часов назад. Спускаясь, Андрей провёл ладонью по перилам. Дерево отозвалось глухим теплом, не успевшая остыть за ночь поверхность, гладкая, как старая кость. На мгновение пахнуло лаком и летней пылью: дедушкина дача, где сосновые ступени темнели каждой весной, а свет, падая на волокна, заставлял их светиться янтарём. Внизу из-за стойки поднялся непалец в светлом жилете поверх белой рубашки. Ладони сошлись у груди, голова чуть наклонилась.

– Namaste.

Ни гостиничной улыбки, ни заученной любезности, просто соседское приветствие. Андрей неуклюже сложил ладони в ответ. Мужчина опустил взгляд, одобрительно мигнув: жест принят. На стойке темнела бронза сидящего Будды. Рядом бархатцы, уже начавшие терять лепестки на полированное дерево, и керамическая плошка, из которой поднималась сандаловая нить дыма. Она покачивалась, истончалась и исчезала под балками. Дым не спорил с запахом кофе из столовой, они просто были в одном пространстве, как вода и масло в стакане, не смешиваясь, но уживаясь. Администратор бросил короткую фразу девушке за соседним столом. Та кивнула. Где-то в глубине дома зазвонил телефон, гудок вошёл в тишину и растворился, не нарушив её, а лишь обозначив на секунду. В Москве такое утро не поместилось бы в часы. Здесь оно лежало перед Андреем свободно, как вещь, которую никто не торопит взять.

Стеклянная дверь во двор стояла нараспашку. Город шумел сквозь неё многослойно, но без нажима. Клаксоны, велосипедный звонок, обрывки разговора, детский смех, собачий лай, дизельное урчание и птичьи трели не перебивали друг друга, а текли рядом, как рукава одной реки на равнине. Он шагнул наружу. Тёплый воздух коснулся щеки, пахнущий пылью, выхлопными газами и чем-то пряным. Катманду шумел вокруг, пёстрый и непривычный, и Андрей на мгновение задержался, пытаясь охватить взглядом незнакомый город. Он повернул к столовой.

За соседними столиками перекатывался приглушённый говор. Андрей вслушивался в мелодику, подъёмы, спады, гортанные смычки, пытаясь отделить французский от итальянского, немецкий от скандинавского. За окном поднимали раздвижные двери, выставляли на тротуар ящики со специями, вывешивали связки платков. Катманду просыпался полосами: солнечная сторона улицы уже дышала теплом, теневая ещё хранила ночную сырость. Молодой француз с пластырем на пятке безуспешно пытался свернуть бумажную карту одной рукой, придерживая второй чашку кофе. За дальним столом двое шерпов вполголоса обсуждали что-то над списком грузов. Один коротко улыбнулся и поставил галочку карандашом, второй молча кивнул, и они продолжили работу.

[3] Базовый лагерь Манаслу

У окна сидел Костя. Большая белая кружка кофе отсвечивала матовым боком, рядом лежала развернутая карта Катманду. Один край придавлен солонкой, второй то и дело сворачивался в трубку.

Андрей направился к столу.

Костя поднял взгляд и вместо приветствия кивнул в сторону окна.

– Гляди.

Стул отозвался деревянным скрипом по каменному полу, коротким и глухим.

Костя указал чашкой наружу.

– Вон.

Во дворе, на раскидистом манговом дереве, хозяйничала стая обезьян. Одна сидела почти неподвижно, лениво перебирая листья, и солнечные пятна скользили по её серой шерсти. Другая, зажав в лапах булку, невозмутимо жевала на заборе, пока где-то внизу размахивал руками незадачливый хозяин завтрака. Маленький детёныш попытался перепрыгнуть на соседнюю ветку, сорвался и повис на руках. Мать даже не вздрогнула, просто подхватила его за загривок и вернула обратно. Буднично. Будто делала это по десять раз на дню.

Андрей усмехнулся.

– Уже нашли, у кого что можно стащить.

– Я за ними минут двадцать наблюдаю, пока тебя ждал.

– И что выяснил?

Костя сделал глоток кофе.

– Что любая экспедиция устроена примерно так же.

– Даже интересно стало.

– Видишь вон того здорового, который вообще ничего не делает?

На толстой ветке развалился крупный самец. Он почти не двигался. Только иногда лениво чесал бок и равнодушно наблюдал за суетой остальных.

– Вижу.

– Вожак. Прямо как Игорь.

Андрей рассмеялся.

– Не начинай.

– А что? Очень похоже. Все бегают, таскают, выясняют отношения, а он сидит с таким видом, будто именно благодаря ему всё это работает.

– Неправда. Игорь просто умеет не делать лишних движений.

– Конечно. Помнишь его любимую фразу: “Если проблему можно решить спокойно, не надо бегать. Если нельзя решить спокойно, бегать тем более бесполезно”?

Андрей кивнул.

– Зато потом выяснялось, что он всё давно заметил и уже придумал, что делать.

– Именно. Я в первую экспедицию вообще думал, что ему всё равно, что вокруг происходит. А потом оказалось, что он знает, кто сколько выпил воды, у кого начинает болеть голова и кто уже второй день делает вид, что не устал.

Андрей улыбнулся.

– Поэтому за ним и ходили.

Костя перевёл чашку чуть правее.

– А вон тот мелкий…

Детёныш снова полез туда, куда не следовало, зацепился лапой за тонкую ветку и опять едва не свалился.

– Это Егор.

Андрей прыснул.

– Один в один.

– Я тебе больше скажу. Если бы у обезьян были кошки, он бы полез спасать кошку. Потом пришлось бы спасать его. Потом того, кто полез спасать его.

– Зато сердце у него правильное.

– Кто спорит? Именно поэтому он постоянно влипал.

Андрей покачал головой.

– Помнишь Хан? Когда он полез помогать тем ребятам с соседнего маршрута?

– Конечно помню. Через пять минут уже сам висел так, что пришлось организовывать целую спасработу.

– А ведь искренне хотел помочь.

– Вот в этом весь Егор. Никогда не проходит мимо чужой беды. Просто иногда случайно создаёт свою.

Оба рассмеялись.

Костя покачал головой.

– Игорь тогда вечером сказал: “Хороший парень. Только за ним всегда нужно отправлять ещё одного хорошего парня.”

– А лучше сразу двух.

Костя замолчал и потянулся за тостом, отломил уголок, потом ещё один. Андрей смотрел на его руки и вдруг понял, что за все годы ни разу не видел, чтобы Костя просто ел. Хлеб в его пальцах неизменно становился меньше ещё до первого укуса. Салфетка складывалась в аккуратную полоску. Пустой пакетик сахара сам собой превращался в крошечный квадратик.

Руки всё время были чем-то заняты.

– Чего смотришь?

– Думаю, ты вообще умеешь есть как нормальный человек?

Костя опустил взгляд на тост.

– А что не так?

Андрей молча забрал у него хлеб и положил обратно на тарелку.

– Вот. Теперь просто возьми и укуси.

Костя послушно взял тост. Несколько секунд всё шло хорошо, потом большой палец сам собой отломил уголок.

Андрей рассмеялся.

– Безнадёжный.

Костя посмотрел на собственные руки, будто только сейчас заметил, что они опять принялись за своё.

– Похоже.

Андрей потянулся за баночкой абрикосового джема, но Костя был быстрее и придвинул ее к себе.

– Даже не думай.

Андрей сделал вид, что не понял.

– Почему это?

– Потому что он мой.

– С каких пор?

– С тех пор как я прилетел последним. Мне положена моральная компенсация.

– Очень удобные правила у тебя.

– Я их сам вчера придумал.

Не отвечая, Андрей спокойно забрал баночку.

Костя несколько секунд молча наблюдал за происходящим.

Потом тяжело вздохнул.

– Вот поэтому я и не люблю совместные экспедиции.

– Из-за джема?

– Всё начинается с джема. Потом незаметно исчезают носки. Потом кружка. Потом кто-то говорит: “Кость, дай фонарик на пять минут.” И всё, больше ты его не видишь.

– Ты драматизируешь.

– Нет. Я опираюсь на многолетний опыт общения с некоторыми людьми.

Андрей невозмутимо намазал тост толстым слоем янтарного джема.

– Странно. А мне казалось, что в горах всё общее.

– Верёвки, палатки и горелки. На джем международные соглашения не распространяются.

– Хорошо, что мы пока ещё не в горах.

Костя усмехнулся, покачал головой и молча налил ему чай.

Чашка приятно согревала ладони, керамика была чуть шершавой, с мелкими трещинками глазури. Андрей сделал первый глоток и удивлённо остановился. Чай оказался терпким, с мягкой сладостью пряностей. Кардамон он узнал сразу, за ним появилась корица, а следом что-то совсем незнакомое, едва уловимое, пряное и тёплое.

Он сделал ещё один глоток.

– Неплохо.

Костя удовлетворённо кивнул.

– Я же говорил, здесь утром сначала кормят человека.

Он взял булочку, разломил её пополам. Корочка хрустнула и осыпалась крошками на деревянную столешницу. Костя щедро намазал обе половинки маслом.

– А уже потом отправляют совершать подвиги.

– Разумный подход.

– Очень. Голодный альпинист вообще плохо принимает решения.

Он немного подумал и добавил:

– И принимает их слишком быстро. А сытый хотя бы успевает сначала подумать.

Андрей улыбнулся.

– Ну, это правило родилось не на пустом месте.

– На очень даже полном, обычно после ужина у костра.

У дальней стены, отдельно от остальных, завтракал один из участников экспедиции. Андрей не сразу его заметил, но тонкие черты лица и светлые волосы с проседью нельзя было перепутать. Это был норвежец, которого от встретил у терминала. В свете утреннего солнца на загорелой коже проступали морщинки, они были глубокими, сухими, привычными. Он не щурился сейчас, но эта сеточка вокруг глаз оставалась, как старая карта, на которой уже не меняют маршрутов. Перед ним стояла почти нетронутая чашка кофе, рядом лежал небольшой потёртый блокнот в тёмной матерчатой обложке. Он ел медленно, почти не поднимая головы. Время от времени откладывал вилку, делал в блокноте короткую запись карандашом, задерживал взгляд на странице на несколько секунд и только потом возвращался к завтраку.

– Смотри-ка, – тихо сказал Андрей.

Костя мельком обернулся.

– Видел его ещё утром. Постоянно что-то записывает.

– Наверное, из тех людей, которые ничего не оставляют памяти.

– Или памяти не доверяют.

Костя пожал плечами.

– Может быть.

Друзья ели не торопясь, словно стараясь запомнить вкус. За окном шелестело манговое дерево, и обезьянья стая уже перебралась выше, к верхним веткам. Ребята знали, что совсем скоро аппетит станет таким же редким, как воздух, и однажды есть придётся уже не ради удовольствия, а ради сил.

Костя снова развернул карту.

– После завтрака у нас есть время.

– Предлагаешь прогуляться?

– Уже договорился, правда, видимо, придется провести его с пользой. Но, думаю, будет увлекательно.

Андрей поднял взгляд.

– С кем?

– С Толей. Пока ты наверху собирался, я поймал его, спросил, успеем ли пройтись по городу.

– И?

– Сказал: “Конечно. Весь день в вашем распоряжении, но только по делу”. В этом весь Толик. Я ходил с ним в трекинг вокруг Эвереста. Помнишь, когда ты болел несколько лет назад. Классный мужик, познакомитесь, сегодня. С виду ханжа, но он раскрывается со временем.

– Значит, официальное разрешение получено.

– Даже благословение.

Он провёл пальцем по извилистым улочкам, и бумага тихо зашелестела под его ладонью.

– Мне кажется, если пройти вот здесь, потом свернуть через рынок, можно выйти к площади и почти нигде не лезть в основной поток.

Андрей наклонился над картой.

– А если окажется, что здесь всё перекопано?

– Тогда свернём.

– А если опять заблудимся?

Костя поднял глаза.

– Мы же не в лесу.

– Это ничего не меняет.

– Меняет.

Он усмехнулся.

– Здесь на каждом углу можно спросить дорогу.

– И получить пять разных ответов.

– Тем интереснее.

Андрей покачал головой.

– Иногда мне кажется, что тебе нравится не приходить куда нужно.

Костя задумался на секунду.

– Нет… Мне нравится находить то, чего не искал.

Он сложил карту и сделал глоток чая.

– Самые интересные места обычно появляются именно тогда, когда маршрут чуть-чуть ломается.

Костя улыбался так легко, что становился почти похож на того парня, с которым они когда-то впервые поехали в горы. Даже растрёпанные после сна волосы вдруг делали его моложе. Словно впереди было не большое восхождение, а обычная поездка с лучшим другом, где самым серьёзным вопросом оставалось, какую улицу выбрать следующей. За соседними столиками негромко переговаривались постояльцы. Андрей пытался угадывать языки, вслушиваясь скорее в мелодику речи, чем в отдельные слова. Где-то звякнула ложка о край чашки, женский смех прозвучал короткой трелью и стих. За окном один за другим открывались маленькие магазинчики, поднимались металлические жалюзи, выставлялись на тротуар корзины со специями и фруктами. Пахло нагретым камнем и благовониями с улицы, где-то далеко прогудел мопед.

День в Катманду набирал обороты, погружаясь в свою ежедневную рутину. За воротами коротко просигналили раз, потом настойчивее.

Костя повернул голову первым.

– Похоже, приехали еще восхлдители.

Андрей выглянул в окно. Во двор, покачиваясь на рессорах, въехал белый микроавтобус с высоким багажным каркасом на крыше. Краска на дверях пошла пузырями, над колесом темнела вмятина. Двигатель кашлянул и смолк, и водитель спрыгнул на землю, смуглый, в линялой футболке, и привычно полез проверять стяжные ремни. Боковая дверь отъехала с железным скрежетом. Люди выходили медленно, щурясь на утренний свет. Кое-кто разминал шею, придерживая поясницу ладонью, некоторые, ещё не проснувшись, молча стоял, упершись руками в бока и глубоко дыша. Деловые уже двинулись к стойке регистрации, двое или трое смеялись над чем-то, что началось еще в дороге. Водитель выгружал багаж: сумки цвета хаки, малиновые баулы, чёрные рюкзаки с нашивками разных стран. Андрей смотрел на вещи, уже прожившие свою жизнь. На одном рюкзаке ткань побелела на сгибах, у другого ручка была прошита толстой капроновой нитью, и стежки ложились неровно, кто-то перебивал вручную и не в самой комфортной обстановке. У баула приземистого немца крышка отливала другим оттенком зелёного, будто её меняли после встречи с багажной лентой где-нибудь в Дели или Дохе. Такие вещи ничего не рассказывали, но хватало взгляда на застиранный угол или след от чужой бирки, чтобы понять: рассказать им есть что.

Во двор уже вышли шерпы. Один легко вскинул на плечо баул, который Андрей едва смог бы оторвать от земли, второй распределял груз между носильщиками, перебрасываясь короткими фразами на непальском. Движения у них были спокойные, точные, без единого лишнего жеста,так двигаются люди, чьё тело помнит работу лучше головы.

Костя проводил их взглядом.

– Каждый раз завидую.

– Кому?

– Им.

– Серьёзно?

– Представляешь? Никакой почты.

– Зато пятьдесят, а то и сто килограммов на спине.

– Это честнее.

– Честнее чего?

– Ты хотя бы сразу понимаешь, почему устал.

Андрей прыснул.

– Так что тебе мешает? Ты будешь моим шерпой?

Костя рассмеялся.

– Ага, сто раз.

– Хотя тебе не понравится. У них наверняка есть такие же совещания, как и у нас?

– Например? Что они могут обсуждать? Дедлайны проекта Манаслу?

– Ну… Старший шерпа собирает всех утром и говорит: “Коллеги, сегодня несём аккуратно, без опозданий.”

Костя фыркнул.

– Нет.

– Почему так уверенно?

– Потому что тогда кто-нибудь обязательно предложил бы создать рабочую группу по переносу баулов.

Андрей не выдержал и рассмеялся.

– А потом провести ещё одну встречу, чтобы обсудить результаты первой.

– Вот именно. А они уже, гляди, полмашины разгрузили, пока мы придумывали им совещания.

Двор наполнялся голосами: английская, немецкая, французская речь смешивалась в один гул. Люди хлопали друг друга по плечу, пожимали руки сдержанно или обнимались, узна-

вая. Кто-то уже нетерпеливо разбирал чужие баулы в поисках своей бирки. Ещё четверть часа назад гостиница была просто гостиницей с отдельными номерами и разрозненными туристами, теперь же она стягивалась в узел: приехавшие впервые оглядывались по сторонам, возвращавшиеся не в первый сезон кивали знакомым. Экспедиция обретала лица, голоса, повадки. А где-то за крышами, всё ещё скрытые облачной пеленой, стояли вершины, белые и равнодушные ко всему, что происходило сейчас в этом дворе.

Андрей задержался взглядом на людях. Ещё вчера большинство из них были именами в списке участников, сегодня они смеялись, рылись в баулах, вспоминали прошлые маршруты или впервые называли свои имена будущим товарищам. Совсем скоро им предстояло стать одной командой.

Костя поднялся. Ножки стула скрипнули по плитке, вырвав Андрея из размышлений.

– Пойдём?

Андрей кивнул, поставил чашку на блюдце, чай давно остыл, ещё раз окинул взглядом двор и пошёл к выходу.

Андрей вернулся в номер и замер у порога. За ночь комната немного обжилась: куртка осела на спинке стула, солнцезащитные очки лежали на столике стёклами вниз и ловили утренний свет, рядом, темнела раскрытая книга, страницы пошли волной от влажности. Он закрыл книгу, проверил документы и телефон в рюкзаке. Пальцы сами легли на налобный фонарь, потом на нож, потом на фотоаппарат, старый, с потёртым ремешком и царапиной у видоискателя. Качество давно отставало, но снимки выходили мягкими, чуть зернистыми, и это устраивало его больше резкой цифровой картинки. Последовательность он держал одну и ту же много лет, не из суеверия, просто в ней вещи не терялись. Из баула он вытащил несколько мелочей, оставленных до последнего, застегнул молнию рюкзака, подхватил баул и уже у двери обернулся, взгляд сам пробежал по углам. Костя уже был в коридоре, он сидел на полу у стены, вытянув ноги, и боролся с компрессионным мешком. Пуховка внутри сопротивлялась каждому рывку. Костя тянул стропы на себя, мешок пружинил обратно. Лицо у Кости было серьёзное, как на переговорах.

– Ну давай… Не позорь меня перед людьми.

Пуховик не поддался.

Андрей остановился рядом.

– Проигрываешь?

– Пока ничья.

Костя налёг всем весом, мешок наконец сжался, но стропа сорвалась с мокрой ладони, и пуховка выдохнула обратно с тихим хлопком. Оба смотрели на неё несколько секунд.

Андрей присел и прижал мешок коленом. Костя быстро перехватил стропы и защёлкнул пряжки.

– Вот теперь узнаю настоящую экспедицию, он вытер ладони о брюки. – Ещё даже из гостиницы не выехали, а уже приходится побеждать собственное снаряжение.

– Хорошо хоть оно пока не отвечает.

– Не сглазь, через неделю начнёт мстить.

Андрей усмехнулся. Костя поднялся, взвесил баул в руке и кивнул.

– Теперь похоже на дело.

Ладонь легко хлопнула по туго набитой ткани.

– Пошли?

– Пошли.

Во дворе солнце уже перевалило через крышу. Двое шерпов спускались по лестнице с баулами, один мешок зацепился за перила, шерп перехватил его одной рукой и понёс дальше плавно, будто внутри перекатывались не железки и баллоны, а пара пуховых спальников.

Костя присвистнул.

– Каждый раз удивляюсь.

– Чему?

– Что они улыбаются, когда таскают то, что я бы и с места не сдвинул.

Двор гудел. Посередине на картонках были разложены коробки со снаряжением и провиантом. Каждая команда определила для себя отдельный участок двора, и сборы были в самом разгаре. Кто-то перебирал аптечку прямо на крышке баула, блистеры высыпались на брезент. Двое мужчин спорили над термосом, зажатым между ботинок. Девушка в ярко-жёлтой куртке давила коленом на переполненный рюкзак, молния расходилась снова и снова. Шерпы раздавали бирки, перебрасывались короткими фразами. Суета лежала ровным слоем, но внутри неё каждый двигался по своей траектории.

– Андрей?

Он обернулся. За складным столом сидел мужчина лет пятидесяти. Высокий, сухой, жилистый, с седыми волосами и лицом, которое будто годами обтачивали ветер и солнце. Кожа глубоко изборождена морщинами, резкие черты напоминали старое дерево, потемневшее от времени и непогоды. Перед ним лежали списки, тетради и стопки документов на непальском языке. Карандаш быстро сделал пометку в таблице, только потом мужчина поднял взгляд.

– Подходи.

Андрей поставил рюкзак у ножки стола.

– Андрей.

– Знаю.

Мужчина протянул руку.

– Анатолий.

Крепкое короткое рукопожатие. Взгляд привычно скользнул по ботинкам, по рюкзаку, по рукам.

– Ботинки разнашивал?

– Да.

– Хорошо.

Галочка легла в список.

– Где ходил?

– Эльбрус. Казбек. Белуха, Чимтарге. В этом году были в Казахстане.

– На акклиматизации, – вставил Костя, подходя ближе. – Перед Непалом специально съездили.

Анатолий кивнул.

– Это правильно.

Он перевернул страницу.

– До какой высоты поднялись?

Андрей назвал цифру.

– Самочувствие?

– Нормально. Голова немного поболела первый день, потом отпустило.

– Хорошо.

Он сделал ещё одну пометку.

– Значит, организм уже знает, что такое высота. Это пригодится.

Костя улыбнулся.

– Мы так и решили, что Казахстан был генеральной репетицией.

Анатолий посмотрел на него поверх очков.

– Подготовкой. Не репетицией.

– А разница?

– В Казахстане вы могли проверить, как организм переносит высоту. Как работает снаряжение. Как вы сами работаете в горах. – Он закрыл папку. – Здесь всё это пригодится. Но на восьми тысячах привычного опыта может оказаться недостаточно.

Костя перестал улыбаться.

– Даже если всё пойдёт по плану?

– Особенно если решите, что всё идёт по плану.

Повисла короткая пауза.

– До базового лагеря дойдём спокойно. Несколько дней на подход, потом поживём в лагере, посмотрим, как каждый переносит высоту.

Андрей кивнул.

– Хорошо.

– А дальше гора сама покажет, с какой скоростью вас пускать.

Костя усмехнулся.

– Вот это уже больше похоже на знакомство.

Анатолий покачал головой.

– Не знакомство.

Он на секунду задумался, будто подбирал самое простое слово.

– Скорее… умение слушать.

И снова открыл папку.

– Запомни главное. Если почувствуешь, что что-то не так, говоришь сразу.

– Понял.

– Не когда станет совсем плохо, а когда только покажется, что становится хуже.

Он задержал взгляд на Андрее.

– И еще одно, здесь не соревнование.

Он сделал пометку в списке.

– До вершины доходят не все, домой должны вернуться все.

– Понял.

– Следующий.

Андрей сделал шаг в сторону.

Костя сразу посмотрел на него.

– Ну?

Андрей пожал плечами.

– Теперь понял чуть больше.

– Это нормально, – усмехнулся Костя. – К концу экспедиции поймём ещё немного. А всё остальное уже дома.

Костя посмотрел на часы и перевел взгляд на ворота, за которыми уже несколько минут никто не появлялся.

– Что-то Алекс задерживается.

Андрей оглядел двор. У автобуса по-прежнему смеялись, проверяли списки и снаряжение, шерпы распределяли и паковали грузы, непальская речь перекатывалась мягкими волнами. Автобус уже почти загрузили. Шерпы быстро передавали друг другу баулы, коробки, связки верёвок. Работа шла без суеты, но остановок не было. У багажного отсека длинный пластиковый контейнер встал наискось. Один шерп придерживал его, второй пытался подтолкнуть снизу, но край снова соскользнул.

Андрей подошёл.

– Помощь нужна?

Шерп поднял голову и сразу улыбнулся.

– О, да! Спасибо!

Втроём они чуть приподняли контейнер, одновременно качнули груз, и тот легко вошёл в отсек.

– Спасибо, мой друг.

– Рад помочь.

Шерп широко улыбнулся, сказал что-то товарищу.

Тот посмотрел на Андрея, рассмеялся и согласно кивнул.

К этому моменту подошёл Костя.

– Поздравляю.

– С чем?

– Кажется, ты стал чуть больше своим.

– Через контейнер?

– Нет. Помощь они не от всех принимают.

В этот момент за воротами коротко рявкнул клаксон.

Жёлтое такси притёрлось к обочине. Из открытой двери сначала показалась большая дорожная сумка, потом рюкзак, а следом донёсся усталый, слегка возмущённый голос:

– Нет, это точно мой. Пожалуйста, не отдавайте его кому-нибудь ещё. Мы с ним и так последние сутки путешествовали отдельно.

Костя облегчённо выдохнул и усмехнулся.

– Всё. Нашёлся.

Через секунду во двор вошёл Алекс. Рубашка была безнадёжно помята, под глазами залегли тёмные круги, на щеке краснел след от подголовника. От него пахло самолётным кофе, кондиционированным воздухом аэропортов и мятной жвачкой, которой обычно пытаются обмануть усталость после бессонной ночи. Он остановился на мгновение, окинул взглядом двор, нашел знакомые лица, и только потом улыбнулся. Узнаваемо. Той самой чуть кривоватой улыбкой, после которой обычно следовало предложение, от которого разумнее было отказаться… и которое почему-то всегда оказывалось хорошей идеей.

– Мужики…

Костя уже шагнул навстречу. Они крепко пожали руки, потом коротко обнялись.

Он повернулся к Андрею и крепко обнял его.

– Привет. Рад видеть.

– Взаимно. Дорога, смотрю, решила тебя проверить ещё до гор?

– И не говори.

– Мы уже решили, что ты остался где-нибудь между пересадками.

– Честно говоря, в какой-то момент я тоже так решил, – Алекс поставил сумку на землю и с удовольствием расправил затёкшие плечи. – Всё начиналось вполне прилично. Потом мой чемодан решил, что ему в Катманду нужнее, чем мне. Пока я носился по аэропорту, он совершенно спокойно улетел своим рейсом, а меня почему-то отправили в Дели.

Костя тихо присвистнул.

– Неплохо. Разделились ещё до начала экспедиции.

– Причём, судя по всему, чемодан путешествовал гораздо организованнее меня. Когда я наконец добрался до стойки информации, очень серьёзный сотрудник минут десять убеждал меня, что моего багажа здесь нет.

– Смелое заявление.

– Да. Я ему говорю: “Это я уже заметил. Теперь хотелось бы понять, где нахожусь я относительно собственного багажа.”

Андрей невольно улыбнулся.

– И что он?

– Задумался.

Алекс выдержал небольшую паузу.

– По-настоящему задумался. Было видно, что человек очень хочет помочь, но инструкция на такой вопрос ничего не предусматривает.

Костя рассмеялся.

– Не мучай. Чем всё закончилось?

– Как обычно. Через пару часов появился другой сотрудник. Молча посмотрел в компьютер, нажал две кнопки и говорит: “Не переживайте. Ваш багаж уже ждёт вас в Катманду.”

– То есть чемодан приехал раньше хозяина?

– Именно. Думаю, успел освоиться, познакомиться с местными и теперь рассказывает всем, какой я непунктуальный.

– Хорошо хоть не ушёл на Манаслу без команды.

– Я, если честно, уже был готов и к такому развитию событий. Ждал от него фото с вершины.

Смех вырвался сразу у всех троих. Лёгкий, беззаботный, словно вместе с ним окончательно исчезло напряжение последних минут.

Алекс поднял сумку.

– Если после всего этого выяснится, что он ещё и вещи мои разложил по гостинице, я вообще перестану ему быть нужным.

Костя покачал головой.

– Только ты способен проиграть соревнование собственному баулу.

– Зато честно.

Он улыбнулся и оглядел двор.

– Ну рассказывайте. Что я успел пропустить?

Андрей кивнул в сторону гостиницы.

– Пока только знакомство с Анатолием.

Алекс понимающе хмыкнул.

– Ботинки уже проверил?

– Проверил.

– Конечно проверил, – улыбнулся Алекс. – Он всегда сначала смотрит на ботинки. Потом на глаза. А уже потом решает, какие вопросы задавать.

– Это что-то означает?

– Конечно. Он пытается понять, сколько внимания каждому понадобится в горах.

Андрей машинально оглянулся на дверь, за которой остался Анатолий.

– И много он успевает понять?

Алекс пожал плечами.

– Обычно достаточно. Но окончательные выводы он делает уже где-нибудь на третьем дне трека.

Он подхватил сумку, поставил ее рядом с баулами ребят и легко закинул рюкзак на плечо.

– Ладно. Теперь, кажется, можно наконец перестать путешествовать по аэропортам и заняться тем, ради чего мы сюда приехали.

Во дворе ожидание ушло, растворилось в движении. Возле складного стола стоял Анатолий с Пасангом. Перед ними лежал раскрытый блокнот, калькулятор с выцветшей клавишей «плюс» и несколько пачек рупий, перетянутых резинками. Они считали портеров, баулы, килограммы. Тележка проехала мимо, покачивая свёрнутыми палатками и синими пластиковыми бочками, на коробках с продуктами лежали бухты верёвки, ещё пахнущей магазином. Шерп остановил тележку движением ладони, пробежал глазами список, тронул каждый тюк пальцем и только потом кивнул возчику. Анатолий подошёл к Андрею и протянул листок, исписанный мелким почерком.

– Андрей, я слышал, вы хотели прогуляться по городу.

– Было такое желание, я здесь первый раз.

Андрей улыбнулся.

– Возьмёшь Алекса и Костю, деньги у Пасанга. Нужно докупить газ, продукты, расходники и проверить верёвки. Если найдёте свежую партию, берите её. Тут всё указано. – Он помедлил. – И хорошо бы получить сдачу. Здесь первую цену никто всерьёз не воспринимает. – Уголок рта дёрнулся. – Следуйте за Пасангом, будет интересно.

Андрей посмотрел на Алекса.

– Может хотя бы чаю человеку дадим? Анатолий тоже посмотрел на Алекса. Тёмные волосы аккуратно зачесаны вперед, опрятная одежда, не смотря на сложный перелет. Он держался бодро, но усталость всё-таки проступала в лице, в чуть замедленных движениях, в том, как он время от времени переносил вес с ноги на ногу. Даже улыбка, с которой он появился во дворе, теперь казалась скорее привычкой, чем признаком того, что он полон сил.

– Если успеете.

Андрей сложил лист пополам, провёл ногтем по сгибу и убрал бумагу в карман.

– Успеем. Мы быстро и в путь.

– Куда сначала? спросил Алекс.

– Туда, где дешевле.

– Не слушай его, – Костя усмехнулся. – Сейчас Пасанг поведёт нас туда, где лучше.

Пасанг, шедший на полшага впереди, обернулся. Солнце высветило седину у висков

– Сначала железо, потом продукты.

Он сделал ещё шаг и добавил, не оборачиваясь:

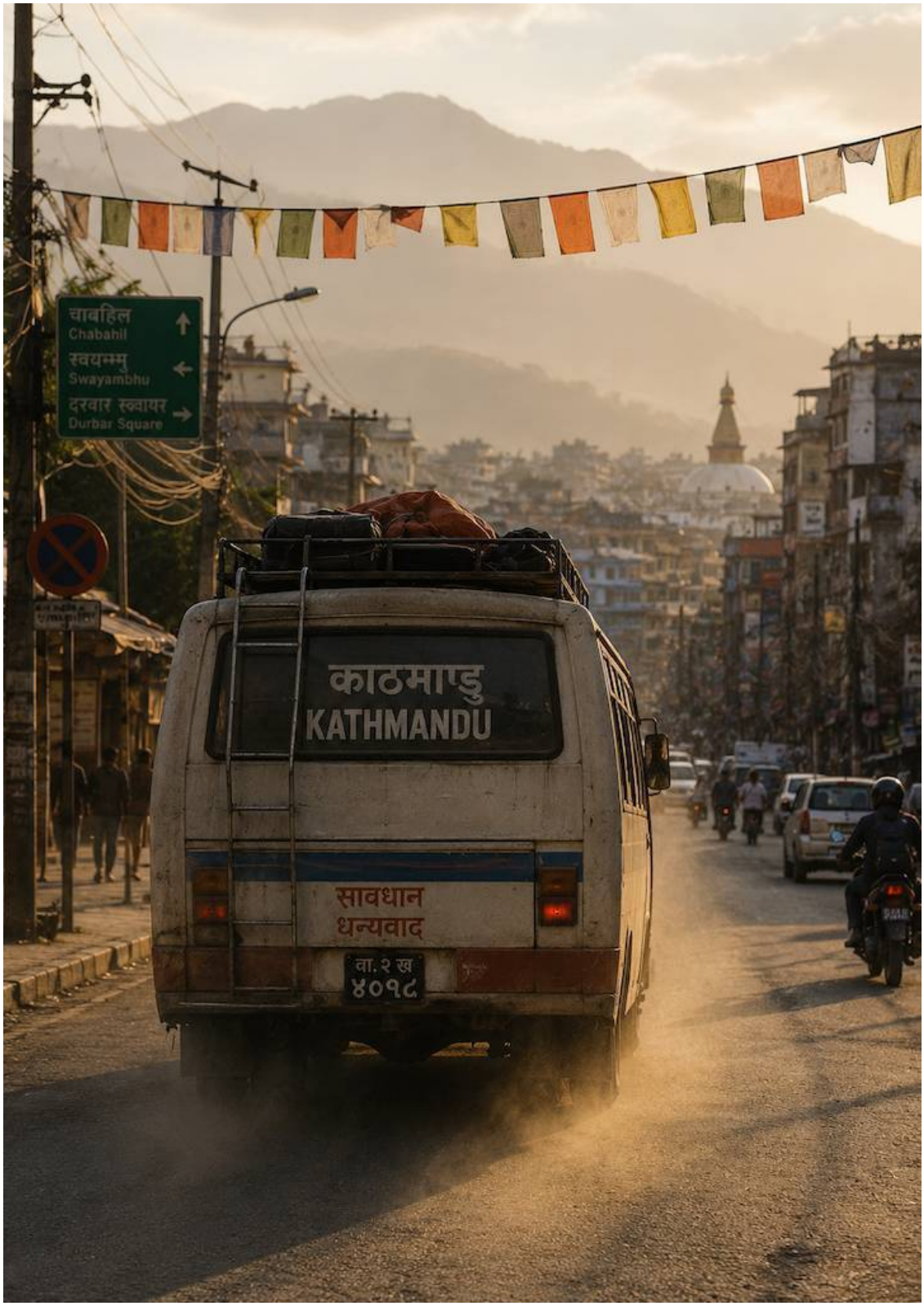
– И чай.

– Чай тоже в списке обязательного снаряжения? Без него не взойдём? – спросил Андрей.

Пасанг посмотрел на него с таким спокойствием, словно вопрос был совершенно серьёзным.

– Конечно. Без хорошего чая горы становятся выше.

Все улыбнулись. После короткого чаепития ребята собрались и вышли со двора уже предвкушая уличную пыль, шум моторов и запах кардамона из первой же чайной.

चाबहिल
Chabahil
स्वयम्भु
Swayambhu
दरबार स्क्वायर
Durbar Square
काठमाण्डु
KATHMANDU
सावधान
धन्यवाद
बा. २ ख
४०१८

Глава третья

За воротами отеля улица приняла их в свои объятия. Колея дороги петляла между кирпичных стен в три этажа, навстречу катил мотоцикл с двумя сёдлами, за ним другой, и оба прошли, не сбавляя хода, хотя расстояние между рулём и стеной оставалось в ладонь. Женщина в зелёном сари несла на голове корзину манго, плоды поблёскивали на солнце. Мальчишка толкал тележку с пирамидой картонных коробок, перетянутых бечёвкой. Где-то справа спорили двое мужчин у прилавка с обувью, а слева, на циновке перед чайной, сидел старик и держал стакан обеими ладонями. Город гудел негромко, как улей на просушке, и поверх этого гула ложился запах: сперва жжёного масла и теста, потом пряностей, нагретых на сковороде, потом холодной древесной пыли. Через десять шагов ветер принёс сандал и что-то сладкое, а следом потянуло резиной, машинным маслом и новой синтетикой из распахнутой двери альпинистского магазина. Андрей шёл и ловил носом каждый слой, словно счастливый пес.

Рядом с овощной лавкой девушка в школьной форме терпеливо ждала, пока отец перевяжет шпагатом стопку учебников. Курьер на старом велосипеде ловко проскользнул между двумя мотоциклами, не переставая насвистывать. Над улицей висели молитвенные флажки: синие, белые, красные, зелёные, жёлтые. Они тянулись от балкона к балкону, от крыши к столбу, и ветер едва заметно шевелил выцветшую ткань. Ниже флажков гроздьями шли провода: чёрные, толстые и тонкие, скрученные в жгуты, перехваченные изолентой на стыках. Кое-где они провисали так низко, что задевали верхний край вывески, и небо между ними виднелось только клочками. Но именно так всё и должно было быть, молитва и электричество на одном гвозде, без пафоса.

Пасанг шагал впереди, руки в карманах. Он почти не глядел по сторонам, но иногда поднимал ладонь.

– Namaste.

– Namaste, Pasang!

Из лавки выглянул седой мужчина в вязаной шапке. Он широко улыбнулся, пожал Пасангу руку, потом кивнул остальным.

– Expedition?

– Manaslu.

Старик поднял большой палец вверх.

– Good mountain, strong mountain. Good luck[4]!

Он произнёс это легко, будто говорил о старом знакомом. Андрей невольно улыбнулся. В Москве незнакомые люди почти никогда не желали удачи просто так. Здесь это казалось совершенно естественным, будто весь город понемногу собирал их в дорогу.

Через несколько минут Пасанг остановился у небольшой лавки. Дверь была открыта настежь, на улице стояли ледорубы, под потолком висели десятки бухт верёвки. На деревянных полках рядами лежали карабины, жумары[5], кошки, каски, горелки и газовые баллоны. В глубине магазина что-то негромко играло по радио. За прилавком поднялся пожилой хозяин, увидев Пасанга, он сразу вышел навстречу. Они обнялись, словно не виделись много месяцев, хотя, судя по всему, встречались совсем недавно. Хозяин сказал что-то по-непальски, Пасанг рассмеялся.

Потом повернулся к ребятам.

– Он спрашивает, сколько человек опять хочет идти туда, где трудно.

– Передай, что семь, – сказал Костя.

---

[4] Хорошая гора, сильная гора. Удачи!

[5] Альпинистское снаряжение, позволяющее закрепляться на веревках.

Пасанг перевёл.

Старик кивнул с таким видом, будто именно такого ответа и ждал, положил на прилавок две одинаковые бухты верёвки. На первый взгляд они ничем не отличались, обе ярко-оранжевые, обе новые, обе с заводскими бирками.

Алекс взял первую, медленно размотал около метра, провёл верёвку между ладонями, потом слегка согнул. Посмотрел на оплётку и положил обратно. Вторую он даже не стал разворачивать полностью. Коснулся пальцами и кивнул.

Хозяин магазина улыбнулся, ни один из них не произнёс ни слова.

Андрей переглянулся с Костей.

– Что сейчас произошло?

– Разговор профессионалов, – серьёзно ответил Костя.

– Я не понял.

– Я тоже. Надеюсь, что они – да.

Все рассмеялись, даже старик. Магазин изнутри оказался длинным, как кишка, за первым залом открылся второй, потом третий, и в каждом горел свой свет: над прилавком лампа дневного освещения, в проходе голая лампочка на витом шнуре, в дальнем углу, жёлтый абажур, засиженный мухами. Стены дышали металлом и резиной. Скальные крючья и оттяжки самых разных форм и размеров были развешены по стенам, а под ними, как бочонки с порохом, стояли пластиковые красные бочки. Откуда-то сверху спускались бухты верёвок, они чуть покачивались, когда кто-то задевал их плечом. На длинных, чуть прогнувшихся стеллажах лежали ролики, блоки, горелки, запасные мембраны для насосов, ремкомплекты палаток и сотни предметов, названий которых Андрей не знал, но теперь ему хотелось их разглядывать. Пахло ваксой, пластиком, сухим нейлоном, и ещё чем-то, похожим на запах вощёной бумаги. Пока Алекс говорил с хозяином, Пасанг почти неслышно просочился в глубь склада. Через минуту он вышел оттуда вместе с молодым парнем в выцветшей футболке, тот нёс перед собой картонную коробку. Поставил её на прилавок, отогнул створки. Внутри, переложенные промасленной бумагой, лежали жумары: зелёные, оранжевые, синие, с ещё не стёртой заводской смазкой на шарнирах. Хозяин негромко сказал что-то Пасангу.

– Вчера приехали. Не успели развесить, – перевёл тот.

Алекс взял один, повертел на свету, нажал большим пальцем на кулачок. Тот щёлкнул чётко, без хруста. Алекс прищурился, проверил пружину, развернул жумар боком, прочёл гравировку диаметра и нагрузки. Ещё раз щёлкнул, уже без нужды, просто слушая звук.

– Берем.

Хозяин коротко, удовлетворённо, кивнул, как кивают, когда видят, что человек разбирается.

Андрей отошёл к стене, где на двух длинных полках стояли ледобуры. Рядом с ними, прямо на фанере, были разложены старые фотографии. Чёрно-белые, с заломами, у некоторых обрезаны уголки. На одной трое молодых мужчин в огромных пластиковых ботинках, они сидят на снегу и смеются, а за спиной у них уходит вверх белая стена. На другой хозяин, моложе лет на двадцать, жмёт руку кому-то в пуховом комбинезоне вылинявшего синего цвета. Перед несколькими снимками стояли маленькие белые свечи в металлических гильзах. Воск заплыл на фанеру. Андрей задержал взгляд на фотографии, где мужчина без шапки держал ледоруб поперёк колен. Он не заметил, как хозяин оказался рядом.

– Это мои друзья.

Говорил он медленно, будто каждое слово опиралось на что-то внутри. Показал сначала на один снимок, потом на другой.

– Эверест. Чо-Ойю. Аннапурна.

Палец остановился на фотографии со свечой, той самой, где мужчина стоял с ледорубом.

– Этот – хороший, сильный альпинист. Очень хороший человек был.

Андрей посмотрел на оплывший воск, на застывшую улыбку человека в кадре. Не стал искать слов. Просто кивнул. Хозяин ответил тем же и поправил рамку, осторожно, как поправляют воротник спящему. Когда все покупки были направлены в отель, хозяин скрылся за занавеской из линялого ситца. За ней коротко звякнуло, фыркнула горелка. Он вернулся с алюминиевым чайником и пятью стеклянными стаканами на подносе.

– Чай. Для экспедиции.

Пасанг не удивился.

– Мы ненадолго, – сказал Алекс.

– Сначала чай. Потом гора.

Это вышло так просто, что Алекс только плечами пожал. Через минуту все четверо сидели на низких деревянных табуретах вокруг прилавка. За открытой дверью гудел Катманду: клаксоны, мотороллеры, чей-то смех. Люди проходили мимо, заглядывали внутрь, кивали хозяину, он отвечал едва заметным движением бровей. Чай оказался тёмным, почти черным, сладким и пряным. Андрей сделал глоток, по языку прошла волна тепла, потом что-то острое и душистое.

– Кардамон?

– Немного.

Хозяин улыбнулся.

– Для удачи.

Когда они вышли обратно на улицу, солнце уже перевалило через зенит. Свет лежал на асфальте плотно, почти осязаемо. Город стал громче, но теперь шум не обтекал Андрея, а словно нёс его с собой, как вода, в которую наконец лёг. Полчаса назад он ступал здесь осторожно, гостем. Сейчас ему казалось, что Катманду уже стиснул его ладонь.

– Не расслабляйся, – сказал Костя, поправляя ремень рюкзака.

– Почему?

– Теперь можно будет поторговаться.

Пасанг тихо рассмеялся.

– А я пока похожу в стороне.

– Почему?

– Потому что вы сейчас сорок минут будете спорить из-за двадцати рупий.

– А ты?

Пасанг пожал плечами.

– Сначала продавец должен устать от вас.

Он улыбнулся.

– Тогда я за пять минут собью ещё сто двадцать.

Вторая лавка пахла керосином и картонной пылью. Свет едва пробивался под навес, рваный брезент качался на ветру, отбрасывая на ящики подвижную тень. Никаких фотографий в рамах, никаких витрин. Вдоль стен громоздились пластиковые канистры с мутными боками, газовые баллоны в три ряда, бухты репшнура, перетянутые бечёвкой, и десятки серых коробок без единой надписи. Штабеля консервов, круп, сгущенки с всякого продовольствия возвышались почти до потолка. Посреди всего этого, примостившись на перевёрнутом ящике, сидел невысокий мужчина с карандашом за ухом. Он быстро водил рукой по толстой тетради в кожаном переплёте, листы уже шли волнами от многих записей. Увидев Пасанга, он поднял голову и улыбнулся широко, сразу. Пара быстрых фраз на непальском, и тетрадь захлопнулась. Мужчина отложил её на соседний ящик и выпрямил спину. Всё остальное подождёт. Костя уже стоял над газовыми баллонами. Брал каждый двумя руками, подносил к глазам, разглядывал даты на донышке, проводил пальцем по клапану. Одни возвращал на место бережно, почти бесшумно. Другие отставлял в сторону, те ложились на землю с глухим стуком. Андрей развернул список. Лист уже успел помяться, сгибы побелели, а на полях остались карандаш-

ные пометки Анатолия. Хозяин лавки пробежал глазами по строчкам, привычно кивая, словно половину заказа знал наизусть.

– Двенадцать больших… восемь маленьких… и ещё четыре запасных?

Пасанг коротко подтвердил. Мужчина что-то записал в потрёпанную тетрадь, подтянул к себе калькулятор с пожелтевшими кнопками и принялся считать. Клавиши западали с мягким пластиковым треском. Закончив, он молча развернул экран к Пасангу.

Костя заглянул через его плечо.

– Что-то дороговато, по-моему.

Хозяин лишь едва заметно улыбнулся и чуть склонил голову набок. Этот жест, кажется, понимали во всех странах одинаково: “Попробуй переубеди.”

Алекс подошёл ближе. Сначала посмотрел на цифры, потом на заставленные полки, где рядом стояли газовые баллоны, кошки, ледовые буры, мотки репшнура и коробки с консервами.

– Хороший калькулятор, – сказал он совершенно серьёзно.

Хозяин вопросительно поднял брови.

– Очень оптимистичный.

Костя тихо хмыкнул.

– Началось…

Алекс уже улыбался.

– Слушай, мы же не за одним баллоном пришли. Мы тебе полмагазина разгрузим. Газ, продукты, расходники… Сделай красивую цену.

Хозяин выслушал его с тем спокойствием, которое бывает только у людей, всю жизнь простоявших за прилавком. Потом неторопливо придвинул калькулятор обратно, нажал одну кнопку и снова повернул экран.

Сумма не изменилась.

Костя рассмеялся.

– Железный человек.

– Подожди, это ещё не всё, – не сдавался Алекс. – А если мы ещё консервов здесь наберём? И чаю. Хорошего. Мы же постоянные клиенты… почти.

Хозяин широко улыбнулся, ответил что-то по-непальски и постучал карандашом по экрану калькулятора.

Андрей вопросительно посмотрел на Пасанга.

– Что он сказал?

– Что именно поэтому цена уже хорошая.

На этот раз засмеялись все. Даже хозяин, хотя, судя по выражению лица, уступать по-прежнему не собирался.

Пасанг до этого молчал. Теперь он спокойно подошёл к прилавку, положил ладонь на край стола и сначала посмотрел на хозяина, потом на калькулятор, снова на хозяина. Лишь после этого негромко сказал несколько слов. Хозяин сразу оживился. Быстро заговорил, разводя руками, будто объяснял, что дешевле уже просто невозможно. Пасанг терпеливо выслушал его до конца и ответил ещё короче. Мужчина театрально приложил ладонь ко лбу, закатил глаза к потолку и что-то произнёс с таким видом, словно свидетелями были не четыре покупателя, а весь Катманду. Пасанг только улыбнулся. Потом хозяин решительно повернул к себе калькулятор и ввел новую цену. Пасанг молча взял прибор и поправил одну цифру. Хозяин всплеснул руками, снова заговорил быстро и эмоционально, но теперь в его голосе уже слышалась улыбка. Андрей следил за ними с любопытством. Он не понимал ни слова, но постепенно заметил, что они вовсе не спорят. Они играют. И оба прекрасно знают правила этой игры. Через несколько секунд мужчины уже смеялись, пожимали друг другу руки и хлопали друг друга по плечам, словно знакомы много лет.

– Всё? – спросил Андрей, когда Пасанг вернулся к ним.

– Всё.

– И кто выиграл?

Пасанг пожал плечами, будто ответ был совершенно очевиден.

– Если после сделки оба улыбаются, значит никто не проиграл.

Из глубины склада выкатили тележку, колёса скрипнули по бетонному полу. Двое рабочих начали складывать коробки. Каждую сразу метили толстым чёрным маркером, запах спиртовых чернил перебивал даже керосин.

BC, C1, Kitchen, Medical.

Андрей проводил взглядом коробку с надписью «C1», её поставили в правый ряд, к другим таким же.

– Это уже по лагерям?

Пасанг кивнул.

– Потом никто не будет искать. Всё должно знать своё место.

Коробки разъезжались по тележке, рабочий придерживал их коленом, маркер скрипел по картону, а Андрей всё смотрел, как вещи находят свои ряды, и думал о том, что люди тоже постепенно находят, не сразу, не вдруг, но находят.

Он ещё раз пробежал глазами по списку.

– Кажется, всё.

Алекс молча кивнул. Пасанг не двинулся с места. Протянул руку, взял у Андрея листок, посмотрел и убрал нагрудный карман его рубашки.

– Нет.

Ещё одно место.

– Что осталось?

– Самое важное.

Он улыбнулся, но не сказал больше ни слова. Они продолжили путь куда-то в глубь Катманду. Исчезли витрины с пуховыми комбинезонами, вывески на английском. Вместо туристических кафе появлялись лавки с овощами, мастерские, чайные. У глиняной стены пожилая женщина перебирала рис в большом металлическом тазу, и под её пальцами зерно шуршало сухо и ровно, словно вода по гальке. Во дворе мальчишки гоняли потрёпанный футбольный мяч, босые пятки звонко шлёпали по утоптанной земле. Из распахнутого окна второго этажа тянуло чечевицей, томлёным луком, куркумой, запах варившегося дал-бата[6] смешивался с выхлопом мотороллера и прелой листвой банановых пальм. Иностранцев здесь почти не было, люди провожали их короткими любопытными взглядами и тут же возвращались к своим делам. Пасанг остановился перед невысокими железными воротами, окрашенными когда-то синим, а теперь облупившимися до ржавчины. Во дворе работали люди. Один, сидя на корточках, пропускал через ладони бухту альпинистской верёвки, проверяя каждый сантиметр, привычно выбирая слабину. Двое сбивали деревянные рамы для переноски грузов, молотки стучали вразнобой. У дальней стены высились плетёные корзины, широкие налобные ремни свисали до земли. Несколько человек раскладывали по мешкам продукты: пластиковые пакеты с рисом, чечевицей, сухими лепёшками. Всё выглядело спокойно, без суеты, работа шла своим чередом, словно наступал не день перед большой экспедицией, а самое обычное утро. Кто-то окликнул Пасанга. Лицо его расплылось, Андрей впервые видел эту улыбку, не сдержанную, не дежурную, а настоящую, с глубокими складками у глаз. Пасанг ответил на непальском, и через минуту они уже пожимали друг другу руки, хлопали по плечам, смеялись над чем-то понятным

[6] Блюдо непальской кухни. Имеет приятный, сбалансированный аромат. В нём могут чувствоваться ноты чечевицы (она даёт основу), специй (куркума, кориандр, имбирь, чеснок) и иногда тушёных овощей.

только им. Андрей стоял чуть в стороне и смотрел. Перед ним сейчас был не шерпа экспедиции, не человек, отвечавший за кухню и их жизни. Просто свой среди своих.

К Пасангу подошёл невысокий мужчина с совершенно седыми волосами, они легко обнялись, будто расстались только вчера. Разговор длился всего несколько минут. Мужчина достал телефон, показал фотографию, и Пасанг наклонился к экрану, сощурился, потом кивнул и что-то ответил. Мужчина убрал телефон обратно в нагрудный карман, довольно хмыкнул.

– Кто это? – тихо спросил Андрей.

– Дочь. Первый день в школе.

Пасанг ещё несколько секунд смотрел вслед мужчине, тот уже подошёл к корзинам и нагнулся проверить ремень.

– Каждый раз показывает новые фотографии.

Он произнёс это с теплотой, как говорят о близких родственниках.

Во двор заходили новые люди. Переступали порог, щурились с солнца, оглядывались, находили Пасанга глазами. Одни пожимали ему руку, коротко, крепко, другие просто поднимали ладонь издалека. Никто не спрашивал, кто такие Андрей, Алекс или Костя, всем было понятно, зачем они здесь. Пасанг двигался от человека к человеку, негромко заговаривал, что-то уточнял, иногда откидывал голову и смеялся, хрипловато, коротко, скорее выдохом, чем звуком. Для него это была не встреча с нанятыми носильщиками, это было общение с людьми, с которыми он годами выходил на одну и ту же тропу. Седой мужчина вернулся и передал Пасангу два больших тряпичных мешка с чаем. Аромат чувствовался даже на расстоянии: свежий чайный лист перемешивался с нотами каких-то незнакомых трав, и весь этот букет был тёплым, словно трава ещё помнила солнце, под которым росла. Пасанг прижал мешок к лицу, вдохнул, прикрыл глаза на секунду. Андрей успел заметить: денег мужчина не взял.

– Авторский рецепт, – сказал Пасанг, заметив любопытство Андрея.

– Видно, что вы давно дружите.

Пасанг задумался, сунул мешок с чаем под мышку. Потом пожал плечами.

– С ним… Наверное, лет пятнадцать. И дружим, и работаем.

Андрей перевёл взгляд на мужчину. Тот распрямился, вытер лоб предплечьем. Пятнадцать лет, каждую весну, каждую осень. Одни и те же лица, одни и те же дороги, одни и те же горы. Андрей вдруг понял: настоящая экспедиция начинается не там, где заканчивается асфальт, она начинается здесь, во дворе, синие ворота, запах дал-бата, верёвки, которые проверяют пальцами, а не по ведомости, чай из рук в руки. Между людьми, которые приходят и спокойно здороваются перед очередной дорогой, хотя каждый из них прекрасно знает цену этой привычности.

– Ну что, – сказал Пасанг и хлопнул в ладони.

– Теперь действительно всё.

Он повернулся к воротам.

– Можно ехать.

И впервые за весь день Андрей почувствовал: это слово относится не только к их четверке. Экспедиция незаметно стала гораздо больше.

Во дворе отеля урчал небольшой грузовик с почти пустым кузовом, над кабиной хлопал выцветший синий тент, и ветер трепал его край с шлёпающим звуком. Рабочие возникали откуда-то из тени навеса. Они принимали баул, ставили на весы, чиркали в списке и передавали дальше. Их движения были быстрыми, привычными, без единого лишнего жеста.

Анатолий раскрыл папку.

– Не торопимся. Сначала всё проверяем.

Он называл фамилии. Каждый подходил, коротко подтверждал вес баула, на каждого распределялся газ, палатки, кухня, верёвки, медицинский ящик, запас продуктов. Напротив каж-

дой строки ложилась аккуратная галочка. Отдельно виднелась страница с надписью «резерв». Никто не повышал голоса, ошибки здесь не исправляли в дороге, их не допускали вовсе.

Андрей смотрел, как его баул исчезает в глубине кузова. Рабочий подтянул его за боковую ручку, развернул поперёк, придвинул вплотную к соседнему мешку. Секунда, и сверху легли ещё два. Чёрная ткань скрылась из виду. Всего несколько часов назад этот баул казался продолжением его самого, а теперь стал одним из десятков одинаковых грузов. И это почему-то ощущалось совершенно правильным. Водитель захлопнул борт. Глухо и коротко звякнули металлические защёлки, каждая по очереди. Пасанг перебросился с ним несколькими словами по-непальски, тот кивнул, запустил двигатель, и грузовик медленно выкатился со двора, оставив за собой сизый шлейф выхлопа.

Андрей проводил грузовик взглядом.

– Он поедет прямо к началу маршрута?

– Да, – ответил Анатолий. – Потом подхватят портеры и до базового лагеря.

– Значит, доберётся раньше.

– Конечно. Железо всегда приходит раньше людей.

Некоторое время все молча смотрели вслед грузовику. Шум двигателя растворялся в вечернем воздухе, смешивался с далёкими гудками мотоциклов. Анатолий хлопнул ладонью по папке:

– Всё. На сегодня свободны. Ужин в семь, после ужина короткий брифинг. Выезд завтра в пять утра.

Он посмотрел на ребят:

– И совет. Сегодня ничего не покупайте. Если весь день проходили без этой вещи, значит, скорее всего, без неё можно прожить.

Костя тяжело вздохнул:

– Вот и закончилась моя мечта купить непальский меч.

– Купишь на обратном пути.

– Если заслужу?

– Если дотащишь его домой.

Несколько человек рассмеялись. Напряжение, незаметно копившееся весь день, наконец немного отпустило. Они вышли за ворота уже без всякой спешки, удивительное чувство. Ещё утром у каждого была своя дорога, теперь появилась общая.

В гостиницу вернулись затемно. Катманду не собирался ложиться спать: за окном сигналили мотоциклы, в переулке смеялись, из соседнего ресторана тянуло жареным чесноком и звоном посуды. Город жил так, словно завтра не должно было случиться ничего особенного. Для него так и было: экспедиции приезжали, экспедиции уезжали, Катманду оставался.

После короткого ужина Анатолий собрал всех в общей комнате. На столе лежала раскрытая карта района Манаслу, рядом стояла бутылка воды, а поверх нескольких листов с записями он положил карандаш.

– Давайте пройдёмся по завтрашнему дню и по маршруту в целом. Утром выезжаем в пять. Дальше дорога, потом начнётся пешая часть. До базового лагеря не доберёмся за один переход, так что не надо с первого дня пытаться доказать, кто здесь самый выносливый.

– А если никто не собирается ничего доказывать? – спросил Костя.

– Тогда у меня хорошие новости. Вы уже усвоили первое правило.

Кто-то тихо рассмеялся. Анатолий улыбнулся краем рта и придвинул к себе карту.

– Первые дни будут несложными технически, но это не значит, что можно расслабиться. Будем набирать высоту постепенно. Идём группой, не обгоняем без необходимости, не исчезаем за поворотами, не решаем в одиночку, что дальше дорогу найдём сами. Если что-то не так с самочувствием, говорите сразу. Не вечером, когда уже добрались до стоянки, а в тот момент, когда заметили проблему.

Он провёл карандашом по линии маршрута, задержавшись на нескольких отметках.

Андрей наклонился над картой. Пока перед ним были только названия, расстояния и тонкая линия, соединявшая одну точку с другой. Он знал, что совсем скоро эта линия превратится в тропу под ногами, в подъёмы, мосты, каменные ступени и длинные переходы. Но пока карта оставалась картой.

– А если группа растянется? – спросил Алекс.

– Для этого у нас есть сопровождающие. Впереди пойдёт Тенцинг, он хорошо знает маршрут и умеет держать темп. Замыкать будет Лакпа. Опытная альпинистка, к её словам прислушивайтесь. Она говорит нечасто, но, если уж что-то замечает, лучше не пропускать мимо ушей.

Анатолий сделал короткую паузу, словно проверяя, все ли запомнили имена.

– За организацию работы шерпов отвечает Апа. Он руководит всей группой, и по вопросам маршрута и безопасности с ним будем советоваться в первую очередь. Чуть позже он присоединится к нам.

– А темп? – уточнил Алекс.

– Темп будем согласовывать по ходу. Первые дни набираем высоту постепенно, без гонок. Но не рассчитывайте, что кто-то будет постоянно напоминать вам о простых вещах. Следите друг за другом сами.

Анатолий перечислил ещё несколько организационных моментов: время выхода по утрам, порядок движения, распределение общих вещей и то, что должно оставаться под рукой, а не уезжать с грузом. Пасанг иногда уточнял что-то по-непальски, и они с Анатолием сверяли записи.

Андрей слушал, время от времени поглядывая на остальных. Кто-то изучал карту, кто-то задавал вопросы, кто-то, похоже, уже мысленно находился на завтрашней дороге. Ларс сидел чуть в стороне, положив руки на колени, и внимательно слушал, почти не вмешиваясь. Когда Анатолий закончил, он поднял голову и спросил о продолжительности одного из переходов. Голос у него оказался низким, спокойным, с лёгкой хрипотцой. Анатолий ответил, снова посмотрел на карту и закрыл папку.

– На сегодня всё. Завтра увидите сами. Сейчас отдыхайте. И постарайтесь выспаться, хотя бы в теории.

Группа начала расходиться. Разговоры возобновились почти сразу, но уже другими голосами, словно после общей инструкции каждый получил возможность вернуться к собственным мыслям.

Андрей поднялся в номер. На стуле лежали вещи из баула, утром он торопливо доставал аптечку, куртку, смену белья. На столике небольшая книга, потёртая, с загнутыми уголками страниц. Он взял её в руки, полистал. Пальцы узнали шершавость обложки, знакомую тяжесть блока. На форзаце по-прежнему оставалась короткая надпись, сделанная много лет назад: «Главное путешествие всегда начинается раньше дороги». Андрей невольно улыбнулся, закрыл книгу и уложил её в рюкзак. Читать он её не собирался, но ему было приятно, что она с ним, а не едет где-то в грузовике в одиночестве. Некоторые вещи путешествуют вместе с человеком слишком долго, чтобы однажды остаться дома или оказаться в багажном отсеке. Он собрал остальные вещи и ещё раз осмотрел комнату. На подоконнике стояла почти пустая кружка, на её дне темнел остывший чай. На кровати лежала карта города, купленная утром, с пометкой на районе Тамеля. За окном мерцали молитвенные флажки, натянутые между крышами, и ветер перебирал их, как страницы. Где-то совсем рядом залаяла собака, через несколько секунд ей ответила другая. Всё было удивительно обычным и именно поэтому хорошо запоминалось. Телефон тихо завибрировал. Сообщение от Кости: «Не забудь поставить будильник. Я знаю людей, которые способны проспать начало экспедиции». Андрей усмехнулся. «От тебя всё равно не скроешься». Почти сразу пришло новое: «На всякий случай поставь два».

Андрей наклонился над рюкзаком, медленно свёл вместе зубцы молнии, потянул бегунок, ткань сошлась с тихим шорохом. Щёлкнули две металлические собачки.

Завтра дорогу будут определять уже не списки, не покупки, не карты. Горы.

Выключив верхний свет, он ощутил, как комната сразу стала меньше и тише. Только вентилятор под потолком продолжал мерно постукивать, да прямоугольник окна слабо светился от уличных фонарей. За стеклом всё ещё жил Катманду, но теперь он был уже где-то по другую сторону. Только коснувшись подушки, он почувствовал, как устал. Тело медленно отпускало дневное напряжение, мышцы наливались теплом. За окном продолжал шуметь Катманду, сигналили мотоциклы, перекликались голоса, где-то далеко играла музыка. Завтра он останется позади.

Снаряжение
Рюкзак 65–70 л
Ботинки (высокие)
Кошки
Ледоруб
Страховочная система
Карабины, оттяжки
Верёвка 60 м
Спальный мешок (–20°C)
Пуховая куртка
Термобельё
Горелка
Газ
Фонарь налобный
Очки (кат. 4)
Аптечка
Крем от солнца
Термос

Глава четвертая

Будильник зазвонил в четыре пятнадцать. Андрей нащупал телефон, большой палец сам смахнул вбок, и комната снова утонула в темноте. Он лежал, слушая. Занавеска едва заметно подсвечивалась по краям не фонарями, не луной, а тем серым налётом, который бывает только перед рассветом. Утренний город был совсем другой, он будто дышал, еще не успев проснуться. Где-то далеко, возможно за тремя переулками, залаяла собака. Минуту спустя хлопнула железная дверь, и звук покатился по утренней улице гулко, как камень по желобу. Потом застрекотал мотоцикл, он вынырнул откуда-то слева, набрал обороты и растаял, не успев толком разбудить город.

Андрей сел на кровати, провёл ладонями по лицу, кожа была тёплой и шершавой. Он одевался не спеша, сон тут был ни при чём, просто каждое движение хотелось довести до конца. Аккуратно и ровно застегнуть пуговицы на рубашке, затянуть шнурки так, чтобы узел лёг удобно, проверить молнию на рюкзаке, большой палец прошёл по зубцам – ни одного заедания. Треккинговые палки у двери: одна, вторая. Андрей коснулся холодного металла наконечника и только тогда вспомнил, что три минуты назад уже пересчитывал документы. Паспорт, телефон, кошелёк – всё лежало в отдельном кармане рюкзака, там же, где и вечером. Он поймал себя на этом и улыбнулся. Перед каждым большим выходом повторялась одна и та же история: голова всё знала, вещи собраны, проверены, но руки требовали коснуться, переложить, убедиться заново. Он выключил свет и спустился в холл.

В небольшом помещении горела жёлтая лампа под тряпичным абажуром. От неё по стенам расходился густой медовый свет. Пахло чаем и чем-то жареным, кажется, лепёшками, которые повар пёк на задней плите. Анатолий сидел за столом, перед ним лежала раскрытая тетрадь, вчерашние списки: снаряжение, кислород, баллоны для горелок, упаковки батареек, и огромное количество всего для оснащения их экспедиции. Сейчас это были просто цифры, выведенные шариковой ручкой на неровной бумаге, но вскоре от этих цифр будет зависеть успех их восхождения. Он неторопливо перелистывал страницы, ручка в пальцах то ставила точку, то рисовала короткую птичку на полях, рядом сидел Пасанг и проверял свои списки. Услышав шаги, они поднял головы, встретился с Андреем взглядом, кивнули и вернулся к записям. Ни доброго утра, ни лишнего слова. Это не было холодностью. Люди, которые встречал такие рассветы десятки раз, просто не тратил сил на пустые ритуалы. Во дворе, на вынесенном пластиковом стуле, сидел светловолосый мужчина с кружкой, тот самый, уже знакомый ему по аэропорту. Над его кружкой тонкой струйкой поднимался пар. Мужчина смотрел вверх, туда, где над тёмными крышами гасли последние звёзды. Он не обернулся на звук шагов. Ларс, вспомнил Андрей, вчера на брифинге их представляли друг другу. Было видно, что Ларс глубоко погружен в себя, и Андрей решил не нарушать эту тишину, налил себе чаю из большого термоса и сел напротив Пасанга.

Из кухни доносился звон посуды. Ложка звякнула о край миски, кто-то переставил кастрюлю, плеснула вода. За окнами понемногу светлело, и серая полоса над горами начала набирать цвет, сперва пепельный, потом розоватый. По лестнице загрохотали шаги. Костя спускался с видом человека, которого утро застало врасплох. Волосы торчали в разные стороны, куртка была застёгнута криво, рюкзак болтался на одном плече и время от времени цеплялся за перила.

Ещё не дойдя до стола, он остановился и шумно втянул носом воздух.

– Пахнет чаем…

Пасанг сидел над раскрытой тетрадью, что-то проверяя в списке.

– Да.

Костя тяжело вздохнул.

– А кофе?

– Будет.

Лицо Кости заметно просветлело.

– Отлично. Когда?

Пасанг перевернул страницу.

– Потом.

Костя замер.

– Это сейчас был очень неправильный ответ?

Пасанг поднял глаза.

– Очень непальский.

Андрей невольно улыбнулся.

– Почему сначала чай?

Пасанг ненадолго задумался, словно вопрос действительно требовал ответа.

– Потому что чай помогает проснуться.

– А кофе?

– Кофе помогает не уснуть.

Костя развёл руками.

– Так мне как раз второе и нужно.

Пасанг спокойно кивнул.

– Значит, сначала чай.

Несколько секунд Костя молча смотрел на него, будто искал слабое место в этой безупречной логике.

Не нашёл.

Он обречённо сел за стол, взял кружку обеими руками и осторожно сделал глоток.

Потом ещё один.

Ещё через несколько секунд подозрительно посмотрел внутрь кружки.

– Знаешь… это нечестно.

– Почему?

– Потому что вкусно.

Пасанг едва заметно улыбнулся.

– Конечно.

Костя покачал головой.

– Сначала подсаживаете человека на чай, а потом уже не отпускаете.

– Именно.

Андрей тихо рассмеялся. В этот момент на лестнице снова послышались шаги. Появился Алекс. Казалось, за то время, пока остальные только просыпались, он успел привести в порядок не только себя, но и всё своё снаряжение. Куртка сидела идеально, волосы были аккуратно приглажены, ботинки выглядели так, словно их только что начистили.

Костя смерил его долгим взглядом.

– Ты вообще спишь?

– Иногда.

– Тогда почему ты с утра выглядишь так, будто уже успел сходить в барбершоп?

Алекс пожал плечами.

– Привычка, у каждого утра есть свои ритуалы. Может поэтому нас называют чопорными.

Он сел за стол и кивнул всем сразу.

– Доброе утро.

– Если оно доброе, то, где кофе? – Костя поднял кружку, словно предъявляя вещественное доказательство.

Алекс перевёл взгляд на Пасанга.

– Не заслужил?

– Пока нет.

– Тогда пей чай.

Костя посмотрел сначала на одного, потом на другого и обречённо вздохнул.

– Я начинаю подозревать, что вы сговорились ещё до моего приезда.

– Конечно, – невозмутимо ответил Пасанг.

Все рассмеялись.

Из кухни вышел Тенцинг, на ходу отламывая кусок лепёшки. За ним тянулся запах горячего теста и топлёного масла. Невысокий, поджарый, с тёмными курчавыми волосами и лёгкой небритостью на щеках, он двигался быстро и упруго, словно даже на ровном полу не мог удержаться от привычного горного шага. Глубокие тёмные глаза весело блеснули, обнажив белые зубы в широкой улыбке. Он поднял лепёшку над головой, как трофей.

– Водитель уже приехал. И повар сказал, что это последняя. Кто не успел, тот виноват сам.

– Это заговор, – пробормотал Костя. – Сначала кофе, теперь лепёшки.

Смех пробежал по столу негромкий, короткий, утренний.

Постепенно гостиница начала наполняться. Первым спустился японец, вошёл бесшумно, поклонился разом всем, произнёс два слова на родном языке и сел за крайний стол. Следом французская пара: они говорили, перебивая друг друга, и в их голосах звучало что-то такое, от чего Андрей всегда замирал. Он не понимал ни слова, но ему казалось, что на этом языке даже жалоба на холодный чай звучит почти как приглашение на танец. Кто-то наливал кипяток, кто-то проверял телефон, кто-то молча застёгивал поясной ремень рюкзака. Последней вошла сонная Лакпа. Невысокая, крепкая, с сильными руками и тёмными волосами, собранными в пучок на затылке. Чёлку перехватывала налобная повязка. Она зевнула на ходу, прикрыв рот ладонью, но тут же улыбнулась. В уголках губ собрались мягкие морщинки, придававшие её взрослому лицу особое тепло. Внимательные глаза смотрели на окружающих с тихой заботой, словно даже спросонья она замечала, кому не хватает сна, кому нужно подать руку, а кто просто делает вид, что всё в порядке. Толик сел рядом с ребятами, но тетрадь из рук не выпустил. Он почти не поднимал взгляда от страниц, сверял цифры, водил пальцем по строчкам и только на секунду отвлёкся, чтобы сделать глоток чая. Завтрак прошёл без долгих разговоров. Сонливость ещё не отпустила, каждый понемногу собирал себя по кусочкам перед днём, который только начинался.

Анатолий первым отставил кружку, закрыл тетрадь и посмотрел на часы. В кружке ещё оставался чай, но он уже не притронулся к нему.

– Пора.

У гостиницы ждал автобус. Небольшой, с облупившейся белой краской и длинной ржавой царапиной на правом борту. Над лобовым стеклом покачивалась гирлянда из выцветших пластиковых цветов, в углу стекла жёлтая наклейка с Ганешей, рядом висела красная нить с маленькими колокольчиками. Возле переднего колеса на корточках сидел водитель, невысокий непалец лет пятидесяти, и проверял давление в шине. Увидев Пасанга, он выпрямился, вскинул руку, они обменялись несколькими фразами на непальском, быстро, улыбнувшись, и каждый вернулся к делу. Часть рюкзаков и груза перекочевали на крышу автобуса за несколько минут. Тенцинг подавал снизу, водитель укладывал, затягивал стропы, Пасанг время от времени поднимал голову, проверяя, чтобы тяжёлые баулы легли вниз, а лёгкие сумки не попали под чужой вес. Никто не торопился, и никто никому не мешал, каждый знал свою часть этой утренней работы.

Андрей поднялся в салон. Пахло разогретым пластиком и старой обивкой. Половина мест была занята. У окна французская пара водила карандашом по странице потрёпанного путеводителя. Через проход японец пытался пристроить под сиденье треккинговые палки, метал-

лические наконечники цеплялись за ножки передних кресел, он тихо ворчал, но ни к кому не обращался. На заднем ряду два непальских гида говорили одновременно, перебивали друг друга и смеялись. Рядом испанская пара сверялась с картой в телефоне, женщина показывала на экран пальцем, мужчина кивал. На несколько сидений впереди спортивная женщина прижимала к груди дорожную сумку, словно вещь могли отнять до отправления. Ларс занял сразу два места. Перед ним лежал раскрытый блокнот, он что-то записывал короткими строчками, иногда поднимая глаза к окну, где медленно светлели крыши. Автобус собирал под одной крышей десяток жизней. Разные языки, разные причины оказаться в Непале, общая дорога, пока общая. Дальше она непременно разделится. Андрей сел у окна. Костя исчез в хвосте автобуса, и уже через минуту оттуда донёсся его смех. Алекс опустился на соседнее сиденье, поправил лямку рюкзака у ног.

– Он и пяти минут не выдержал, – сказал он тихо.

Андрей только улыбнулся. Пока остальные ещё рассаживались, Костя уже успевал познакомиться с половиной салона. Водитель закрыл дверь. Двигатель заворчал низко, с металлическим дребезжанием где-то под полом, Андрей почувствовал вибрацию ступнями. Автобус тронулся, за окном поплыли первые утренние улицы: жалюзи ещё опущены, ставни закрыты, но кое-где уже горел свет, и в прямоугольнике окна мелькала женская рука, поправляющая занавеску.

Катманду просыпался. На перекрестках дворники поливали асфальт из вёдер, вода стекала по трещинам к обочинам, унося пыль и вчерашнюю шелуху. Торговцы раскладывали на деревянных прилавках помидоры, бананы, охапки кинзы. Над чайными поднимался пар, густой, молочный, а возле пекарни с земляным полом стояла очередь за горячими лепешками. Школьники в одинаковых синих свитерах шли парами по трое, ранцы оттягивали плечи назад, голоса звучали сонно и низко. Где-то хлопнула ставня, закричал петух. Город ещё не шумел, он только расправлял плечи, и утренний свет ложился на мокрый асфальт длинными косыми полосами.

Андрей смотрел сквозь запотевшее стекло. Он провёл пальцем по пластиковой рамке, протёр кружок и долго глядел в него, опершись подбородком о сжатый кулак. Наверное, настоящие прощания так и выглядят. Ты ни с кем не прощаешься, не останавливаешься. Просто автобус едет, стекло холодит висок, а жизнь, оставшаяся позади, не сигналит, не машет, только становится всё меньше в зеркале заднего вида. Стекло чуть подрагивало на ухабах. Сначала за ним проплыли последние гостиницы, свернутые жалюзи турагентств, чья-то мастерская с наполовину поднятой металлической ставней, в проёме виднелся желтоватый свет. Дальше пошли магазины с витринами, где теснились яркие пуховые куртки, тяжёлые альпинистские ботинки на рифлёной подошве, ледорубы и кошки. Жилых домов становилось меньше. Дорога сделала широкий поворот, и между деревьями показался маленький храм с разноцветными молитвенными флажками, они подрагивали на ветру, перекликаясь между собой. Дальше потянулись рисовые террасы, уходящие вверх по склону узкими водяными ступенями; вода стояла в них неподвижно, отражая небо. На обочине сидел старик и курил, прислонившись спиной к стволу банановой пальмы. Катманду не исчезал сразу, он долго ехал рядом, провожал их отдельными фермами, фруктовыми деревьями, женщиной в красном сари, которая шла босиком по краю поля и даже не подняла головы, когда автобус проехал мимо. Лишь когда в зеркале заднего вида растворились последние трехэтажные дома с тарелками спутниковых антенн на крышах, Андрей понял: город остался позади.

Впереди была только дорога. И горы, которых пока не было видно.

Костя пересел вперёд и повернулся через спинку сиденья.

– Как думаете, сколько часов до нормального кофе?

Пасанг сидел в соседнем ряду у прохода с закрытыми глазами. Пальцы его левой руки лежали на колене, большой и указательный были сложены вместе, остальные чуть согнуты.

– Столько же, сколько до нормального чая, – ответил он, не открывая глаз.

– То есть бесконечность?

– То есть терпение.

Тенцинг негромко хмыкнул.

Алекс закинул руки за голову, накрыл лицо кепкой и вытянул ноги в проход.

– Кость, смирись. Ты в Непале. Здесь даже время никуда не торопится.

– Время пусть делает что хочет. Кофе обязано быть быстрее.

Где-то впереди тихо рассмеялись. Сидевшая через проход француженка оторвалась от путеводителя, заложив карандашом страницу. Она переглянулась со своим спутником, и оба посмотрели в сторону Кости.

– Кофе? Вы пытаетесь найти кофе?

Костя посмотрел на неё с предельно серьёзной миной.

– Всегда.

Француженка улыбнулась, и в её глазах мелькнуло веселье.

– Не ту страну вы выбрали для таких поисков.

Костя трагически прикрыл глаза.

– Это уже второй человек за сегодня, который разрушает мои мечты

По салону прокатился негромкий смех. Даже водитель улыбнулся, Андрей увидел в зеркале, как дрогнули его глаза. Через несколько минут Костя уже сидел на свободном месте рядом с молодым немцем, тот пытался упихнуть под сиденье огромный рюкзак, упираясь коленом в боковину, и рюкзак не поддавался. Десять минут они оживлённо разговаривали, переходя на язык жестов; немец несколько раз расстёгивал молнию и показывал что-то внутри, а Костя только удивлённо качал головой. Они проговорили еще минут двадцать, затем пожали руки. Немец открыл старую книгу, а Костя вернулся к друзьям.

– Представляете? Он идёт один, на Манаслу.

– Кто? – спросил Алекс, не открывая глаз, голос сонно прозвучал из-под кепки.

– Немец. Совсем один. Без гида. Без портеров. Всё своё несёт сам.

– Смело. Заметил Андрей, тревожно поглядев на попутчика.

– Ты бы видел его рюкзак? Килограммов сорок пять.

Толик оторвался от тетради. Карандаш остался зажат между пальцами.

– Сорок пять? Что-то многовато, ведь все равно есть лагеря.

Толик бросил короткий взгляд вперёд, на немца.

– И ботинки новые, это он тоже зря.

Костя обернулся.

– Ты отсюда увидел?

– Они слишком чистые. Даже шнурки не перетянуты.

Повисла пауза. Сквозь неё стал слышен ровный, низкий гул мотора.

– И что? – спросил Алекс сонно.

Толик пожал плечами, повертел карандаш в пальцах.

– Ничего. Просто обычно перед серьёзным треком обувь успевают разносить. Хотя бы до первого мозоля.

Костя снова посмотрел на немца. Тот сидел у окна и грыз яблоко, читая книгу.

– Надеюсь, успел.

– Может, – согласился Толик. – А может, решил, что новые удобнее старых.

Он закрыл тетрадь, вложил карандаш под резинку.

– После первого большого перехода люди очень быстро начинают смотреть на свой рюкзак иначе.

Алекс хмыкнул из-под кепки.

– Поэтому через пару дней половина вещей исчезнет.

– Не обязательно. Но почти всегда домой возвращается уже совсем другой набор вещей, чем тот, который выезжал из дома.

Пасанг, до этого сидевший неподвижно, произнёс всё с теми же закрытыми глазами:

– Горы помогают отличить нужное от лишнего. Это их первая услуга.

Костя задумчиво посмотрел в сторону немца, тот доел яблоко и вытер нож о штанину.

– Надеюсь, он хотя бы кофе не забыл

Дорога шла на подъём. Асфальт ещё оставался ровным, но всё чаще попадались свежие заплатки, колёса глухо ударяли по ним, автобус мягко покачивало. За окнами одна за другой проплывали деревни. На верёвках между домами сушилось бельё, ветер надувал рубашки, и они колыхались, как большие цветные фонари. На крышах сидели обезьяны, одна чистила банан, глядя прямо на автобус. По обочинам шли женщины с плетёными корзинами, ремень проходил через лоб, поступь была медленная и ровная. Дорога вилась серпантином, и через каждые несколько минут из-за поворота выплывал встречный грузовик, такой яркий, словно его расписывали, не жалея ни красок, ни фантазии. Оранжевый, синий, золотой, с цветочным орнаментом на кузове.

На откидном борту одного из них жёлтой краской было выведено:

HORN PLEASE[7]

Водитель автобуса коротко нажал на клаксон. Из-за скалы тут же отозвался другой, низкий и долгий.

Андрей проводил взглядом удалявшийся грузовик.

– Они всегда так делают?

Пасанг наконец открыл глаза.

– Всегда

– Даже если никого не видно?

– Особенно если никого не видно. – Он кивнул вперёд, на изгиб дороги, пропадавший за скальным выступом. – Здесь никогда не знаешь, что за поворотом.

Автобус вошёл в очередной крутой вираж. Водитель снова нажал на клаксон, два коротких гудка. Через несколько секунд из-за скалы выполз ярко-красный грузовик с гирляндой из сухих цветов на зеркале заднего вида. Водители разъехались, не сбавляя хода, будто заранее знали, что встретятся именно здесь.

– Здесь клаксон иногда важнее зеркал, – сказал Пасанг и снова прикрыл глаза.

Минут через сорок автобус резко сбросил скорость, всем корпусом подавшись вперёд. Поперёк дороги брело стадо коз. С десяток, не больше. Они шли медленно, опустив головы к потрескавшемуся асфальту, будто читали что-то, написанное только для них. Пастух плёлся позади с длинной бамбуковой палкой на плече и даже не смотрел на стадо. Его босые пятки мелькали в пыли.

Костя вытащил телефон, повертел в ладони.

– Если сейчас скажут, что мы опоздали из-за коз, – он помолчал, – я даже спорить не буду.

Автобус ждал. Последняя коза, белая, с коричневым пятном на боку на секунду замерла у самой обочины, покосилась на свою тень и только потом сошла на траву. Ещё через час водитель свернул к бетонному зданию с выцветшей вывеской. Краска на ней пошла пузырями от солнца, несколько букв выцвели до полной неразличимости. У стены гудел старый холодильник с круглыми боками и пятнами ржавчины возле ручки. Рядом стояли четыре пластиковых столика под рваным тентом. Чуть дальше две туалетные кабинки, выкрашенные в голубой.

– Десять минут, – сказал водитель и первым вышел на воздух.

Он встал у переднего колеса, закурил и замер, глядя куда-то поверх крыши. За ним потянулись остальные. Курильщики сбились в кучку возле бетонной тумбы, остальные разбрелись

[7] Сигнальте, пожалуйста.

между ларьком и кафе. Хлопнула дверца туалета, звякнули бутылки в холодильнике. Костя успел обойти всё. Сначала магазин с тремя стеллажами и стеклянной витриной, за которой выцвели старые ценники. Потом небольшое кафе, где рядом с банками печенья стоял старый электрический чайник, а хозяйка неспешно раскладывала по тарелкам жареные пирожки.

Вернулся он с выражением человека, который честно выполнил разведку.

– Ну что? Нашёл цивилизацию? – спросил Андрей.

Костя опустился на край скамейки и медленно покачал головой.

– Смотря что считать цивилизацией.

– А что там есть?

– Всё.

Он начал загибать пальцы.

– Рис. Масло. Мыло. Батарейки. Лапша. Благовония. Детские игрушки. Резиновые сапоги. Какие-то детали от мотоблока… кажется.

Немного подумал.

– Если поискать подольше, думаю, найдутся и запчасти от вертолёта.

Алекс усмехнулся.

– Не удивлюсь.

– То есть это нормально?

– Абсолютно. В маленьких деревнях держат всего понемногу. Никогда не знаешь, кто зайдёт следующим. Фермер, водитель автобуса или экспедиция.

Костя развёл руками.

– Но ведь невозможно продавать сразу всё.

Лакпа, до этого молча наблюдавшая за дорогой, спокойно сказала:

– Может, почему нет?

Все повернулись к ней.

Она кивнула в сторону магазина.

– Если ближайший следующий магазин в нескольких часах пути, люди покупают то, что забыли. Или то, что неожиданно понадобилось. Поэтому здесь продают не то, что красиво стоит на полке, а то, что однажды уже кого-то выручило.

Костя задумчиво посмотрел на магазин.

– Получается, ассортимент здесь собирает сама жизнь.

– Да, – кивнула Лакпа. – Медленно.

Алекс улыбнулся.

– Поэтому иногда рядом оказываются носки, свечи, шоколад и велосипедная камера.

– И никто не удивляется?

– Только туристы.

Костя рассмеялся.

– Тогда я полностью соответствую роли.

Он ещё раз оглянулся на магазин.

– Хотя признаюсь честно… я минут пять пытался понять, зачем рядом с рисом лежит футбольный мяч.

Лакпа пожал плечами.

– Иногда дети тоже хотят играть.

Наступила короткая тишина.

В этот момент хозяйка кафе вынесла кому-то горячие лепёшки, по остановке поплыл запах свежего теста.

Костя шумно вдохнул воздух.

– Ладно… беру свои слова обратно. Кажется, цивилизация всё-таки нашлась. Цивилизация, в которой не пьют кофе…

Автобус двинулся дальше. Андрей смотрел в окно. На противоположной стороне улицы пожилой мужчина неторопливо подметал тротуар длинной бамбуковой метлой. Машины сигналили, люди спешили, а он продолжал работать в своем размеренном ритме. Ещё недавно дорога лежала широкая, четырёхполосная, с бетонными отбойниками и рекламными щитами. Потом сузилась до двух полос, исчезли заправки, вслед на ними бетонные дома. Остались деревни с шиферными крышами, рисовые поля, мосты через мутные речки и редкие лавки, где за прилавком сидел кто-то и смотрел на дорогу. Дорога то поднималась по склону, то снова спускалась к воде. Иногда казалось сейчас упрётся в скалу, и всё. Но за поворотом открывался новый участок. И так снова и снова. Горы ещё не показывались, их закрывали холмы и облака, но дорога уже знала, куда идёт.

Солнце поднялось выше. Свет медленно полз по склонам, сперва задел верхушки деревьев, потом тронул шифер крыш, потом лёг на дорогу длинными тенями. У колодца женщины набирали воду в металлические кувшины, те глухо гудели, ударяясь о каменный бортик. На крышах сушились гирлянды яркого красного перца, почти оранжевые на солнце. У школьного двора дети в одинаковых тёмно-синих свитерах замахали автобусу. Их было человек двадцать, и махали они молча, сосредоточенно, будто выполняли важное поручение.

Костя помахал в ответ.

Через секунду махал уже весь двор.

Он довольно откинулся на спинку сиденья.

– Всё. Теперь у меня и здесь есть поклонники.

– Это дети, – заметил Андрей.

– Поклонники возраст не выбирают.

Алекс перевернул страницу книги.

– Ты удивительно быстро находишь себе аудиторию.

– Это талант.

– Нет, – спокойно сказал Алекс. – Это громкий голос и высокий рост.

Лакпа, сидевшая впереди, обернулся.

– И ещё потому, что ты помахал в ответ.

Костя удивился.

– Думаешь?

Лакпа кивнула.

– Здесь принято отвечать.

Он ненадолго посмотрел в окно.

– Особенно детям.

Костя снова посмотрел назад. Автобус уже уходил за поворот, но несколько маленьких фигур всё ещё стояли у дороги.

– Хорошая привычка.

– Да, – согласилась Лакпа. – Если человек машет тебе вслед, значит, он желает доброй дороги.

Асфальт кончился без перехода, просто полоса серого оборвалась, и колёса легли на утрамбованный грунт. Водитель ждал этого: за мгновение до того двигатель сбросил обороты, автобус мягко ушёл вниз, а потом подпрыгнул раз, другой, третий. Подвеска заскрипела. Сзади поднялась пыль, густая, светло-коричневая, и потянулась за автобусом длинным шлейфом. Тенцинг проснулся, приоткрыл один глаз, посмотрел в окно, там качались ветки, проплывал бок скалы, и снова устроился поудобнее, привалившись плечом к стеклу. Пасанг сидел с закрытыми глазами, пальцы правой руки едва заметно двигались, большой касался подушечек остальных по очереди, раз за разом, в одном и том же ритме. Андрей смотрел на них несколько секунд: то ли он молился, то ли считал повороты дороги. Спрашивать не хотелось. Некоторые вещи не становятся понятнее от объяснений. Костя снова достал телефон, поднял его повыше,

повернул к окну. Потом почти прижал к стеклу, словно автобус мог ехать чуть ближе к ближайшей вышке.

Экран оставался пустым.

– Всё. Связь закончилась.

Он ещё раз посмотрел на дисплей, будто тот мог передумать.

– Ни одной полоски.

Пасанг, сидевший через проход, не открывая глаз, спокойно произнёс:

– Хорошо.

Костя даже повернулся к нему.

– Что значит “хорошо”?

– Очень хорошо.

– Чем?

Пасанг наконец открыл глаза.

– Теперь никто не позвонит и не скажет, что у тебя срочная встреча.

Костя усмехнулся.

– Это, конечно, плюс. Но вдруг мне самому понадобится кому-нибудь позвонить?

Алекс закрыл книгу, заложив страницу пальцем.

– Если понадобится действительно срочно, значит, ты ещё слишком близко к городу.

Костя вопросительно поднял брови.

Алекс улыбнулся.

– В горах список срочных дел становится заметно короче. В нем остается: поесть. поставить палатку. Не забыть пить воду. Поспать. Всё остальное обычно может подождать.

Лакпа, которая смотрела в окно, тихо добавила:

– Первые два дня почти все проверяют телефон, а потом начинают смотреть в окно.

На несколько секунд в автобусе стало совсем тихо. Андрей машинально опустил взгляд на свой телефон, тот тоже давно потерял сеть. Он убрал его в карман и впервые за всё утро даже не подумал проверить снова.

За окном медленно проплывали террасы, деревни и зелёные склоны. Автобус шёл всё выше. Дорога пошла вдоль реки. Самой воды почти не было видно, она то исчезала за стеной деревьев, то мелькала внизу между камнями, но голос не умолкал. Иногда шум перекрывал рокот двигателя, словно автобус плыл сквозь сплошной гул. Потом река уходила глубже в ущелье, и оставался только влажный воздух, запах мокрого камня и прелых листьев, без которого дорога теперь уже не представлялась. За поворотом долина раскрылась. Внизу, между зелёными холмами, лежал плотный, белый, неподвижный туман. Он заполнял низину до самого края, и над ним поднимались только верхушки деревьев да несколько крыш, рифлёное железо, чёрное на белом, будто маленькие острова. Автобус замедлился, дорога вновь сузилась так, что двум машинам было не разойтись без риска. Впереди длинно и протяжно загудел старый грузовик. Несколько секунд спустя автобус ответил тем же. Они разминулись вплотную: боковые зеркала едва не соприкоснулись, за бортом мелькнул облупившийся борт с надписью краской. И только когда зеркала благополучно разошлись, оба водителя прибавили скорость.

Костя проводил грузовик взглядом и повернулся к Пасангу:

– Теперь понял, почему здесь так любят сигналить.

Тот кивнул:

– Это язык дороги

Автобус вошёл в туман. Сперва исчезли дальние склоны, просто ушли в белое. Потом растворились деревья у обочины. Потом пропала и сама обочина, и впереди осталась только узкая полоса влажного асфальта, которая появлялась из молочной мглы прямо перед колёсами. Разговоры смолкли сами собой, никто не обрывал фразу на полуслове, просто перестали говорить. Андрей посмотрел на Пасанга. Тот сидел с открытыми глазами, но не выглядывал в

окно. Его спина была прямой, руки лежали на коленях, и всё же чувствовалось, что он знает дорогу телом. Не высчитывал повороты и не вслушивался в двигатель, но, когда автобус чуть накренился вправо перед мостом, Пасанг уже сидел именно так, будто ждал этого крена. Когда затяжной подъём сменил гул мотора, он чуть повернул голову, на долю секунды раньше, чем изменился звук. Наверное, так бывает с дорогами, которые проходишь много раз: в какой-то момент перестаёшь помнить их головой и начинаешь помнить всем собой.

Автобус мягко качнуло. Тенцинг приоткрыл один глаз, машинально придержал пакет с лепёшками на коленях, проверил, что все на месте, и снова задремал. Проснулся он только через несколько минут и потянулся широко, со вкусом.

– Доброе утро.

– Уже почти обед, – усмехнулся Костя.

Тенцинг долго смотрел в окно: на туман, на тёмные склоны, на полосу дороги, уходящую вверх. Потом спокойно покачал головой:

– Нет. – Он немного подумал и добавил: – В горах ещё утро.

Дорога сошла к реке и теперь держалась у самой воды, то пряча поток за стеной деревьев, то снова выводя автобус на открытый участок, где река ревела впритирку с колёсами. Река не текла, она падала. Серое тяжёлое тело разбивалось о валуны, взлетало пеной и снова ухало вниз, словно кто-то бесконечно выдыхал воду сквозь сжатые зубы.

Андрей потянул оконную раму. В салон вошёл запах: мокрый камень, речная взвесь, прелая листва, первый предвестник осени. Вокруг остались ущелье, дорога и воздух, от которого чуть сводило скулы.

– Будхи-Гандаки, – произнёс Пасанг, глядя в окно.

Андрей беззвучно повторил.

Будхи. Гандаки.

– А что значит?

Пасанг помолчал, пожал плечом:

– По-разному. Для меня просто река.

Андрей усмехнулся. Наверное, когда всю жизнь проводишь среди гор, перестаёшь замечать то, на что другие смотрят не отрываясь.

Туман расступился внезапно, будто его сдвинули руками. Сперва проявились ветки ближайшего кустарника, мокрые и чёрные, затем стволы деревьев, и снова открылась река, за окном снова пошли террасы. На крутом срезе склона женщина в красной кофте неспешно укладывала что-то в плетёную корзину, словно у неё было всё время мира. Выше двое мальчишек запускали змея. Бумажный ромб дёрнулся вверх и натянул нить, а мальчишки с визгом понеслись по склону, размахивая руками. Солнце пробило кроны и легло им на спины жёлтыми пятнами. Костя высунул руку и помахал. Один из мальчишек замер, замахал в ответ и выпустил нить. Змей выписал дугу и ушёл в кусты

Костя откинулся на спинку.

– Лишил человека авиации.

– Зато подарил историю, – сказал Алекс, не открывая глаз. – Лет через двадцать будет рассказывать детям, как сумасшедший турист из автобуса сорвал ему самый важный полёт.

Костя засмеялся тихо, на выдохе.

– Тогда в расчёте.

Река будто провожала их на протяжении всего пути, она шла рядом с дорогой уже долго, то пропадала за скальными выступами, то возвращалась, изгибалась в такт серпантину. Будхи-Гандаки.

Андрей беззвучно проговорил название. Иногда река шумела прямо под колесом, в метре от обочины, а иногда проваливалась глубоко вниз, и тогда между валунами лежала только серебристая полоса, тонкая, как надрез. Водитель работал спокойно, переключал передачи

мягко, на тормоз нажимал заранее. Перед слепыми поворотами он коротко бил в клаксон. Порой сигнал приходил из-за скалы раньше, чем появлялась встречная машина. Рожок прорезал воздух, эхо уходило в ущелье. Дорога перекликалась сама с собой.

За поворотом показалась деревня. Два десятка домов, дощатые лавки с вывесками на непальском, было понятно, они для своих, не для туристов. На бетонной площадке у магазина сидели трое стариков. Перед ними на скамейке стоял термос с отбитой по краю эмалью и три металлические чашки. Они пили, подносили чашки к губам медленно, говорили негромко, им явно некуда было спешить. Автобус проехал мимо. Один из стариков поднял руку, не разгибая пальцев, просто качнул ладонью. Водитель коротко нажал клаксон, Пасанг тоже кивнул.

Андрей повернулся к нему.

– Знакомые?

– Нет.

– Тогда зачем?

Пасанг посмотрел на Андрея. Уголок рта у него дрогнул.

– Просто люди.

Фраза легла так плотно, что вопрос повис в воздухе лишним. Они ехали дальше, Костя пересел на два ряда назад, рядом с Ларсом. Между креслами торчал здоровенный походный рюкзак, а к боковому карману был пристёгнут старый ледоруб с потёртой рукоятью. Сначала они просто кивнули друг другу. Потом мужчина что-то спросил. Костя ответил. Ещё через минуту оба уже оживлённо разговаривали по-английски, время от времени смеясь так, словно познакомились вовсе не сегодня.

Андрей покосился на них.

– Быстро.

Алекс даже не обернулся.

– Подожди немного.

– Чего?

– Сейчас вернётся.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что Костя всегда возвращается.

– И что?

– С историей.

Пасанг, не отрывая взгляда от дороги, спокойно добавил:

– И с новым знакомым.

Минут через десять Костя действительно появился.

Он плюхнулся на своё место, довольно выдохнул и посмотрел сразу на всех.

– Нет, вы только послушайте.

Алекс улыбнулся.

– Что разузнал?

Костя прищурился.

– Да вы же его уже знаете

– Имя знаем, а страна, сколько вершин?

– Ларс, – сдался Костя

Алекс кивнул так, будто именно этого и ожидал.

– Продолжай.

Костя рассмеялся.

– Он архитектор мостов из Норвегии. Уже ходил в Патагонии, был на Денали, а теперь решил попробовать Манаслу.

– Хорошая коллекция, – заметил Андрей.

– Подожди, это ещё не самое интересное.

Костя устроился поудобнее.

– Он везёт с собой копчёную рыбу.

– Зачем? – удивился Андрей.

– Я тоже спросил. Он посмотрел на меня так, будто это вопрос был странным, и сказал: “Без неё экспедиция ненастоящая”.

Алекс тихо усмехнулся.

– У каждого свои традиции.

– Вот именно. А потом он говорит: “Знаешь, после каждой экспедиции домой возвращается немного другой человек. Если ничего не изменилось, значит, ты слишком мало увидел.”

На секунду в автобусе стало тихо.

Пасанг едва заметно кивнул.

– Хорошие слова, точные.

– И это ещё не всё, – оживился Костя. – Он показал фотографию своего гаража. Чего у него там только нет и порядок такой, вы не представляете, все разложено, подписано.

– Почему именно гаража? – спросил Андрей.

– Потому что жена сказала ему: “Купишь ещё один ледоруб, будешь жить в гараже.”

– И?

– Он купил.

Алекс поднял взгляд от книги.

– Ледоруб?

– Конечно.

Повисла короткая пауза. Потом Пасанг совершенно серьёзно сказал:

– Хорошо, что гараж уже был.

Несколько секунд все молчали. Первым рассмеялся Андрей, за ним Костя. Потом не выдержал даже Алекс. В этот момент Ларс поймал взгляд Кости через проход, поднял небольшой термос и что-то спросил.

Костя повернулся к своим.

– Он предлагает кофе. Говорит, настоящий. Из дома привёз.

– Тогда это серьёзный человек, – сказал Алекс, закрывая книгу.

– Я тоже так решил.

Костя поднялся и снова ушёл к Ларсу, словно к старому приятелю.

Автобус пошёл выше, и асфальт под колёсами начал позванивать мелкими камнями. Андрей заметил это раньше, чем увидел пропасть, звук изменился, стал суше. Дорога жалась к склону, оставляя между правым колесом и обрывом полосу выветренной породы. За окном уплывало вниз всё, что держит взгляд: сперва кусты, потом каменные осыпи, потом кроны деревьев, ставшие плоскими, как мох на стене. В какой-то момент Андрей перестал различать промежуток между дорогой и тем, что под ней. Вместо земли был воздух, и в нём долго висели сорванные ветром желтые листья. В эту глубину не сразу удавалось смотреть прямо. Андрей ловил себя на том, что отводит глаза к приборной панели, к спинке переднего сиденья, к собственным рукам на коленях, а потом снова туда, вниз, где блестела нитка Будхи-Гандаки. На повороте, забранном каменной кладкой, навстречу выплыл автобус. Старый, в три слоя краски: охра, синий, жёлтый, и всё это в пыли. Над лобовым стеклом «Please Horn», буквы выведены от руки. Водители обменялись гудками. Два коротких, почти вежливых сигнала, и машины разошлись боками так близко, что Андрей увидел трещину в стекле встречного автобуса, муху на трещине, а за ней женщину с газетой. Она переворачивала страницу, за ней спал человек, прислонившись виском к оконной раме. Никто не поднял головы и Андрей вдруг понял, что всё это время не дышал, и выдохнул.

Впереди, там, где дорога сужалась между скалой и обрывом, стоял грузовик. Четверо рабочих в оранжевых жилетах скатывали с асфальта камни, серые, с рваными белыми ско-

лами, ещё не тронутыми пылью. Освещение на склоне дрогнуло, будто кто-то провёл ладонью по поверхности, и каменная крошка осыпалась вниз с тихим шорохом. Сколы светились на солнце. В салоне было тихо, было слышно тольк цикад за открытыми окнами и далёкий, слитный гул реки. Никто не вздыхал, не тянулся к телефону, не спрашивал, долго ли. Такие остановки были здесь тем же, чем повороты и мосты – просто частью пути. Через пять минут водитель распахнул дверь. Из автобуса потянулись наружу: кто покурить, кто просто постоять у края дороги. Андрей спрыгнул на землю. Воздух коснулся лица, холодный, с металлическим привкусом талой воды. От камней пахло нагретой пылью и мокрым железом, видимо недавно прошёл дождь, но дорога уже высохла. Рабочие всё так же неторопливо перекатывали камни. Один выпрямился, крикнул что-то наверх, водителю. Тот засмеялся и ответил длинной фразой на непальском.

– О чём они? – спросил Андрей.

Тенцинг вынул изо рта травинку, прислушался.

– Он сказал, что сегодня гора добрая.

– А водитель?

– Сказал: «Пусть не сглазит».

Андрей снова посмотрел на камни. Свежий излом скалы белел на солнце. Вскоре рабочие отошли в сторону, один махнул рукой. Водитель дважды коротко посигналил, и автобус поплыл мимо грузовика. У обочины Андрей заметил тур – небольшую пирамидку из плоских камней. На верхнем, самом маленьком, лежал оранжевый бархатец, ещё свежий, с каплей воды в середине. Он хотел спросить, кто его оставил, но вопрос задержался где-то в горле. Иногда вопрос лучше сохранить до того момента, когда сумеешь понять ответ. За очередным поворотом водитель неожиданно сбросил скорость.

Толик, сидевший в хвосте, встал.

– Посмотрите направо. Сейчас должно открыться.

Разговоры в автобусе сразу стихли. Между двумя тёмными склонами, словно в узкой щели, появилась вершина. Белая, блестящая на солнце. По самому гребню ветер срывал снег, и длинный серебристый шлейф тянулся далеко в сторону. Андрей ещё несколько секунд смотрел туда, где она только что была.

– Это Манаслу?

– Нет, ты что, до нее еще очень долго. Улыбнулся Толик. – Это Ганеш-Химал, высота 7422 метра.

Он немного помолчал, потом продолжил.

– Название дали в честь бога Ганеши.

Костя удивлённо повернулся.

– Слона?

Лакпа спокойно улыбнулась.

– Да, все так. Если посмотреть под правильным углом, гора напоминает голову слона с хоботом.

К разговору присоединился Алекс:

– Что-то я не могу вспомнить маршрутов по этой горе.

– А их и нет почти. Отметил Толик. – Она далеко, сложная логистика, ее редко выбирают. И в основном те, кто любит тихие горы и без удобств.

Тенцинг вынул из кармана тонкую травинку, привычно покрутил её в пальцах и только потом сунул в рот:

– Действительно, многие идут на Эверест, Лходзе или Манаслу. Где все известно, подготовлены лагеря и заброски. Такие горы, как Ганеши для особых ценителей.

Пасанг открыл один глаз и улыбнулся:

– В ясную погоду Генаш-Химал видно даже в Катманду. Старые люди говорят: «Если утром Ганеши показался, день будет спокойным.

– А если нет? Озадачился Костя.

– А если нет, то гора не хочет разговаривать. Сказал он и закрыл глаз.

Все улыбнулись и вернулись к созерцанию горы. Автобус качнулся на повороте, гора исчезла, но вскоре появилась вновь. Теперь Андрей уже ждал её появления. Казалось, горы играют с автобусом в прятки, позволяя увидеть ровно столько, чтобы захотелось увидеть ещё.

За окнами постепенно менялся пейзаж. Деревень становилось всё меньше, рисовые террасы исчезли. Лес подступил почти вплотную к дороге. Высокие сосны стояли так густо, что между стволами лежала глубокая прохладная тень. Из открытой форточки потянуло влажной хвоей, а потом пришёл холод. Ещё совсем лёгкий, но уже ощутимый.

Андрей машинально застегнул флиску до подбородка.

Алекс заметил это.

– Начинается.

– Что именно?

– Ты начал замечать высоту.

Андрей улыбнулся.

– Пока замечаю только холод.

– Это одно и то же.

Алекс посмотрел в окно.

– В больших горах всё приходит постепенно. Сначала прохлада. Потом становится тяжелее идти. Потом начинаешь думать медленнее. Потом перестаёшь тратить силы на вещи, которые раньше казались важными.

Андрей вопросительно посмотрел на него.

– Например?

– На спешку. – Он чуть улыбнулся.

– Она первой сдаётся.

Костя не удержался:

– А интернет?

– Интернет сдаётся ещё раньше.

Алекс продолжил уже серьёзнее:

– Потом исчезает желание всё контролировать.

– И это хорошо?

– А вот это уже плохо. Большие горы не прощают даже маленьких ошибок.

Автобус резко притормозил. Навстречу медленно двигался длинный караван мулов. На каждом висели одинаковые зелёные тюки. Копыта размеренно стучали по асфальту. Металлические пряжки тихо позвякивали в такт шагам.

Животные шли спокойно, не обращая на автобус никакого внимания. Погонщик поднял руку, водитель ответил тем же. Никто не торопился, две дороги на несколько минут стали одной.

Андрей проводил взглядом последнего мула.

– Интересно, куда это они?

Пасанг пожал плечами.

– Куда сегодня нужно.

– А что они везут?

Пасанг пожал плечами.

– Всё.

Увидев выражение лица Андрея, он усмехнулся.

– Продукты. Газ. Цемент. Доски. Иногда школьные парты. Иногда лекарства. Иногда батареи для солнечных панелей.

Толик добавил:

– Иногда груз для экспедиций или незадачливых восходителей.

– Но это лишь часть работы, – сказал Пасанг. – Большую часть времени они просто помогают жить тем, кто живёт выше дороги.

Андрей ещё раз посмотрел вслед каравану.

– Получается, без них здесь почти ничего не происходит.

– Почти.

Пасанг кивнул.

– Когда заканчивается асфальт, начинается их работа.

Автобус снова тронулся. Некоторое время все молчали. Андрей смотрел в окно и неожиданно поймал себя на мысли, что за последние время несколько раз услышал одно и то же.

“Просто живут.”

“Не торопись.”

“Просто работают.”

Здесь никто не пытался казаться больше, чем был, и почему-то именно поэтому люди вызывали всё больше уважения.

Автобус набрал скорость. За окном поплыли повороты, один за другим. Андрей откинулся в кресле. Гул двигателя ложился ровно, сиденье дрожало мелкой привычной дрожью. Он закрыл глаза, не думая ни о маршруте, ни о времени. Дорога держала сама. Через минуту он уже спал.

К полудню солнце встало в зенит, и тени под ногами сделались короткими, резкими. Автобус свернул на утоптанную площадку перед одноэтажным домом, голубая краска на крыше пошла пузырями, пластик столов у входа выцвел до белесого. Вдоль стены, нанизанные на бечёвку, сушились кукурузные початки. Ветра не было, и под навесом, прикрыв глаза, стояла светло-коричневая коза, только челюсть ходила из стороны в сторону. Двигатель смолк, и сразу стало слышно, как потрескивает остывающий металл. Водитель обернулся:

– Сорок минут.

Дверь отъехала в сторону, и горячий воздух автобуса вытолкнуло наружу. Андрей ступил на землю. После непрерывной тряски неподвижность ощущалась почти как толчок. Он медленно разогнул спину, позвонок за позвонком. Утренней реки отсюда было не увидеть, дорога уводила выше, зато снизу, из ущелья, доносился ровный каменный гул. Будхи-Гандаки перекатывала воду, не умолкая.

Костя пропал, пока остальные разминали ноги.

– Даже не сомневался, – Андрей расстегнул кофр фотоаппарата.

– Куда он? – Алекс прищурился на дом.

– На разведку, смотреть, что здесь вкусного.

– Он всегда такой?

– Всегда.

Тенцинг стоял у кабины и смеялся над чем-то вместе с водителем. Пасанг уже входил в чайную, хозяйка подняла голову и улыбнулась ему, как улыбаются человеку, которого ждали.

Андрей с любопытством разглядывал каждую деталь: трещину в стене, ржавый обод колеса, полоску тени под крышей. Дорога, которую они видели впервые, для местных складывалась из знакомых лиц и привычных остановок. Для ребят же, все становилось впечатлением. Внутри пахло варёным рисом, топлёным маслом и печным дымом. В большой алюминиевой кастрюле, стоявшей прямо на полу, булькал дал-бат. На полках вдоль стены лежали пачки печенья, брикеты лапши, плитки молочного шоколада, батарейки вперемешку с газовыми зажигал-

ками и мотками бельевой верёвки, всё, что могло понадобиться человеку на перегоне между двумя точками на карте.

Костя уже стоял под деревянным навесом и махал им рукой. Перед ним на столе поднимался пар от нескольких мисок.

– Я тут провел разведку и раздобыл нам еды.

– Разведку? – переспросил Андрей, садясь.

– Лучшая тхукпа[8] в радиусе… – Костя обвёл рукой пространство, – метров ста.

– И как успел?

– Пока вы любовались горами, я занимался действительно важными вещами.

Пасанг заглянул в миску: мутноватый бульон, домашняя лапша, зелень, и кивнул:

– Похоже, и правда лучшая.

Костя расплылся.

Под навесом тянулись длинные столы из грубо струганных досок. За ними сидели люди с рюкзаками, те самые, кого Андрей видел утром возле гостиницы. Тогда они были просто лицами в толпе, теперь рассаживались рядом, придвигали миски, ломали хлеб. Миловидная девушка с длинными белыми волосами дула на ложку, прежде чем поднести ко рту. Молодой японец ел молча и размеренно, глядя прямо перед собой. Француз в третий раз переспрашивал название блюда, и хозяйка в третий раз повторяла, с одной и той же мягкой интонацией.

Костя уже сидел возле француза.

– Можно?

– Конечно, присаживайтесь.

За несколько минут они уже выяснили, что блондинку зовут Клер, она жена Жюля. Японца звали Кира. Жюль впервые шёл к восьмитысячнику, а Ларс все время вспоминал Анды. Андрей слушал, как смешиваются акценты: французская гортанность, японская сдержанность, британский английский Алекса. Небольшой стол придорожного кафе, сбитый из некрашеных досок, уместил сейчас четыре континента. Через несколько минут они уже говорили о горах так, будто были знакомы давно.

Подошли Пасанг с Тенцингом и Лакпой, поставили миски. Тенцинг зачерпнул ложкой, подержал во рту, подумал.

– Хорошая.

– Вот! – Костя поднял ладонь. – Местный эксперт подтвердил.

Ларс посмотрел на Пасанга:

– Вы давно все знакомы?

Костя уже набрал воздуха, но Пасанг ответил раньше, спокойно, не поднимая глаз от миски:

– Нет. Пока только едем в одну сторону.

Никто ничего не сказал. За навесом, невидимая и неумолчная, шумела река. Хлопали двери автобусов, кто-то звал кого-то по имени, кто-то торопливо допивал чай, закидывая рюкзак на плечо. А за длинным столом, в полосе света, падавшей из-под края крыши, люди молча ели суп, и в этом молчании уже проступало что-то общее, ещё не названное, но уже различимое.

Автобус мягко качнулся и выехал на дорогу. Горячий обед и ветер из открытых окон сделали своё дело, тела отяжелели, разговоры смолкли. Костя, ещё полчаса назад доказывавший Ларсу, что идеального походного кофе не существует, теперь просто смотрел в стекло. Пустой бумажный стаканчик грелся в его ладони. Потом он сложил его пополам, провёл пальцем по сгибу и сунул в боковой карман рюкзака. Ларс, сидевший через проход, заметил это и

[8] Блюдо непальской кухни, суп или рагу в сочетании с лапшой.

улыбнулся. Автобус набирал высоту. Лес за окном менялся незаметно, но необратимо: влажная тропическая гущина редела, светлела, впускала в себя сосны. Ветер из форточки уже не лип к коже, а приятно холодил лицо.

Андрей слушал дорогу. На прямых участках двигатель гудел ровно и низко, перед крутым поворотом водитель снимал ногу с газа, и звук на секунду проваливался в тишину. Короткий гудок, пауза, и только потом автобус медленно заваливался в вираж. Раз за разом, без единого сбоя. Раньше Андрей не различал этих сигналов, теперь ждал их, как ждут знакомого голоса в чужой речи. Он поймал себя на том, что больше не смотрит вниз. Утром каждый обрыв заставлял невольно отводить взгляд. Сейчас глаза сами уходили выше: на кроны, на каменные срезы, на облака, зацепившиеся за вершины. Страх отступал, освобождая место тому, чему Андрей пока не находил названия.

Впереди показался караван. Два с лишним десятка мулов неторопливо поднимались по тропе, уводившей от дороги вверх. На боках у каждого покачивались одинаковые тюки, перехваченные верёвками. Колокольчики звенели почти в такт шагам, негромко, но слышно даже сквозь гул мотора. Автобус остановился, водитель переключился на нейтральную скорость и ждал, положив руки на руль. Он не сигналил, и не торопил. Когда последний мул прошёл мимо, один из непальцев обернулся и поднял раскрытую ладонь. Водитель ответил тем же коротко, буднично, и тронул машину.

Пасанг, не открывая глаз, произнёс:

– Здесь всегда сначала идут те, кто идёт пешком.

Андрей посмотрел вслед каравану, уже скрывавшемуся за деревьями. Он не был уверен, что Пасанг говорил только о дороге.

Склоны делались круче, а небо ближе. Андрей давно перестал считать повороты. Просто смотрел.

Автобус обогнул скальный выступ, и ущелье внезапно открылось взгляду. Слева, глубоко внизу, блестела Будхи-Гандаки. Справа дорога по-прежнему шла вдоль каменной стены, почти отвесно уходившей вверх. А впереди не оказалось привычного горизонта. Хребты уходили один за другим, каждый следующий выше предыдущего. Они растворялись в голубоватой дымке, и границу между ними глаз уже не ловил. Андрей видел горы и раньше. Но никогда ещё они не занимали собой всё: небо, землю, воздух, само ощущение пространства. Он выхватывал взглядом отдельные вершины и почти сразу за ними открывались новые. Дальше. Выше. Глубже. Словно сами расстояния здесь подчинялись иным законам. Пасанг, угадав его мысли, заговорил негромко:

– Это трудно объяснить.

– Ты о чем?

– В первый раз кажется, что видишь всё.

Он едва заметно улыбнулся, краешком губ.

– Потом понимаешь, что почти ничего.

Андрей кивнул, удивляясь, как точно у Пасанга вышло передать это чувство.

Автобус шёл уже несколько часов, и вдруг он осознал простую, как удар пульса, вещь. Всё это время они двигались вдоль одной долины. Не через горы, не между хребтами. Вдоль одной.

Он попытался представить, сколько времени реке понадобилось, чтобы прорезать такое пространство. Не вышло.

– Одной… – тихо повторил он.

Холодок пробрался под рубашку, сперва едва заметный, потом плотный, влажный, будто автобус въехал в погреб. Он глянул на часы: начало четвёртого. Солнце по времени ещё стояло высоко, но в окнах уже сгущался синий полумрак. Западный хребет отсекал небо целиком, только где-то над головой, далеко и недосягаемо, пылали вершины. Снег на них казался густым, медовым, почти осязаемым. Там длился день.

Андрей провёл ладонью по стеклу. Оно было холодным и едва заметно дрожало от работы двигателя. Гребень почти полностью закрыл солнце. Воздух за окном вдруг стал другим. Темнее, глубже, будто автобус въехал не только в тень, но и в другое время суток.

Анатолий заметил ощущения группы.

– Привыкайте. В базовом лагере солнце иногда появляется только после девяти.

Андрей удивлённо посмотрел на часы.

– После девяти утра?

– Бывает и позже.

– То есть просыпаешься… а солнца нет?

Толик кивнул.

– Палатка светлая, небо голубое, а солнца не видно. Оно уже давно взошло, просто до тебя ещё не добралось.

Андрей снова посмотрел в окно.

– И вечером так же?

– Почти.

Толик показал рукой вперёд.

– Видишь этот хребет?

Андрей кивнул.

– Если лагерь стоит за ним, солнце уйдёт часа в четыре. Иногда раньше.

Андрей машинально взглянул на часы.

– Но сейчас ещё только половина четвёртого.

Толик улыбнулся.

– Вот именно.

Он ненадолго замолчал.

– Тут часы вообще быстро перестают быть главными.

– А что становится главным?

Толик перевёл взгляд на скальную стену, закрывавшую половину неба.

– Горы.

Он сказал это спокойно, без попытки прозвучать эффектно.

– На равнине ты живёшь по времени. Здесь живёшь по свету. Когда солнце приходит, становится тепло. Когда уходит, день будто сворачивается, даже если до вечера ещё несколько часов.

Андрей задумался.

– Я встречал такое раньше, но не в таком масштабе. И к этому привыкаешь?

Толик покачал головой.

– Нет.

Он улыбнулся.

– Просто перестаёшь ждать его по расписанию.

Через несколько километров дорога нырнула в просвет. Свет хлынул в салон жаркой волной, сразу загустели тени на полу, заплясали пылинки в воздухе, залоснились разводы на спинках сидений. Андрей почувствовал, как нагревается щека. Камни за окном обрели цвет, листва вспыхнула зеленым и оранжевым, даже волосы Толика стали другими, не серым, а бронзовым. Ещё поворот, и синева сомкнулась обратно, обняла автобус прохладой. Андрей вдруг отчётливо понял: день здесь не льётся непрерывно. Он рассыпан островами, световой архипелаг в холодном океане тени.

– Мы что, уже вечер встречаем? – сонно спросил Костя.

– Нет, – ответил Ларс.

– Тогда почему темно?

Тенцинг глянул в окно, и стёкла его тёмных очков на миг отразили синий хребет.

– Потому что солнце сейчас за горой.

Костя помолчал, переваривая.

– Кажется, это самая непальская фраза, которую я сегодня услышал.

Водитель хмыкнул и чуть качнул головой, смешок вышел негромким, тёплым, почти домашним. После долгого пути автобус выехал на парковку лоджа, дёрнулся и замер. Андрей качнулся вперёд, упёрся рукой в спинку переднего сиденья. Звук двигателя исчез не сразу. Ещё с полминуты в ушах стоял рокот мотора, низкий, плотный, въевшийся в кости за день дороги. Потом и он ушёл, и в тишине проступило то, что всё это время пряталось за ним: шелест Будхи-Гандаки внизу, собачий лай с дальнего берега, похлопывание молитвенных флажков на ветру.

– Вот и приехали – сказал Анатолий.

Двери открылись, и в проём хлынул воздух: прохладный, влажный, пахнущий мокрой щепой, печным дымом и землёй, не успевшей впитать дождь. Андрей спрыгнул на утрамбованный гравий. Позвоночник хрустнул, когда он потянулся, разводя лопатки. Лодж оказался прямо у дороги, приземистый, каменный, с тёмными балками веранды. На плоской крыше поблёскивал чёрный водяной бак. Под навесом, на верёвке, висели разноцветные штормовки, у порога в жестянках из-под томатной пасты цвели ярко-оранжевые бархатцы с влажными лепестками. На крыше автобуса Тенцинг отвязывал баулы и рюкзаки, и сбрасывал вниз резкими, точными движениями, водитель ловил их и ставил на землю. Пасанг, не глядя на бирки, сразу относил каждый к стене. Хозяин вышел навстречу. Седой, босой, в стёганой жилетке. Сложил ладони у груди.

– Намасте.

Группа ответила нестройным хором.

Андрей уже стоял над своим рюкзаком. Синяя ткань, бирка с фамилией, мокрое пятно на лямке.

– Наши комнаты на втором этаже. Анатолий заговорил тише, чем в автобусе.

– Горячая вода должна быть, вроде было солнечно, по крайней мере теплая. Ужин будет через полчаса. После ужина не засиживайтесь, завтра подъём рано.

Кивнули все, без слов, без возражений.

Лестница скрипела под каждым шагом, ступени были узкие, крашеные много раз, с протёртыми до дерева дорожками посередине. В комнате четыре железные кровати, тумбочка у окна, голая лампочка на скрученном проводе. На подоконнике трещина, заклеенная изолентой, на стене висела выцветшая фотография горы в пластиковой рамке. Андрей бросил рюкзак у изголовья и толкнул оконную раму. В комнату ворвался гул реки, ровный, заполняющий всё ущелье. Костя сбросил ботинки и рухнул на соседнюю кровать. Пружины под ним охнули. Алекс аккуратно поставил вещи, спокойно опустился, потянулся и откинулся назад, давая телу отдохнуть.

– Слушайте, после этого автобуса – пятизвёздочный отель. – Отметил Костя.

– Еще и теплый душ. – добавил Андрей.

– Отдыхаем с комфортом, мужики. – произнес Алекс.

Они встретились взглядами и засмеялись, устало, но с облегчением.

В столовой гудела буржуйка. За длинными столами сидели люди, Ларс, французская пара, японец с блокнотом и карандашом в руках, трое непальцев у дальнего окна. Разговоры звучали приглушённо, ложки негромко стучали о тарелки. Кто-то грел руки о жестяную кружку с чаем. Хозяйка поставила поднос: дал-бат на больших тарелках, чечевичный суп в мисочках, тушёные овощи, острый соус в жестянке. Ели молча, передавали соль, подливали друг другу чай. Кира отложил блокнот в сторону и работал ложкой.

Темнело быстро, без перехода. Совсем недавно в окне виднелись серые скалы, и вдруг уже только собственное отражение и отблеск лампочки на стекле. Андрей вышел на крыльцо. Автобуса не было, дорога уходила за поворот и там исчезала, ни габаритных огней, ни звука

мотора. Только ветер шевелил флажки над крышей, и река внизу продолжала свой ровный, ни на секунду не прерывающийся гул. Он стоял и смотрел вокруг. Мелкий дождь приятно холодил лицо. Он постоял еще немного, пока холод не пробрался под флиску, а потом поднялся в комнату. Костя с Алексом уже легли, Андрей залез в спальник, щёлкнул кнопкой фонарика. Темнота сомкнулась, плотная, с запахом дерева и золы. Река звучала ближе, чем днём, словно подошла к самому дому. Он слушал её и не заметил, как уснул.

Глава пятая

Ночью Андрей проснулся не от звука, от его отсутствия. Вечера по крыше шуршала морось, то усиливалась до частой дроби, то затихала, оставляя после себя мокрый шёпот. Сейчас не было ничего. Только дальний гул реки, цельный, нерасчленённый, как сам воздух.

Он осторожно выбрался из спальника, стараясь не задеть соседние кровати. Ноги нащупали холодные половицы, доска негромко скрипнула в левом углу, но в тишине звук разошёлся, как круги по воде. В коридоре пахло остывшей золой и металлом. Дверь оказалась не заперта, подалась под ладонью с лёгким чмоканьем дерева о косяк. Холод сразу наполнил лёгкие. Горы ещё спали, вершины прятались в темноте, но небо над дальним гребнем уже наливалось прозрачным серо-голубым, тем оттенком, что живёт несколько минут, а потом беззвучно растворяется в молочной белизне.

Во дворе уже работали. Пасанг, закутавшись в пуховку, пил чай из металлической кружки, и пар от неё смешивался с дыханием. Рядом двое портеров раскладывали на земле разноцветные экспедиционные баулы. Движения их были скупы и точны: один брал мешок за лямку, ставил на весы, второй принимал, смещал на полшага влево или вправо. Баулы шуршали по гравию, ложились один на другой. Звякали пряжки, ремни стягивали их ровно, один к одному. Пасанг бросил короткую фразу, мужчины беззвучно рассмеялись, один махнул рукой и переставил очередной мешок. В нескольких шагах от них стоял Апа, руководитель шерпов и портеров. Коренастый, крепко сложенный, в потёртой синей куртке, он скрестил руки на груди. На широком лице, обветренном и потемневшем от солнца, выделялись внимательные тёмные глаза и тонкие усы над верхней губой. Короткие чёрные волосы почти скрывала кепка с очками, небрежно зацепленными за козырёк. Апа молча наблюдал за работой. Он не вмешивался, не торопил людей и не раздавал указаний, просто смотрел, и этого взгляда, казалось, было достаточно, чтобы всё шло как надо.

– Не спится?

Андрей обернулся. Толик стоял на крыльце с кружкой, пар от чая поднимался к его лицу.

– Немного.

– Нормально. Перед первым настоящим переходом всегда так.

Он протянул Андрею вторую кружку. Тонкая жесть обожгла ладони даже сквозь рукава. Чай оказался почти кипятком. Андрей сделал осторожный глоток и зажмурился: тепло прокатилось за грудиной, выдохнулось паром. Они постояли молча. Портеры заканчивали сортировку. Последний баул лёг в общую кучу с глухим стуком, и один из мужчин затянул верёвку так туго, что она тонко запела.

– Это наши вещи? – спросил Андрей.

Толик кивнул.

– К вечеру будут далеко впереди.

– Мы не с ними идём?

– Нет. Это в кино экспедиция вытягивается одной колонной. На деле у каждого своя работа. Их – доставить груз. Наша – дойти.

Андрей перевёл взгляд во двор. Один из портеров пропустил конец верёвки под петлю, затянул, коротко дёрнул. Узел сел с влажным хрустом. Он проверил натяжение пальцами и сразу перешёл к следующим баулам.

Рядом другой мужчина присел перед сложенной лямкой, проверил крепление и поднялся. Андрей сперва решил, что тот собирается надеть груз на плечи, но портер завёл широкую ленту за голову и упёрся лбом в её мягкую часть. Лямка уходила назад, к баулу, закреплённому за спиной.

Мужчина выпрямился, чуть наклонившись вперёд. Груз поднялся вместе с ним. Он постоял секунду, проверяя равновесие, поправил лямку и сделал несколько шагов по двору. Баул покачивался за его спиной, но мужчина двигался ровно, будто нёс не тяжёлую поклажу, а просто шёл по своим делам.

Андрей посмотрел на собственный рюкзак, прислонённый к стене крыльца, потом снова на портера.

– Они всё так несут? – спросил он.

Толик проследил за его взглядом.

– Многие грузы. На этом участке ещё можно кое-что доставить транспортом, дальше всё пойдёт на людях.

Андрей промолчал. Портер прошёл через двор и остановился у ворот, чтобы подождать остальных. Он не выглядел ни торжественным, ни особенно напряжённым. Просто стоял, слегка наклонив голову под лямкой, и ждал.

Во двор, сонно ёжась, вышел Костя. Окинул взглядом незнакомцев, широко улыбнулся и уже через полминуты что-то увлечённо объяснял молодому парню лет шестнадцати, смешивая английские слова, жесты и совершенно счастливое выражение лица.

Парень был невысоким, крепким для своего возраста, с короткими чёрными волосами, торчавшими в разные стороны. Из-под густых бровей смотрели живые тёмные глаза. Он улыбался Косте, то и дело вставляя короткие реплики, а когда не мог подобрать слово, помогал себе жестами. В нём чувствовалась мальчишеская энергия: он едва успевал стоять на месте и, кажется, уже готов был броситься выполнять любое поручение, лишь бы не оставаться в стороне.

– Дава, – представился он Андрею, когда Костя наконец вспомнил, что они вообще-то ещё не знакомы.

Толик усмехнулся.

– Костя с кем угодно найдёт общий язык, даже не зная языка.

Андрей улыбнулся. Костя хлопнул парня по плечу, и тот, смеясь, отвечал тем же. Андрей ещё постоял во дворе. Холод покусывал щёки, но уходить не хотелось, слишком хорошо было в этой предрассветной синеве.

Первые лучи солнца коснулись крыш. Шифер окрасился в розовый, затем в золотой, и сразу стало видно, где лежит иней. Из кухни долетел звон посуды: металл о металл, потом глухой стук глиняной миски о деревянную столешницу. Хозяйка лоджа что-то прокричала, и её резкий, гортанный голос раскатился по двору и наполнил воздух жизнью. В столовой пахло свежей выпечкой, сладковатым маслом гхи, поджаренным рисом и кардамоном. Густая каша ложилась в миски, пар поднимался над стаканами с крепким чаем. Ларс уже сидел за столом и что-то записывал в блокнот, прихлёбывая из кружки. Алекс молча перебирал пряжки рюкзака, методично, шов за швом. Жюль и Клер тихо переговаривалась, склонившись над картой. Кто-то проверял батарейки в фонарике, направляя жёлтый кружок света в ладонь, кто-то в последний раз перекладывал вещи в рюкзаке. Гремели карабины, шуршали упаковки с батончиками, будто перестановка двух носков действительно могла сделать поклажу легче.

Анатолий наконец присел к столу, перекинулся несколькими словами с Пасангом а Апой. Их мягкая непальская речь вплеталась в шум кухни. Толик сверился со списком грузов, карандаш быстро пробежал по строчкам и замер на последней, кивнул Апе и впервые за утро позволил себе спокойно допить чай. Теперь он смотрел в окно, на дальний гребень, уже полностью освещённый солнцем.

Через полчаса рюкзаки стояли у крыльца. Кружки были убраны, стулья задвинуты. Последние слова благодарности, последние улыбки, последнее «намасте». Ладонь хозяйки на мгновение задержалась на плече Андрея, лёгкая, шершавая, почти невесомая. Он забросил рюкзак за плечо, лямка легла на привычное место и нарянулась под весом. Экспедиция собра-

лась и двинулась в путь. Первые несколько минут Андрей внимательно смотрел под ноги. Тропа стала шире, чем накануне: плотная коричневая земля, редкие камни, светлый сланец, крошащийся по краям, бугристые корни, отполированные подошвами до глянца. Идти было легко, и всё же он ставил ногу так осторожно, будто под следующим шагом могло не оказаться опоры. Впереди размеренно шагал Анатолий, за ним Пасанг, потом Тенцинг, остальные вытянулись сами собой. Лакпа замыкала где-то сзади. Дава шёл неподалёку от Тенцинга, то приближаясь к нему, то отставая на пару шагов. Он о чём-то спрашивал, но из-за шума реки Андрей не разбирал слов. Тенцинг отвечал коротко, не сбивая шага, а Дава слушал с таким вниманием, будто боялся упустить что-то важное. Цепочка людей сложилась без слов, как ручей находит своё русло. Никто не разговаривал, внутри этого шороха шагов, тихого трения рюкзаков о куртки, редкого звяканья карабина о пряжку слова казались лишними. Лакпа шла, чуть склонив голову, будто слушала что-то в ритме собственного дыхания. Тенцинг иногда поднимал лицо к кронам, где перекликались птицы: один голос резкий, с металлическим оттенком, другой мягкий, нисходящий. Жюль и Клер двигалась слаженно, бок о бок, не касаясь друг друга. Где-то позади Ларс мельком взглянул на высотомер и убрал его в карман. Ниже тропы всё так же шумела река. Андрей попытался догнать Пасанга. Тот шёл в своём ритме, но расстояние между ними не сокращалось. Андрей прибавил шаг, потом ещё немного. Почти сразу дыхание стало глубже и тяжелее, будто воздух приходилось проталкивать сквозь плотную ткань.

Пасанг даже не обернулся.

– Не спеши.

– Я думал, мы идём медленно.

– Медленно.

– Тогда почему?..

Пасанг остановился и дождался его. Наклонился, поднял с земли овальный тёмно-оранжевый лист с восковым блеском и осторожно положил в ручей, пересекавший тропу. Лист коснулся воды, медленно повернулся вокруг своей оси и поплыл вниз по течению. Солнце пробило крону, и по воде побежала световая рябь.

– Он торопится?

– Нет.

Пасанг кивнул, не отрывая взгляда от листа.

– Тогда почему должен плыть быстрее?

Он выпрямился и снова пошёл. Ещё несколько раз Андрей ловил себя на желании ускориться, грудная клетка тут же начинала работать с натугой. Тогда он опять замедлялся. Незаметно для себя перестал догонять Пасанга. Просто шёл следом, шагах в десяти. Тропа перестала быть препятствием, она просто лежала под ногами, тёплая, сухая, с редкими пятнами солнечного света.

Сзади зашуршали шаги, и Костя поравнялся с ним.

– Слушай…

– Что?

– Иногда иду… а потом вдруг понимаю, что пять минут вообще ни о чём не думал. Пустота. Такое классное ощущение.

– У меня тоже, – улыбнулся Андрей.

Костя шумно выдохнул, поправил лямку.

– За это в том числе я и любою то, что мы делаем.

Алекс, не оборачиваясь, бросил через плечо:

– Конечно.

– Дома вокруг тебя слишком много шума, – добавил он через несколько шагов.

Он поднял голову к верхушкам деревьев, где прошелестел ветер.

– Здесь только то, что имеет значение.

На несколько минут воцарилось молчание. Тропа огибала склон, река оставалась внизу, невидимая, но слышимая. Деревня давно скрылась за поворотом. Автобус, отель и лоджи с их пластиковыми стульями и запахом жареного риса остались в другой жизни.

Андрей вдруг понял простую вещь: впервые за много месяцев ему некуда спешить. Горы ждали, ветер дул вверх по склону, шевелил волосы на висках, снег на дальних вершинах спокойно блестел на солнце. Тропа поднималась мягко, огибая каменные террасы. Стены, сложенные без раствора камень к камню, держались на склоне широкими уступами. На нижней зеленела кукуруза, выше темнели метёлки проса, ещё дальше серебрилась картофельная ботва. Ветер шёл по ней волнами, и листья вспыхивали изнанкой. Андрей провёл ладонью по тёплому придорожному валуну, шершавая поверхность запомнилась пальцам раньше, чем мысль успела оформиться. На верхней террасе пожилая женщина рыхлила землю. За спиной у неё в плетёной корзине спал ребёнок, его голова была запрокинута, а рот приоткрыт. Женщина работала ровно, не укорачивая движений из-за ноши, будто корзина была такой же частью тела, как смуглые руки и босые ступни на влажной земле. Лакпа, проходя мимо, чуть улыбнулась ребёнку, едва заметно, одними уголками губ. Дальше двое мужчин перекладывали камни в подпорной стенке. Ни верёвок, ни касок. Один подавал, второй принимал и укладывал, движение перетекало в движение без замаха, без остановки.

Костя долго смотрел на них. Потом сказал негромко:

– У меня отец однажды решил крышу на даче перекрыть и через полчаса висел на водосточной трубе.

Андрей обернулся с улыбкой.

– Хоть не покалечился?

– Пострадала только его гордость, мама потом заявила, что дешевле было сразу нанять рабочих.

Несколько человек рассмеялись. Костя снова перевёл взгляд на стенку.

– А эти, по-моему, такими рождаются.

– Не рождаются, – спокойно отозвался Алекс, не поворачивая головы. Ветер шевелил его волосы и улетел дальше. – Просто с детства живут на склоне.

Где-то внизу, в деревне, стукнула дверь. Несколько секунд прошли в тишине.

– Мы учились ходить по асфальту, – добавил Алекс.

– Они по камням, – закончил за него Костя и хмыкнул, – Всё равно нечестно.

Теперь Алекс улыбнулся краем губ.

– Думаю, им тоже тяжело жить нашей жизнью. Не меньше, чем нам – их.

Через несколько минут навстречу им поднялась молодая девушка, невысокая, тонкая, закутанная в светлую ткань от солнца. За спиной у неё покачивалась большая плетёная корзина. Андрей машинально шагнул в сторону, пропуская. Когда она поравнялась с ним, он увидел, что корзина доверху набита свежескошенной травой, стебли торчали во все стороны, сочные, ярко-зелёные на срезе. Девушка коротко улыбнулась Пасангу, тот ответил несколькими словами на непальском. Она кивнула и пошла дальше тем же спокойным шагом. Андрей ещё несколько секунд смотрел ей вслед. Силуэт не изменился, шаг не сбился, корзина даже не качнулась.

– Сколько там? – спросил он.

Пасанг пожал плечами:

– Не знаю.

И, проводив её взглядом, добавил:

– Достаточно.

Андрей невольно обернулся ещё раз. Девушка почти скрылась за поворотом.

Алекс произнёс негромко:

– Самые сильные люди редко похожи на сильных. Потому что давно перестали кому-то это доказывать.

Андрей перевёл взгляд на него, но Алекс уже смотрел вперёд, на тропу.

Дальше тропа нырнула в лес, деревня осталась позади, шум её растворился за деревьями. Остались только шаги, шорох подошв по каменной крошке, река далеко внизу и ветер. Он донёс запах свежескошенной травы, сладковатый и резкий. Девушки уже не было видно, а запах держался ещё долго оседал в носу, мешался с влажным воздухом леса, отдавал нагретой на солнце прелой листвой.

Анатолий поднял руку:

– Привал.

Группа почти одновременно остановилась. Подтянулись отставшие, рюкзаки один за другим мягко легли на землю. Андрей снял свой и с удивлением почувствовал, насколько легче стало телу, плечи будто сами расправились.

Он посмотрел на часы:

– Мы долго шли?

Костя бросил взгляд на свои:

– Почти три часа.

Андрей удивился. Ему казалось, прошло минут сорок.

Под старым деревом земля была утоптана до гладкости, сотни ног до них тоже выбирали это место. Несколько плоских камней нагрелись на солнце, по краю площадки бежал ручей, и вода бормотала вполголоса, огибая корни. Чуть в стороне французская пара молча делила горсть грецких орехов, Жюль раздавил скорлупу в ладони и протянул половинку Клер. Кира сделал два снимка ствола, покрытого глубокими трещинами, и убрал камеру в чехол. Тенцинг подошёл к ручью, вода блеснула на солнце, когда он зачерпнул её ладонями, брызнула на лицо. Он фыркнул:

– Хорошая.

– Откуда знаешь? – спросил Костя с улыбкой.

– Мокрая.

Дава, стоявший рядом, прыснул со смеху, но тут же посмотрел на Тенцинга, словно проверяя, не пропустил ли он чего-то важного. Тот только усмехнулся и снова наклонился к воде. Костя посмотрел на него, потом рассмеялся:

– Аргумент.

Пасанг почти бесшумно доставал большой термос откуда-то из бокового кармана, Андрей заметил только движение его руки. Железные кружки появились следом, пар заструился над ними в холодном воздухе. Все взяли по кружке и спокойно пили, чай пах дымом и чем-то травянистым. Следом Пасанг раздал ароматные лепешки. Обычный кусок хлеба, но со сладким ароматным чаем он казался удивительно вкусным. Чуть поодаль Алекс снял ботинок, стянул носок, складки отпечатались на коже. Он расправил их и натянул ботинок обратно, зашнуровал, проверил узел, поставил ногу на землю. Ларс вынул из нагрудного кармана блокнот в кожаной обложке и что-то записал карандашом, коротко, тремя строчками.

Костя наблюдал за ними:

– Вы вообще отдыхать умеете?

Алекс поднял голову:

– Конечно.

– И что сейчас делаешь?

– Отдыхаю.

– Нет, ты проверяешь ботинки, Ларс что-то пишет, Пасанг разливает чай, Тенцинг разговаривает с деревом.

Ларс поднял глаза от блокнота.

– Ты тоже можешь отдохнуть.

– Я отдыхаю, – возразил Костя.

– Тогда почему разговариваешь?

Костя задумался и перевел взгляд на Тенцинга. Тот, действительно стоявший у ствола, обернулся. Маленький желтый лист упал ему на плечо, он не глядя стряхнул его:

– Не с деревом. С птицей.

Все невольно подняли головы. Высоко в кроне, где свет дробился между листьев, сидела небольшая серая птица. Короткий свист, всего три ноты.

– Она жалуется, – совершенно серьёзно сказал Тенцинг.

– На что?

– Что мы слишком шумные.

Костя покосился на Андрея:

– По-моему, он сейчас на что-то намекает.

Лакпа покачала головой:

– Нет. Тенцинг разговаривает со всеми. Просто птицы отвечают ему чаще, чем люди.

Даже Апа едва заметно усмехнулся и опустил глаза к кружке. На несколько минут наступила тишина, такая же ровная, как звук ручья или шорох листьев над головой. Клер положила голову мужу на плечо и закрыла глаза. Кира расчехлил камеру, передумал и убрал обратно. Андрей отошёл к краю площадки. Внизу долина легла иначе: тропа, по которой они поднялись, почти исчезла среди деревьев, только местами угадывался просвет. Крыши деревни темнели далеко в зелени, не было видно ни машин, ни дорог. Впереди тропа снова забирала вверх и скрывалась за поворотом, рыжая полоса между замшелых камней.

– Готовы? – спросил Анатолий.

Никто не ответил, ответ был и не нужен. Костя допил последние глотки чая, Ларс убрал блокнот в карман, Пасанг собрал пустые кружки и свинтил термос. Рюкзаки снова легли на плечи, лямки ещё хранили тепло тел, и цепочка двинулась дальше. После привала тропа сузилась до одной подошвы. Теперь она вжималась в склон, слева осыпалась каменная крошка, срывалась и ухала вниз, где уже не разобрать было дна. Справа уходил вверх серый, в лишайнике, бок скалы. Стало слышно дыхание идущего впереди.

Костя шёл первым.

Андрей услышал низкий, но без нажима голос Алекса:

– Стой.

Костя замер на полушаге. Камень под его подошвой скрипнул и смолк. Алекс подошёл ближе и взялся за стропу, которой треккинговые палки крепились к рюкзаку. Она ослабла, и палки болтались, цепляя Костю по боку.

– Не двигайся.

Костя не ответил, просто стоял и ждал. Алекс затянул стропу и проверил крепление, палки легли вдоль рюкзака и больше не раскачиваясь. Алекс коротко кивнул и пошёл дальше. Так, наверное, и сбивается команда не оттого, что люди дышат в одном ритме на подъёме, а оттого, что чужой ремень начинает бросаться в глаза быстрее своего. Тропа вывела на уступ, где уже стоял Анатолий. Его рюкзак лежал на камнях, подрагивая лямками от ветра. Апа, присев рядом на корточки, негромко говорил по-непальски и показывал рукой вверх по склону, туда, где тропа пропадала за выступом. Толик выслушал, кивнул, обернулся:

– Пять минут. Не больше. Рюкзаки снять, попить по желанию.

Никто не сел. Тело отдыхало от тяжести, но садиться на холодную землю не хотелось. Ларс медленно вращал плечами, мышцы ходили под флисовой курткой. Алекс, сдвинув солнечные очки на лоб, разглядывал карту на экране телефона. Костя отошёл метров на десять, присел, выставил камеру. Лакпа сделала два глотка из бутылки и завинтила крышку до щелчка. Андрей полез в рюкзак за фотоаппаратом, встал на край площадки и смотрел, как внизу река

вылизывает серые валуны. Лес поднимался по склонам неровными языками, кусты можжевельника сменялись соснами и неизвестными ему деревьями с оранжевой листвой. Над перевалом медленно вспухало облако, край его светился насквозь. Андрей поднял фотоаппарат, чтобы сделать кадр, но понял, что есть виды, которые фотоаппарат не берёт. Не потому, что света мало, а потому что это не картинка. Воздух, пахнущий нагретой хвоей и сухой пылью, то, как ветер перебирает волосы, как под ногами камень хранит холод, хотя солнце печёт плечи. Все это ни в один кадр не влезает. И странно было, что он раньше не чувствовал разницы, странно и немного стыдно.

Неподалёку Апа и Толик закончили разговор, Анатолий быстро обвёл группу глазами, привычно, как проверяют инструмент перед работой:

– Самочувствие?

Сразу несколько больших пальцев взлетели в воздух.

– Отлично. Работаем дальше.

Допили воду и чай, подтянули шнурки, поправили снаряжение, и через пять минут рюкзаки снова легли на плечи. Апа первым шагнул на тропу. За ним, без команды, вытянулась цепочка.

Первые сто метров каждый ещё шёл сам по себе. Костя ускорился, Андрей почти поравнялся с ним. Лакпа и Тенцинг о чём-то негромко переговаривались где-то позади, Алекс остановился на минуту чтобы снять, как облако наползает на седловину.

Толик замер на тропе. Не окликнул, не замахал рукой, просто стоял и смотрел, пока последний не обернулся.

– Народ, идём по одному, не обгоняйте друг друга, пожалуйста, темп задаёт Апа. Он идёт в ритме, который работает для всей группы. Если кажется медленно, терпите. Если кажется быстро, терпите. Просто идите в цепочке.

Больше он ничего не сказал. Апа уже уходил вперёд, его фигура уменьшалась среди валунов. За ним Ларс, за Ларсом Андрей, потом Костя и Алекс, потом остальные.

Разговоры сами собой угасли. Остались дыхание и звук ботинок о камни. Андрей перестал думать о скорости, через несколько минут он поймал ритм Ларса и уже не сбивался. Шаг, ещё шаг, еще. Вдох, пара шагов. Выдох. Люди шли так слаженно, будто одно тело. Тропа вывела к длинной каменной стене выше человеческого роста, сложенной из неровных плит. Каждая была испещрена резьбой: мантры, слоги, круги. Где-то краска выцвела, где-то буквы стёрлись почти до основания. Ветер нёс мелкую крошку, и, казалось, стена дышит. Апа, не снижая шага, обошёл стену слева. Группа потянулась за ним. Андрей машинально взял правее.

Костя тронул его за локоть, едва ощутимо, двумя пальцами:

– Слева.

Андрей шагнул обратно.

– А почему?

– Так принято.

– И всё?

Костя улыбнулся одними глазами:

– Этого достаточно.

Андрей оглянулся через плечо. Никто не обсуждал правило, никто не спрашивал почему. Все просто знали, с какой стороны обходить стену с молитвами, и знание это держалось в группе как воздух, невидимо и само собой. Он почувствовал, как внутри что-то расслабилось, то, что всегда требовало объяснений, прежде чем сделать шаг. Тропа ушла вниз, и шум воды стал плотнее. За деревьями показались тросы подвесного моста, он висел высоко над рекой, длинный, узкий, чуть покачиваясь под порывами ветра. Внизу пенилась вода между камней, и гул поднимался сразу со всех сторон. Несколько человек замедлили шаг.

Толик обернулся на ходу:

– По одному. Дистанция три метра. Не спешим.

Апа уже ступил на мост. Под его подошвами доски прогибались мягко, без рывка, и весь мост отзывался мерной, привычной волной. Он не держался за перила, даже не смотрел вниз, только вперёд, на тот берег.

Лакпа задержалась возле Андрея:

– Первый раз?

Кивок.

– Не смотри вниз. Смотри туда, куда идёшь.

Он ступил на доски. Мост мягко ушёл под ногой, глубже, чем он ожидал. Потом ещё раз. Три шага и движение перестало быть чужим. Тело само поняло ритм, нужную амплитуду, как на волне. На том берегу Андрей остановился и вдруг улыбнулся. Мост кончился и ничего особенного. Оказалось проще, чем выглядело. Сзади уже гремели доски: Костя шёл быстро, чуть пружиня коленями.

– Ну что? Живой?

– Пока да.

– Тогда считай, посвящение прошли.

Они улыбнулись и пошли догонять цепочку, а мост позади всё качался, принимая следующего путника.

За очередным поворотом тропа сузилась.

Апа поднял руку:

– Караван.

Группа прижалась к внутреннему краю тропы. Сначала послышался звон колокольчиков, потом из-за скалы показался первый мул. За ним второй, третий. Животные были нагружены так, что из-под тюков виднелись только тонкие ноги. Колокольчики позванивали в такт шагам. Погонщики почти не разговаривали, лишь изредка цокали языком, направляя мулов ближе к скале. Караван двигался вниз. Группа пропускала его, прижавшись к каменной стене. Мулы проходили совсем рядом, пахло разогретой шерстью и пылью. Андрей скользил взглядом по грузам: газовые баллоны, деревянные ящики, связки дуг для палаток, свёрнутые тенты, мешки с рисом, пластиковые канистры. Обычное снабжение. Всё то, без чего наверху не обойтись. На последнем муле лежал длинный свёрток, укрытый тёмным брезентом. Он был закреплён отдельно, поверх остального груза. Края ткани стягивали широкие ремни. Андрей задержал взгляд. Сначала он подумал, что это палатка или свёрнутый тент, но форма была слишком ровной, слишком длинной. Один из погонщиков шёл рядом с мулом, придерживая свёрток на повороте.

– Толик, а что там?

Анатолий посмотрел на караван, лицо его не изменилось.

– Человек.

Андрей снова посмотрел на свёрток. Мул осторожно переступил через выступавший из земли камень. Колокольчики звякнули, ремни натянулись, и караван продолжил спуск.

– Его вниз везут? – спросил Андрей, хотя ответ был очевиден.

– Да.

Толик помолчал, пропуская последнего погонщика.

– Не все возвращаются на своих двоих.

Андрей проводил караван взглядом, пока тот не исчез за поворотом.

– Идём, – сказал Толик.

Группа двинулась дальше. Ещё некоторое время слышалось позвякивание колокольчиков, потом стихло и оно. Андрей шёл молча, пыль, поднятая копытами, ещё висела в воздухе и оседала медленно, подсвеченная косыми лучами. Потом он негромко спросил:

– Толик, а что нужно, чтобы не оказаться на его месте?

Анатолий не сразу ответил, несколько шагов они прошли молча.

– Слушать меня. И горы. И себя.

Солнце уже начинало прятаться за склон, когда Апа свернул с тропы. За поворотом открылся небольшой ровный участок. Несколько палаток уже стояли, над одной из них тонкой струйкой поднимался сизый дым, почти прозрачный на фоне темнеющего неба. Запахло керосином и чем-то варёным. Кто-то успел натянуть тент над кухней, из большого котла поднимался пар. Пасанг стоял у стола и быстро что-то нарезал, нож ходил в его руке короткими частыми движениями. Увидев группу, он широко улыбнулся. Рюкзаки почти одновременно опустились на землю. Андрей сел на ближайший камень, тот ещё хранил дневное тепло, и впервые за день снял ботинки. Ноги загудели благодарно, глубоко. От земли потянуло вечерней прохладой, и он на мгновение прикрыл глаза. Толик скинул рюкзак и неторопливо прошёлся между палатками, беззвучно шевеля губами, пересчитывал.

– Все дошли?

Апа коротко кивнул и добавил что-то на непальском, Толик ухмыльнулся в ответ. Лагерь медленно остывал. Последний закатный свет ложился на палатки розовым, трогал край скалы, соскальзывал в трещины. Кто-то уже натянул толстые шерстяные носки и развешивал сырые на верёвке между палаток. Ларс сидел на складном стуле, крутил в руках трекинговую палку, пробовал секцию за секцией, хмурился, снова выдвигал. Костя, проходя мимо, на секунду задержался, глянул на палку, помог разобраться. Он уже собирался пройти дальше, но остановился.

– Тебе что-нибудь принести?

Ларс поднял глаза.

– Чай.

Костя посмотрел на его пустую кружку.

– Это я могу. А можно точнее?

Ларс посмотрел на кружку, потом на Костю.

– Чёрный. Без сахара.

– Уже лучше.

Костя развернулся и пошел к кухне. Алекс сидел у палатки, скрестив ноги, с книгой на колене, страницу придерживал пальцем, ветер трогал уголок, но он не замечал. Лакпа и Тенцинг устроились неподалёку с металлическими кружками. Тенцинг что-то рассказывал, жестикулируя свободной рукой, а Лакпа слушала с улыбкой, изредка вставляя короткие замечания. Когда он рассмеялся, она покачала головой и ответила ему что-то. Дава доставал консервные банки из мешка, а Пасанг раскладывал их в три ряда, поворачивал каждую этикеткой вверх, словно шахматные фигуры перед партией. Апа с несколькими шерпами разбирал грузы, мешки сновали из рук в руки, оседали отдельными кучами: синие к синим, красные к красным. Толик подошёл, что-то спросил и, выслушав ответ, кивнул, постоял ещё пару секунд и вернулся к своей палатке. Каждый двигался без лишнего слова, ровно, словно вечер сам вёл их за собой.

Андрей стоял посреди лагеря и вдруг понял: ему некуда приложить руки. После целого дня ходьбы наступила широкая, пустая пауза, и он был в ней один. В предыдущих походах он бы уже разводил горелку, вбивал колышки, натягивал тент над палаткой. Здесь почти всё сделали до него. Экспедиция была обставлена так, словно горы это место, где о тебе заботятся, и от этой заботы он впервые почувствовал себя лишней деталью в отлаженном механизме. Он достал из рюкзака зеленый блокнот, повертел в пальцах, клеёнчатая обложка была тёплой от тела, улыбнулся чему-то своему и написал: «Первый день закончился быстрее, чем казалось утром. В такой экспедиции совсем нечем заняться вечером, кроме отдыха. И это прекрасно». Закрыл блокнот, заправил карандаш под резинку. Этого оказалось достаточно. Когда опустели кружки и по дну последней ещё катался остывший чайный лист, Толик сухо хлопнул в ладони.

– Коллеги, пять минут внимания.

Голоса стихли, как ветер за хребтом. Французы перестали перешёптываться, Ларс отложил палку, Алекс опустил книгу на колено. Кира развернулся и внимательно посмотрел на Анатолия, Костя так и остался сидеть на пенке, опершись на локоть. Апа встал рядом с Толиком и чуть сзади.

– Сегодня все молодцы. Темп хороший, акклиматизация[9] идёт ровно. Никто не перегрелся, никто не отстал.

Он провёл пальцем по синей нитке маршрута.

– Завтра день будет длиннее. Подъём в шесть, завтрак в половине седьмого. Выход ровно в семь.

Пауза заполнилась шумом далёкой реки.

– Напоминаю: пьём воду, даже если не хочется. На остановках сразу накидываем куртку, не ждём, пока остынем. Головная боль, тошнота, слабость, сразу говорите. Не геройствуем. Апа добавил негромко, и голос его прозвучал будто из глубины палатки:

– Гора никуда не убежит.

Толик усмехнулся краем рта.

– Именно так. Лучше потерять день, чем человека.

Он свернул карту в трубку, постучал ею по ладони.

– Всё. Отдыхайте. Завтра познакомимся с горами еще ближе.

Солнце ушло быстро, одним резким движением, только что золотило скальный гребень над лагерем, и вот уже палатки стали серыми, камни потеряли объём, а тени слились в сплошную холодную синеву. Воздух остыл сразу на несколько градусов. Лакпа натянула шапку до бровей, Костя полез в палатку за пуховкой. Из кухни тянуло рисом, чесноком и ещё чем-то острым, запах расползался между палаток, оседал на языке. Пасанг негромко переговаривался с Тенцингом, голоса шерпов звучали мерно, будто перекатывали камешки в ладонях. Звякнула крышка, булькнула вода, кто-то рассмеялся коротко и тут же осёкся. Андрей поднял голову. Над лагерем зажигались звёзды, одна, ещё три, потом сразу россыпью. Их было непривычно много. Андрей различил Большую Медведицу, но тут же потерял её среди чужих, незнакомых созвездий, рассыпанных густо, как соль на чёрном сукне.

За спиной тихо, почти шёпотом, сказал Алекс:

– Самое опасное сейчас.

– Что?

– Решить, что ещё тепло.

Андрей усмехнулся, выдохнул пар:

– Уже понял.

Он застегнул молнию до подбородка, поправил воротник, ткань легла плотно, защипала кожу на шее.

Алекс посмотрел на него и кивнул, будто поставил галочку в невидимом списке:

– Значит, завтра не будешь искать перчатки в темноте.

Металлическая ложка ударила о край котла, резкий, чистый звук пробил вечерний воздух. Пасанг приподнял край тента, высунулся наполовину и, широко улыбаясь, объявил громко, почти пропел:

– Ужин!

И сразу зашуршали куртки, застучали кружки. Костя отложил недосушенные носки, Жюль и Клер смели карты в стопку, Кира закрыл свой блокнот и положил карандаш между страниц. Все потянулись к столу, без суеты, но быстро, словно тело знало дорогу раньше головы. Запах чеснока, имбиря и разваренной чечевицы плыл над лагерем плотным, почти видимым слоем. После целого дня на тропе такой запах не вдыхаешь, в него входишь. Пасанг

[9] Постепенное привыкание организма к условиям высокогорья, прежде всего к недостатку кислорода.

работал двумя руками сразу. Левая откидывала крышку и подхватывала миску, правая погружала половник в густую глубину котла, и вот уже следующая порция ложилась ровно, с горкой. Каждому он смотрел в глаза, каждому успевал кивнуть или вскинуть бровь. Когда подошёл Андрей, Пасанг задержал на нём взгляд на секунду дольше. Лицо у Пасанга блестело от кухонного жара.

– Поострее?

Андрей помедлил, сделал неопределенный жест рукой.

– Не особо.

Пасанг набрал из одного котла половник густого дала[10], из другого ложку тушёных овощей и, уже наполнив миску, взял с края стола маленькую ложку с красной пастой. Поднял брови. Показал Андрею.

– Чуть меньше, наверное.

Пасанг снял с ложки едва заметный мазок, единственную красную каплю. Размешал в миске. Ларс стоял чуть поодаль, прислонившись плечом к стойке тента, и смотрел на эту сцену с тихим смешком.

– Поздравляю.

– С чем?

– Теперь он знает, сколько перца тебе нужно.

– Это настолько важно?

– Очень. – Ларс покрутил свою миску в руках. – Через пару дней он перестанет спрашивать, просто положит именно столько. И отвернётся к следующей миске, будто так было всегда. Он очень чуткий, хоть и немногословный. Я ходил с ним на Эверест несколько лет назад. Самый важный член экспедиции, как по мне.

Андрей посмотрел на Пасанга. Тот уже говорил с кем-то другим, на ходу замечая пустую кружку у края стола. Андрей заметил быстрое движение руки к чайнику, и взгляд в сторону заканчивающегося риса.

После ужина все остались сидеть у кухни. Французы, сдвинув головы над картой, перебрасывались короткими фразами. Лакпа смеялась, Тенцинг сказал что-то вполголоса и сам заулыбался. Ларс сидел на камне, держа кружку в ладонях, и молча глядел туда, где склоны уходили в сумерки. Потом одна за другой зашуршали молнии на входах палаток. Сначала ушёл Алекс, потом Костя. Апа пожелал всем спокойной ночи коротким кивком и скрылся за пологом. Лагерь стихал, только кухня ещё жила своим собственным шумом. Всплески воды, стук донышка кастрюли, приглушённый шерпский говор. Поблёскивали мокрые миски, составленные стопкой. Пасанг и Дава мыли посуду в большом алюминиевом тазу, и пар поднимался над водой в холодном воздухе. Андрей стоял у края лагеря, глядя в долину. Ларс подошёл неслышно, протянул ему кружку и встал рядом. Река шумела далеко внизу, ровно и непрерывно. Ухо уже привыкло к этому звуку. В кружке оказался бренди. Сладковато-жгучий запах ударил в ноздри, первый глоток обжёг горло и разлился теплом по груди. Ветер чуть трогал волосы.

Ларс первым нарушил молчание.

– Ну как ты?

Андрей неопределённо пожал плечами и улыбнулся.

– Устал, конечно. Но красиво тут до одури. Смотрю и понимаю, что всё не зря.

Ларс улыбнулся одними уголками губ.

– Поэтому и ходим.

---

[10] Блюдо непальской кухни, пряный суп из чечевицы (чаще всего жёлтой или красной), приправленный чесноком, имбирём, куркумой, кориандром и другими специями.

Андрей посмотрел в сторону кухни. Пасанг вытирал последнюю большую кастрюлю, в которой варился дал, удерживая её одной рукой. Дава складывал чистые миски в брезентовый мешок.

– Представляешь, а они в этой красоте живут всю жизнь.

Ларс проследил за его взглядом.

– Живут, – повторил он. – Только посмотри на них. Мы уже сидим с бренди, а они ещё работают. Завтра встанут раньше нас, соберут лагерь и уйдут вперёд, чтобы к нашему приходу всё было готово.

Андрей посмотрел на Пасанга. Тот закончил с кастрюлей, поставил её на землю и потянулся за тряпкой.

– Думаешь, они вообще замечают горы? – спросил Андрей.

Ларс помолчал.

– Не знаю. Наверное, иногда. Но когда тебе нужно успеть приготовить ужин на одиннадцать человек, не до закатов. Хотя, может, они видят здесь то, чего мы никогда не заметим.

Андрей снова посмотрел на горы. В сумерках их очертания почти слились с небом.

– А мы замечаем только то, ради чего приехали, – сказал он.

– Пожалуй, – ответил Ларс.

Они замолчали. Внизу шумела река, а у кухни Пасанг наконец выпрямился, разминая затёкшую спину.

Ночь оказалась холоднее, чем ожидал Андрей. Несколько раз он просыпался, не понимая, что именно его разбудило. То ли ветер, перебирающий растяжки палатки, то ли непривычная тишина гор, настолько глубокая, что в ней отчётливо слышалось собственное дыхание. Спальник то казался слишком жарким, то вдруг переставал согревать, и приходилось снова искать удобное положение. Когда он окончательно открыл глаза, снаружи ещё только начинал сереть рассвет. Он осторожно расстегнул молнию палатки, холодный воздух мгновенно наполнил тесное пространство, пахнув влажной землёй, дымом и чем-то едва уловимо хвойным. Лагерь ещё спал. Почти. Возле походной кухни уже горел фонарь. В его тёплом свете Пасанг спокойно помешивал что-то в большом котле, а Дава, присев на корточки, нарезал овощи с такой невозмутимостью, словно занимался этим не в нескольких тысячах метров над уровнем моря, а на кухне собственного дома. Никто не разговаривал, слышался только негромкий стук ножа о разделочную доску, шипение примуса и далёкий шум реки. День для них начался задолго до того, как проснулся хоть кто-то из участников экспедиции.

– Доброе утро, Андрей.

Он обернулся. Толик уже обходил лагерь, держа в руках кружку с дымящимся чаем. Он не торопился и почти ничего не говорил, лишь на секунду задерживался возле каждой палатки, будто отмечая что-то, только ему одному известное. Палатка французов была уже расстёгнута. Возле входа Алекса аккуратной парой стояли ботинки. Рядом с палаткой Ларса уже лежал раскрытый блокнот. Толик удовлетворённо кивнул самому себе и двинулся дальше. Андрей вдруг понял, что это не утренний обход, это привычка человека, который отвечает не только за маршрут, но и за каждого, кто сейчас спит вокруг. Постепенно лагерь оживал. Из палатки высунулся Костя, долго щурился на горы, потянулся так, что захрустели плечи, и совершенно серьёзно произнёс:

– Мне приснилось, что я проснулся дома.

Он выдержал паузу.

– Очень обидный сон.

Несколько человек рассмеялись. Даже Апа, обычно не склонный к бурному проявлению эмоций, коротко усмехнулся, продолжая затягивать компрессионные ремни на своём рюкзаке. Ларс, казалось, вообще не слышал разговора, сидя на складном стуле, что-то записывал в

небольшой потёртый блокнот: температура, высота, время подъёма, погода. Буквы аккуратно ложились на листок, не упуская ни одной детали.

Костя заглянул через его плечо.

– Ты вообще живёшь или только документируешь?

Ларс поднял глаза.

– Одно другому не мешает.

– Не удивлюсь, если однажды ты запишешь, сколько раз за ночь перевернулся.

– Уже записал.

Костя замолчал, пытаясь понять, шутит тот или говорит серьёзно.

Ларс спокойно перевернул страницу.

– Нет, подожди, ты сейчас издеваешься? Или правда?

– Правда.

– И… зачем?

Ларс посмотрел на него так, словно вопрос был совершенно естественным.

– Потому что ночью я просыпался четыре раза.

– И?

– Обычно один.

Костя развёл руками.

– Прости, но я всё ещё не понимаю, почему это важно.

Ларс закрыл блокнот. На этот раз он ответил не сразу.

– Потому что такие вещи редко происходят сами по себе.

Он постучал пальцем по обложке.

– Если несколько ночей подряд начинаешь хуже спать, значит, что-то меняется. Высота, погода, усталость, акклиматизация. Иногда организм замечает это раньше, чем голова, и его очень полезно в такие моменты слушать.

Костя перестал улыбаться.

– И ты всё это отслеживаешь?

– Стараюсь.

– И это действительно помогает?

Ларс кивнул.

– Несколько раз.

Он ненадолго задумался. Андрей заметил, что Ларс вообще никогда не отвечает сразу. Он словно сначала перебирает в памяти события, а уже потом достаёт нужное.

– Один раз это спасло мне жизнь.

Вокруг стало тихо. Даже Пасанг, который до этого возился с чайником, поднял голову.

– Где? – спросил Костя уже совсем другим голосом.

– В Патагонии. Мы работали на вершину почти неделю, каждое утро я записывал одно и то же: температуру, ветер, облачность, как спал, пульс и сатурацию. Сколько времени понадобилось, чтобы восстановить дыхание после подъёма к кухне.

Костя усмехнулся.

– Даже до кухни?

– Особенно до кухни.

Все рассмеялись, но теперь уже тише. Ларс тоже улыбнулся.

– Именно из таких мелочей складывается картина.

Он сделал глоток чая.

– Первые пять дней всё было почти одинаково. А на шестой…

Он ненадолго замолчал.

– Я открыл блокнот и вдруг увидел, что за последние два дня изменилось сразу несколько вещей: ночной ветер стал приходить раньше, температура почти перестала падать после заката.

Облака утром стояли выше обычного, даже давление в баллоне горелки немного отличалось. По отдельности всё это ничего не значило. Но вместе…

Он развёл руками.

– Шерпы родились и выросли в горах, они замечают такие вещи на уровне инстинктов. Но инстинкты субъективны, а вот наблюдения, записи и цифры – точны.

– Картина перестала быть похожей на предыдущие дни.

– И что ты сделал?

– Остался в лагере.

– Просто потому, что тебе так показалось?

– Да.

Костя нахмурился.

– А остальные?

Ларс некоторое время молчал.

– Они пошли на акклиматизационный выход. Погода была хорошей, даже слишком хорошей. Через несколько часов с запада пришёл циклон, очень быстро. Я никогда больше не видел, чтобы ветер менялся так резко.

Он говорил спокойно, без трагического надрыва, и от этого становилось ещё тяжелее.

– Мы потом нашли не всех.

Ларс посмотрел на свою кружку.

– После этого я перестал считать блокнот привычкой. Теперь это инструмент. Потому что гора редко предупреждает громко, сначала она меняет одну мелочь, потом вторую, третью. Если не замечать их по отдельности, однажды они складываются в беду.

Костя долго молчал. Потом осторожно взял лежавший рядом блокнот и полистал несколько страниц: аккуратные цифры, короткие пометки, стрелки ветра, облачность, высота, влажность и температура. Много данных, на первый взгляд почти бессмысленный набор знаков, которые рисовали для Ларса целую картину мира, а для Кости пока были только цифрами.

– Знаешь… – наконец сказал он. – Я ведь тоже всё время замечаю такие штуки, только в голове.

Ларс посмотрел на него.

– Какие?

– Да разные: что утром птицы молчали или что человек сегодня какой-то не такой. Что дождь пахнет иначе, а вчера идти было легче. Мне кажется, я всё это запоминаю.

Костя усмехнулся.

– А потом проходит неделя, и я уже не уверен, было ли это вообще.

Ларс кивнул.

– Память любит истории. Записи любят факты.

– Красиво сказал.

– Не я, мой первый инструктор. Он всегда говорил: «Через месяц ты вспомнишь восхождение. Но забудешь, из чего оно состояло».

Костя покрутил в руках блокнот.

– А ведь это касается не только гор.

Ларс вопросительно посмотрел на него.

– Мы вообще странно живём. Всё время кажется, что запомним важные вещи: первый снег, что сказал отец, как мама смеялась. Запах какого-нибудь вечера. А потом проходит несколько лет… И остаётся только ощущение.

Он ненадолго замолчал и неожиданно улыбнулся.

– Слушай… А ведь это классная привычка. Не потому, что шторм, хотя и поэтому тоже. Просто… Чтобы жизнь потом не превращалась в пересказ.

Ларс молча протянул ему маленький запасной блокнот в мягкой обложке.

Костя удивлённо посмотрел на него.

– Ты серьёзно?

– Я всегда беру два. На случай, если один закончится.

Он сделал небольшую паузу.

– Или если кому-нибудь понадобится.

Костя повертел блокнот в руках. Открыл первую страницу. Долго смотрел на пустую бумагу.

Потом написал всего три слова:

«Первый день записи».

Закрыл.

И улыбнулся.

– Ну всё. Теперь придётся замечать мир внимательнее.

Ларс снова открыл свой блокнот. Что-то быстро записал.

Костя покосился.

– Только не говори…

– Уже записал.

– Что именно?

Ларс развернул блокнот, на странице появилась новая строка: «У Кости появился блокнот».

Завтрак закончился быстро. Толик машинально поднёс кружку к губам, сделал глоток и тут же поморщился. Заглянул внутрь и вылил остывший чай на землю. Пустую кружку он забрал с собой и, не повышая голоса, сказал:

– Через сорок пять минут выходим.

Лагерь дружно пришёл в движение: сворачивали куртки, набирали воду, утрамбовывали остатки вещей в рюкзаки. Пасанг и Дава сворачивали и упаковывали кухню. Лакпа остановилась возле Андрея, молча подтянула грудную стяжку его рюкзака, проверила, как сидит пояс. Сделала шаг назад.

– Теперь лучше.

У неё получилось настолько непринуждённо, что Андрей даже растерялся. Он опустил взгляд на ремни, потом снова посмотрел на неё.

– Спасибо. Сам бы, наверное, ещё долго возился.

Лакпа едва заметно улыбнулась и показала рукой на его плечо, словно говоря, что теперь всё в порядке. Потом уже собралась уходить, но на секунду задержалась, проверяя взглядом, не перекосился ли рюкзак снова.

Чуть в стороне Тенцинг вдруг поднял голову, долго смотрел куда-то поверх деревьев. Потом что-то негромко сказал Пасангу, тот тоже поднял взгляд.

Несколько секунд оба молчали.

– Что случилось? – спросил Андрей.

Пасанг улыбнулся.

– Тенцинг говорит, что дождь будет после обеда.

Андрей недоверчиво посмотрел на чистое небо.

– Серьёзно? А откуда он знает?

На этот раз ответил сам Тенцинг. Медленно, подбирая английские слова.

– Не знаю. Вижу.

Он показал вверх. Высоко над склоном, почти не двигая крыльями, кружил большой орёл.

Тенцинг проследил за ним взглядом.

– Видите?

Все подняли головы. Андрей заметил только птицу, ничего необычного.

– И что? – спросил Костя.

Тенцинг задумался, потом развёл руками.

– Сегодня… он летает лениво. Ищет тёплый воздух, но не поднимается высоко. Значит…

Он поискал нужное слово.

– Воздух тяжёлый. Скоро придёт влага.

Андрей усмехнулся.

– Ты сейчас серьёзно предсказываешь дождь по орлу?

Пасанг тихо рассмеялся. Алекс покачал головой и тоже улыбнулся.

– Не только по орлу.

Он начал загибать пальцы.

– Орёл. Ветер. Запах леса. Облака. Вода. Насекомые.

Тенцинг слушал и время от времени кивал.

– Если смотреть только на одну вещь, можно ошибиться. Но гора редко меняет что-то одно, она всегда меняет сразу несколько деталей.

Андрей невольно переглянулся с Ларсом. Тот едва заметно улыбнулся, похоже, мысль была ему очень близка.

– У нас есть старая поговорка, – продолжил Пасанг. – «Птицы читают небо раньше людей».

Тенцинг покачал головой, что-то сказал по-непальски.

Пасанг улыбнулся.

– Он говорит, что поговорка длиннее.

Пасанг перевёл почти дословно:

– «Человек смотрит в небо и ищет ответ. Птица уже летит туда, где ответ есть».

Несколько секунд все молчали.

Тенцинг вдруг показал рукой в сторону леса.

– Слушайте.

Сначала Андрей не понял, а потом заметил: лес изменился. Ещё несколько минут назад вокруг без конца перекликались мелкие птицы, и вдруг стало почти тихо. Только где-то далеко постукивал дятел. И всё.

– Они тоже знают? – тихо спросил Андрей.

Тенцинг кивнул.

– Маленькие птицы любят говорить. – Он провёл ладонью вниз. – Перед дождём прячутся.

Пасанг присел на камень.

– Когда мы были детьми, дед не выпускал нас пасти яков, если утром стояла такая тишина. Я как-то спросил почему. Он ответил: «Птицы остались дома, и тебе стоит».

Костя хмыкнул.

– А я думал, это просто красивые легенды.

– Все хорошие легенды когда-то были чьим-то способом выжить.

Ларс впервые сам включился в разговор.

– В Скандинавии рыбаки говорят так же. Если чайки уходят с открытой воды раньше обычного, лучше возвращаться в порт.

Костя удивлённо обвёл всех взглядом.

– То есть вы тайно состоите в заговоре людей, которые умеют разговаривать с птицами?

– Нет, – ответил Ларс с улыбкой. – Мы просто поняли, что они замечают мир раньше нас.

Тенцинг улыбнулся открыто.

– Люди думают, что они самые умные. – Он снова поднял взгляд к орлу. – Но человек живёт в горах несколько недель. Птица, всю жизнь.

Пасанг задумчиво смотрел вслед орлу.

– Отец говорил мне: если хочешь узнать гору, перестань смотреть только себе под ноги. Смотри, куда летят птицы, куда течёт вода. Какие цветы расцвели раньше, какие позже. Он помолчал. – Гора всё время разговаривает. Просто очень тихо.

Андрей снова поднял голову. Орёл всё кружил над склоном, медленно и спокойно. Ещё несколько минут назад он увидел бы просто красивую птицу. Теперь, словно заметил слово в языке, которого пока не понимает.

Через некоторое время цепочка снова вытянулась по тропе. Впереди шёл Апа, за ним Толик. Остальные находили свой ритм. Вчера группа ещё делилась на маленькие компании кто с кем знаком. Сегодня между ними появилось что-то неуловимое: ещё не дружба, но уже общий шаг и общее молчание. Сначала тропа казалась почти лёгкой. Лес постепенно редел, огромные рододендроны сменялись низкими деревьями, в просветах на несколько секунд возникали горы, словно выглядывали проверить, идут ли, и снова прятались за поворотом.

Костя то и дело оглядывался.

– Даже фотографировать жалко. Всё равно не получается.

Никто не спорил, снимки упрямо превращали огромное пространство в плоскую картинку. Через пару часов небо незаметно потемнело. Лакпа остановилась первой и подняла руку:

– Дождевики.

По тропе прошёл ветер, и сразу на широкие листья упали первые тяжёлые капли. Дождь шёл спокойно и настойчиво, похоже, до самого вечера. Камни потемнели, корни заблестели, земля стала мягче. Под мерный стук капель по капюшонам говорить не хотелось, каждый остался наедине со своим дыханием. Андрей смотрел только на тропу. Левый ботинок, правый, палка, ещё шаг. Мысли сомкнулись вокруг пути, ни Манаслу, ни вершина, ни дом совсем не шли в голову. И он вдруг понял, что горы меняет человека именно так. Забирает всё лишнее и оставляет только настоящее мгновение.

Дождь закончился так же внезапно, как начался. Выглянуло солнце, от мокрых камней поднялся лёгкий пар. Группа снимала капюшоны, смеялась над тем, как все мгновенно стали похожи на мокрых воробьёв.

– Ну что, Тенцинг? – Костя улыбнулся. – Проверим твоих птиц?

Тенцинг поднял голову, посмотрел на небо, на верхушки деревьев.

– Солнце.

– Это я тоже умею, – фыркнул Костя. – Вон оно висит.

Тенцинг покачал головой:

– До вечера.

– Вот это уже заявка. – Костя театрально поднял руки. – Запишите кто-нибудь! Если ошибётся, официально запрещаю ему смотреть на орлов.

Ларс молча открыл блокнот. Все рассмеялись, даже Толик.

Тенцинг тоже улыбнулся.

– Теперь можно записывать.

– Что?

– Что Костя не верит птицам.

– Пока не верю.

Пасанг посмотрел на небо:

– Не торопись. В горах человек сначала смеётся, потом начинает замечать, а потом уже сам смотрит вверх раньше всех.

Костя махнул рукой:

– Посмотрим.

На следующий день выяснилось, что дождь был далеко не самым тяжёлым испытанием. Лес закончился, и за поворотом тропа упёрлась в лестницу. Она поднималась длинной серой

лентой и исчезала где-то выше. Ступени были неровными, одни едва выступали из земли, другие доходили почти до колена.

– Ну вот, – тихо сказал Андрей. – Архитектор с фантазией.

Толик усмехнулся:

– Это только начало.

Через десять минут разговаривать перестали все. Ступени не были опасными, они были бесконечными. Каждый поворот обещал: сейчас закончится. И каждый раз открывал новый пролёт. Андрей перестал смотреть вверх, только на три ближайшие ступени. Поднять ногу, выдох, ещё шаг. Поднять палку, вдох. Впереди ровно постукивали треккинговые палки Апы, за спиной в том же ритме шёл Алекс. Вся цепочка настроилась на один метроном, никто не договаривался, но шаги стали общими, дыхание почти совпало. В этой усталости Андрей вдруг почувствовал странное спокойствие. Он больше не пытался никого догнать, не переживал, что идёт медленнее. Они просто поднимались вместе. Когда лестница наконец закончилась, Толик дождался, пока подтянутся последние, обвёл группу взглядом и сказал совершенно серьёзно:

– Поздравляю. Самая длинная лестница сегодняшнего дня закончилась.

Костя шумно выдохнул:

– Слава богу…

Толик выдержал паузу:

– Осталась ещё одна.

Несколько человек одновременно простонали. Толик не выдержал и рассмеялся первым; через мгновение устало смеялись уже все. Даже смеяться было тяжело. Но почему-то после этого подъём стал чуть легче. Когда Толик наконец поднял руку, никто не спросил, долго ли ещё. Все просто остановились. Рюкзаки один за другим с глухим стуком легли на землю. Андрей почувствовал, как вместе с рюкзаком снял с плеч не только двадцать килограммов, но и весь проделанный путь. Через несколько минут на пятачке между деревьями появились походный столик, термосы и дымящиеся кружки. Андрей взял кружку обеими руками, тёплый металл приятно обжигал ладони. Он до сих пор не понимал, как им это удаётся, чай возникал словно сам собой. Несколько минут пили молча. Тишина после долгого подъёма казалась такой же естественной, как дыхание.

Наконец Костя нарушил её:

– Знаете… есть две вещи, которые я начинаю уважать всё больше. – Он сделал глоток. – Горячий чай. И людей, которые его готовят.

Пасанг улыбнулся:

– В горах чай иногда важнее еды.

– Почему? – спросил Костя.

Толик усмехнулся, подул на кружку:

– Голод ещё можно потерпеть. А когда тебя колотит от холода, характер заканчивается очень быстро.

Все тихо рассмеялись. Андрей наконец перестал чувствовать неловкость. Ещё несколько дней назад он сидел бы молча, слушать и наблюдать было проще. Теперь тишина и смех казались одинаково общими. Он уже собирался поставить кружку, когда услышал короткий треск. Жюль резко обернулся. Из бокового кармана его рюкзака тянулась длинная расползшаяся нитка.

– Diable[11] …

Он осторожно потянул ткань, шов разошёлся ещё сильнее. Лакпа подошла и без слов протянула руку. Жюль отдал рюкзак. Она открыла клапан своего, достала тканевый чехол, раз-

[11] Чёрт… (франц.)

вернула. Внутри лежали иглы, толстые капроновые нитки, заплатки, запасные пряжки, моток стропы.

– Ты носишь это с собой? – удивился Андрей.

Лакпа кивнула.

– Если можно починить за десять минут, зачем нести испорченным ещё неделю?

Она работала быстро, стежки ложились ровно, один к одному. Андрей засмотрелся на её пальцы: короткие, тонкие и ловкие. Нитка скользила, игла уходила в ткань и возвращалась без усилия. Через несколько минут Лакпа затянула последний узел, с силой потянула шов и вернула рюкзак.

– Теперь проживёт дольше нас.

Жюль благодарно улыбнулся, хотел что-то сказать, но она уже отвернулась, будто сделала самую обычную работу.

Костя посмотрел ей вслед.

– Напомните мне никогда с ней не спорить.

– Почему? – спросил Андрей.

Костя кивнул на аккуратный шов:

– Потому что она, кажется, умеет чинить вообще всё. – Он выдержал паузу. – Если понадобится, и нас где-нибудь аккуратно заштопает.

Лакпа негромко рассмеялась, впервые за весь день. Смех оказался неожиданно звонким. Андрей вдруг понял, что до этого момента всего один раз слышал, как она смеётся и смех ее ему понравился. Каждый день рядом с ним открывался кто-то новый, не рассказами о прошлом, не признаниями у костра, а такими мелочами: смехом, тем, как человек держит иглу, как молча чинит чужой рюкзак.

Следующие дни начали незаметно сливаться. Каждое утро в темноте вспыхивал огонёк примуса, по лагерю расходился запах чая, один за другим расстёгивались входы палаток. Кто-то, ещё сонный, натягивал ботинки прямо на земле, кто-то молча складывал спальник. Проверялись рюкзаки, привычно перебирались карабины, стропы, пряжки. Через полчаса лагерь исчезал, оставалась только примятая трава и тропа, снова уходившая вверх. Днём шли, останавливались, пили чай, болтали, снова шли. К вечеру палатки вырастали на новом месте, и всё начиналось сначала. Андрей перестал различать отдельные переходы, в памяти они оставались не днями, а короткими историями.

Однажды Ларс оставил блокнот на большом валуне, помогая Косте снять рюкзак. Прошло несколько секунд, и макака, до этого наблюдавшая с ветки, метнулась вниз, схватила добычу и взлетела обратно на дерево. Вся экспедиция подняла головы. Обезьяна устроилась на толстой ветке и с серьёзным видом принялась листать страницы.

– Она ищет ошибки в записях – произнёс Костя.

Ларс впервые выглядел по-настоящему растерянным. Пасанг молча достал из кармана пакетик с сушёными фруктами и показал обезьяне. Та наклонила голову. Через несколько минут обмен состоялся: фрукты – наверх, блокнот – вниз. Ларс осмотрел обложку, на ней отпечатались маленькие грязные лапки. Он попробовал стереть один след большим пальцем, но передумал. Открыл чистую страницу и записал: «Блокнот похищен обезьяной. Возвращён без существенных повреждений. На обложке оставлены отпечатки лап предполагаемого похитителя».

Костя заглянул через плечо.

– Вот, теперь это настоящее полевое исследование.

В другой день Клер неудачно наступила на мокрый камень. Короткий вскрик и она сразу попыталась сделать вид, что ничего не случилось, но Лакпа уже была рядом. Осторожно ощупала голеностоп, попросила сделать несколько шагов, подумала. Достала эластичный бинт, туго зафиксировала лодыжку.

– До вечера дойдёшь, но быстро не иди. Ступай аккуратно.

Клер благодарно улыбнулась. С этого дня её муж почти незаметно оказывался рядом на сложных участках, он не поддерживал, не страховал, просто шёл на расстоянии вытянутой руки.

Чем выше они поднимались, тем заметнее менялись горы. Лес становился ниже, воздух прозрачнее. Утром холод дольше держался в тени, по вечерам куртку хотелось надеть сразу после захода солнца. Разговоров на переходах становилось меньше не потому, что нечего было сказать, а потому, что каждый вдох стоил чуть дороже предыдущего. Толик всё чаще делал короткие остановки, не по расписанию, а по лицам. Иногда хватало двух минут, нескольких глотков воды, одной шутки Кости, и группа снова двигалась. Никто уже не спрашивал, сколько осталось. Все научились жить иначе, не от привала до привала, а от шага до шага. Тропа ещё несколько минут петляла между деревьями, потом лес неожиданно расступился, словно кто-то раздвинул зелёный занавес. Толик, шедший впереди, поднял руку и остановился. Один за другим остановились остальные. Андрей поднял голову и забыл, как дышать.

Манаслу.

Не на карте, не на страницах книг. Настоящая. Она поднималась над всем, что он видел прежде. Невероятно спокойная и ослепительно белая. Весь мир оказался только предисловием к её появлению. Она не казалась высокой, она казалась невозможной.

Даже расстояние не работало, непонятно было, далеко она или совсем рядом. Воздух стоял такой прозрачный, что снежные гребни выглядели почти осязаемыми. Солнечный свет ложился на ледовые поля широкими золотистыми полосами. Где-то высоко ветер срывал со склона лёгкие струйки снега, издалека они напоминали белый дым.

Все замолчали, даже Костя. Кто-то тихонько ахнул. Каждый смотрел так, словно видел что-то своё.

Рядом с Андреем остановился Пасанг. Он долго молчал, потом выдохнул тихо:

– Сегодня она спокойная.

Андрей перевёл взгляд на него.

– А не добрая?

Пасанг наклонил голову.

– Горы не бывают добрыми или злыми. Они горы. – Он выдержал паузу. – Но иногда смотришь и понимаешь: сегодня лучше её не тревожить.

Андрей снова посмотрел на Манаслу.

– Но ведь она не меняется.

Пасанг улыбнулся.

– Меняемся мы. Иногда приходим с уважением. Иногда с самоуверенностью. – Он снова поднял взгляд к вершине. – И тогда мы перестаем замечать, что гора нам показывает.

Снова наступила тишина. Андрей смотрел на Манаслу, пытаясь понять, что именно Пасанг вкладывал в свои слова. Через несколько минут Толик посмотрел на часы, потом на вершину.

– Запоминайте. Этот вид останется с вами надолго.

Тропа снова пошла вверх, но теперь Андрей всё время оглядывался. Манаслу то исчезала за деревьями, то возникала между склонами, словно проверяя, идут ли они. К вечеру они остановились на небольшой поляне. Палатки выросли привычно быстро, кто-то уже сидел с кружкой горячего чая, кто-то растянулся на коврике, подставив лицо последним лучам.

Костя долго молчал. Потом сказал:

– Знаете… Я думал, когда впервые её увижу, обязательно что-нибудь умное скажу. – Он посмотрел на вершину и пожал плечами. – А оказалось, слов не хватает.

– Это нормально, – тихо ответил Алекс. – Всё действительно большое сначала делает людей молчаливыми. А слова появляются потом.

Андрей посмотрел на Манаслу ещё раз. Вершина медленно окрашивалась в розовый: белый снег становился золотым, потом медным, потом почти алым. Ему вспомнилась фраза, которую он когда-то прочитал в альпинистской книге: «Горы не становятся меньше, когда подходишь ближе. Меньше становятся наши представления о них». Он не стал произносить её вслух, ему не хотелось ничего объяснять. Хотелось только смотреть. Следующие переходы стали другими. Лес почти исчез, остались низкие кусты, цеплявшиеся за камни так, словно и сами не были уверены, что здесь можно жить. Тропа сужалась, всё чаще приходилось идти по осыпям, где каждый шаг сопровождался сухим шорохом перекатывающихся камней. Ручьи становились холоднее, вода обжигала ладони почти как лёд. Птиц не осталось, исчезло привычное жужжание насекомых. Даже ветер звучал иначе, не в листве, а среди камней, будто кто-то медленно перебирал тысячи стеклянных осколков.

Высоту теперь чувствовали все. Не резко, она входила в жизнь постепенно. Стоило чуть быстрее подняться по склону, дыхание сбивалось. Разговор, начатый на ходу, обрывался на середине фразы. Никто не признавался, что устал, но привалы случались немного чаще, и никто не считал их лишними. Толик ничего не говорил, он чувствовал группу и незаметно сокращал темп. Иногда оборачивался, ждал последних и, только убедившись, что цепочка снова собралась, продолжал путь. Андрей подумал, что хороший руководитель почти никогда не идёт быстрее остальных, он идёт со скоростью самого уставшего. На одном из привалов Тенцинг свернул с тропы всего на несколько метров. Остановился возле большого валуна, поднял плоский камень, положил его поверх десятка таких же, получилась маленькая аккуратная башенка. Коснулся её ладонью и молча вернулся.

– Что это? – тихо спросил Андрей.

Пасанг улыбнулся.

– Здесь так делают давно. На удачу, на хороший путь, на память. Кто-то просит гору принять его или благодарит за дорогу. А кто-то просто оставляет камень, потому что ему хочется оставить здесь частичку себя. Андрей посмотрел на пирамидку. Некоторые камни уже покрывал тонкий зелёный лишайник, видимо, стояли не один год. Он поднял небольшой плоский камешек, покрутил в пальцах и осторожно положил сверху. Ничего не загадывая, ничего не прося просто потому, что вдруг показалось правильным сделать так же. К вечеру они вышли на широкий каменистый склон. Толик остановился и подождал, пока подойдут остальные.

– Завтра увидим базовый лагерь.

В группе стало непривычно тихо. Все знали, что это всего лишь очередная точка маршрута, и одновременно понимали, что именно отсюда закончится поход и начнётся восхождение. Андрей смотрел на Манаслу, пока остальные постепенно расходились по палаткам. До сих пор гора оставалась далёкой, она сопровождала их на дороге, возникала между деревьями, открывалась над крышами деревень. Она казалась ближе, чем несколько дней назад, но странное чувство не уходило: гора не становилась понятнее, наоборот, с каждым днём в ней открывалось всё больше того, чего невозможно объяснить словами. Завтра они окажутся у её подножия. И тогда расстояние между ними перестанет измеряться километрами и начнет измеряться высотами. Он вспомнил слова Пасанга: «Сегодня она добрая». И вдруг подумал, может быть, дело и правда было не в горе. Может быть, каждый приносил к ней что-то своё: страх, уверенность, нетерпение. А потом принимал за ответ то, что видел перед собой.

На следующее утро снова двинулись в путь. Манаслу сопровождала их весь день, то исчезая за очередным отрогом, то возникая впереди, огромная и невозмутимая. Тропа становилась суровее, деревья остались далеко внизу. Вокруг были только камень, снег и небо. Оранжево-красная листва и сочная зелень хвои сменились серым камнем, белым снегом, голубым небом и охрой выветренных скал. Яркие куртки людей казались единственными живыми пятнами среди безмолвных склонов.

Анатолий всё чаще повторял одну и ту же фразу:

– Не соревнуйтесь с горой, она всё равно победит. Соревнуйтесь только со вчерашним собой.

Андрей сначала услышал её краем уха, а потом поймал себя на том, что повторяет её почти автоматически. Шаг, выдох, ещё шаг. После полудня тропа вывела на широкий моренный гребень. Анатолий неожиданно остановился, улыбнулся и кивнул вперёд:

– Посмотрите.

Андрей поднял голову и сначала не понял, что изменилось. Лишь через несколько секунд взгляд зацепился за яркие пятна среди серых камней и льда. Жёлтые, синие и зеленые палатки уходили вверх по морене. Между ними были натянуты молитвенные флажки, то тут то там белели хозяйственные сооружения.

– Базовый лагерь, – тихо сказал Пасанг.

До сих пор Манаслу казалась почти безлюдной, и лишь теперь выяснилось, что у её подножия живёт целый маленький город. Отсюда он выглядел почти нереальным, как рассыпанные по морене детские игрушки: цветные палатки, тонкие струйки дыма, крошечные фигурки людей, неторопливо двигавшиеся между камнями.

– Ну что… – негромко произнёс Костя. – Кажется, мы дошли.

Толик едва заметно покачал головой:

– Добро пожаловать.

Последний спуск к лагерю оказался длинным. Чем ближе они подходили, тем больше деталей открывалось взгляду: палатки стояли ровными рядами, отдельно располагались кухни, столовые шатры, складские палатки, медицинский тент. Торчали спутниковые антенны, солнечные панели. Тут и там виднелись бочки с водой и верёвки с сушащейся одеждой. Казалось невероятным, что посреди ледников существует такой хорошо организованный мир.

У входа в лагерь их уже ждали. Шерпы подошли помочь с грузом: кто-то обнял Пасанга, кто-то хлопнул Тенцинга по плечу, кто-то сразу принялся разгружать корзины.

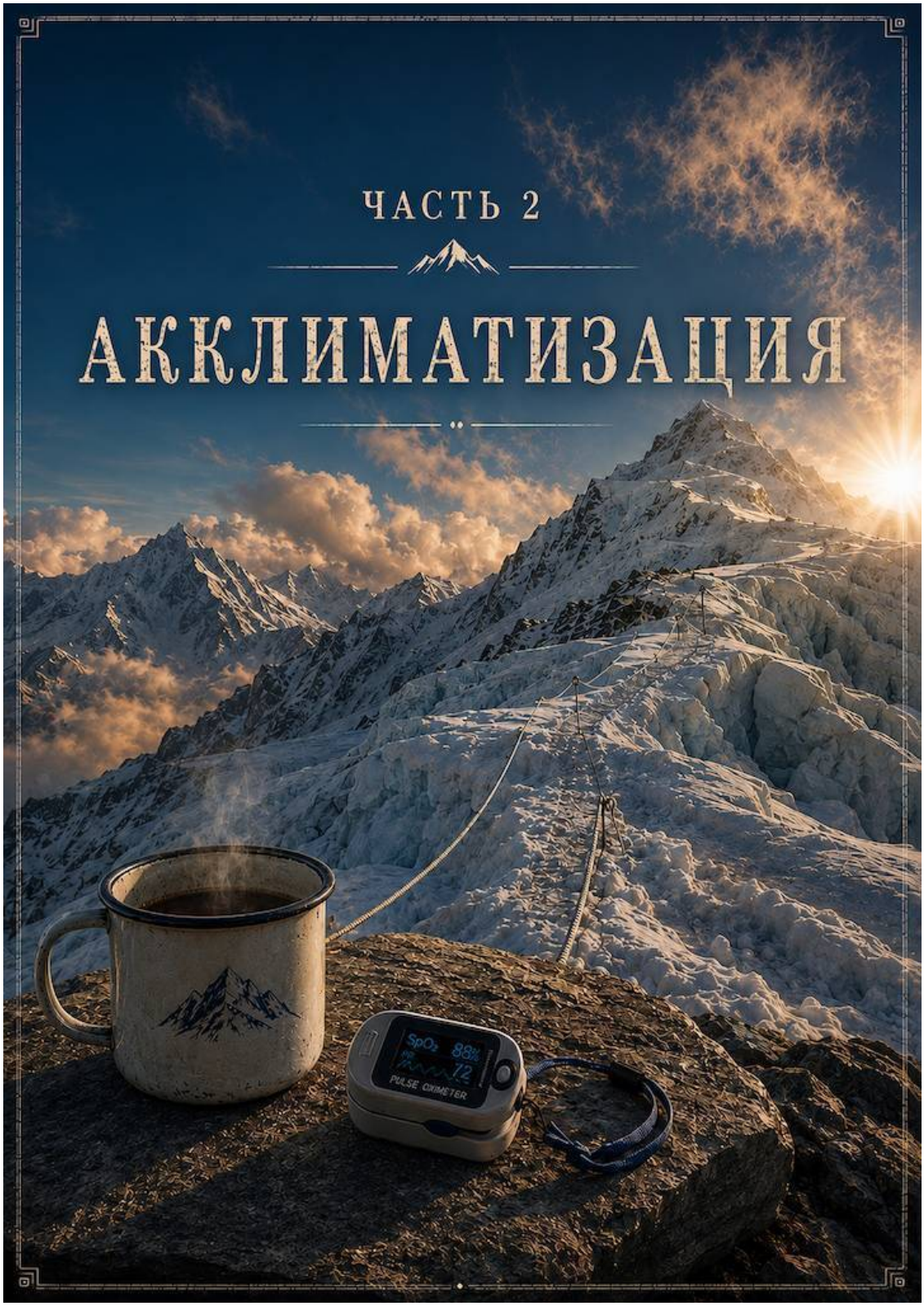
Толик обменялся рукопожатием с высоким непальцем в пуховой куртке, они сказали друг другу всего несколько слов потом обернулся к группе:

– На ближайшие недели это наш дом, лучше привыкнуть к этой мысли сразу.

Андрей медленно прошёл между палатками. Под ногами хрустел ледяной гравий. Над лагерем шелестели разноцветные молитвенные флажки, ветер играл ими осторожно, будто не хотел нарушить покой этого места. Повсюду кипела жизнь: проверяли баллоны, перебирали верёвки, чистили кошки. Из кухни тянуло чесноком и свежим хлебом, из палаток доносился смех и негромкие разговоры на всех возможный языках мира. На большом камне сидел альпинист с книгой, словно находился не на высоте почти пяти тысяч метров, а в городском парке.

Андрей остановился. Он так долго представлял себе этот момент. Думал, что почувствует восторг, или страх, или хотя бы облегчение. Но вместо этого пришло совсем другое чувство, будто всё самое важное только начинается. Он обернулся, за спиной осталась тропа, мосты, лестница, километры пути, леса и деревни. Все те дни, которые совсем недавно казались бесконечными, превратились в одну длинную дорогу, приведшую сюда, к Манаслу. Гора возвышалась прямо над лагерем. Теперь она казалась совсем другой: не далёкой мечтой, не красивой картинкой, она стала соседкой. Огромной, молчаливой соседкой. Андрей долго смотрел вверх, потом улыбнулся, совсем чуть-чуть, и впервые за всё путешествие подумал не о том, получится ли подняться на вершину, а о том, что ему очень хочется узнать эту гору.

ЧАСТЬ 2
АККЛИМАТИЗАЦИЯ
SpO2 88%
72
PULSE OXIMETER

Глава шестая

Первые дни в базовом лагере слились в череду похожих друг на друга утр. Подъём, завтрак, тренировка, проверка снаряжения, снова еда и отдых. Погода менялась по несколько раз за день: утром вершины стояли на виду, к полудню их затягивало облаками, а к вечеру ветер приносил снег или дождь. Люди постепенно привыкали к лагерному распорядку, запоминали, где что лежит, кто за что отвечает и в какой момент лучше не задавать лишних вопросов.

Организм привыкал медленнее. Первые ночи Андрей просыпался от собственного дыхания, долго ворочался, прислушивался к сердцу, которое колотилось быстрее, чем должно было. Утром голова казалась тяжёлой, а после тренировки хотелось не разговаривать, а просто лечь и закрыть глаза. Но день за днём становилось немного легче, дыхание понемногу выравнивалось, сон делался крепче, и привычные нагрузки уже не требовали столько сил.

Тренировки тоже вошли в ритм. Они поднимались по склонам с рюкзаками, отрабатывали движение в кошках, проверяли снаряжение, разбирали ошибки. Анатолий следил за каждым, не позволяя никому путать хорошее самочувствие с готовностью к высоте. Вечерами группа собиралась у кухни, пила чай, обсуждала погоду и планы. Иногда разговоры затягивались, иногда все расходились почти сразу, слишком уставшие даже для привычных шуток.

Ветер преследовал их постоянно, он был полноправным хозяином на морене. Менялись его сила и направление: иногда он только слегка шевелил молитвенные флажки, развешенные по лагерю, а порой яростно бросал в лица людей мелкие капли дождя. Он стал постоянным спутником всех жителей лагеря. А потом однажды утром Андрей проснулся и понял, что вокруг непривычно тихо. Ночью ветер стих. Не постепенно, а резко перестал, будто выключили. Андрей проснулся от тишины. Полог палатки обмяк, ткань перестала хлопать, и в наступившей неподвижности стало слышно, как у самой границы ледника потрескивает оседающий лёд. Андрей полежал, прислушиваясь, потом снова провалился в сон.

Утром Манаслу не было. Ещё вчера белые стены льда стояли прямо над палатками, протяни руку и коснёшься шершавой поверхности серака[12]. Теперь вокруг лежал серый мир, в котором ближайшая кухня проступала призраком, а люди растворялись через несколько десятков шагов, не силуэтами, а звуком шагов, постепенно гаснущим в сырой вате тумана.

Спешить было некуда. Андрей дошёл до кухни, взял кружку с горячим чаем, вернулся, сел на плоский камень возле палатки и стал смотреть в молоко облаков. Иногда на несколько секунд возникали тёмные силуэты, уплотнялись из ничего, обретали походку, жест, поворот головы, а потом снова растворялись. Кто-то прошёл к кухне, звякнул котелком. Голоса доносились приглушённо, как сквозь слой ваты.

Он держал кружку в ладонях и чувствовал, как тепло медленно перетекает из металла в пальцы. Идти никуда не хотелось, тело после вчерашней тренировки отзывалось привычной тяжестью, правильной, почти приятной. Просто впервые за долгое время не нужно было спешить. Можно было сидеть и смотреть.

За несколько дней Андрей понял, что хаос лагеря был только видимостью. Разноцветные палатки, спутанные верёвки, молитвенные флажки и десятки незнакомых лиц постепенно сложились в ясный порядок. День здесь не начинался по часам. Сначала просыпались запахи, потом звуки, и только после них люди. Запах появился раньше солнца. Андрей не сразу понял, что изменилось. Лагерь ещё спал, где-то лениво потрескивала горелка, видимо Пасанг кипятил воду для чая. Ветер едва слышно перебирал молитвенные флажки, облака по-прежнему скрывали Манаслу. Он вдохнул, потом ещё раз. Кофе. Настоящий, не растворимый, тот пах химией и обещанием бодрости, которое никогда не сбывается, и не местный. Непальский кофе имел

[12] Ледяной пик, вертикальное ледниковое образование, которое формируется на передней кромке ледника.

свой неповторимый запах, который ни с чем не перепутаешь. Он пошёл на аромат, запах вёл уверенно, как натянутая верёвка. За двумя большими камнями, которые защищали от ветра так надёжно, что между ними образовался островок тишины, сидел Ларс. Перед ним на белом махровом полотенце лежали ручная кофемолка, складная воронка, фильтры, металлические кружки и узкий чайник с длинным носиком, который стоял так, чтобы носик смотрел строго на восток. Ларс молча крутил ручку кофемолки, ровно, неторопливо, даже медитативно. Андрей остановился рядом, стараясь не потревожить полотенце.

– Ты серьёзно тащил сюда кофемолку?

Ларс поднял глаза, очень светлые, почти прозрачные. Они задерживались на собеседнике чуть дольше, чем требовал вопрос.

– Конечно.

– Но ведь кофе здесь есть.

Он пересыпал свежемолотый кофе в фильтр, подождал, прислушиваясь к чайнику, пока вода перестанет бурлить, и только потом ответил:

– Есть, но не такой. Плохой кофе тоже отнимает силы.

Андрей усмехнулся, не над Ларсом, а над тем, что спорить оказалось неожиданно трудно. Вода ложилась на кофе ровными кругами. Они молчали, Ларс смотрел на воду, Андрей смотрел на его руки.

Потом Ларс сказал:

– Сейчас придёт Костя.

– Откуда ты знаешь?

– Слышу.

Андрей прислушался, ничего. Но уже через полминуты молния стоявшей у него за спиной палатки разошлась с тем особенным звуком, который ни с чем не спутаешь. Показалась растрёпанная голова Кости. Он сонно зажмурился, втянул носом воздух и снова исчез. Андрей хотел что-то сказать, но не успел. Через полминуты Костя вышел полностью одетым, застёгнутым до подбородка. Причёсан он не был, как и всегда, Андрей вообще сомневался, взял ли он с собой расческу, но куртка сидела безупречно. Подошёл, сел на ящик, протянул ладони к горелке.

– Это вообще законно? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ларс поднял взгляд.

– Что именно?

– Каждый раз просыпаюсь ровно за минуту до того, как ты начинаешь делать кофе.

– Значит, организм работает правильно.

– Нет. Это больше похоже на зависимость.

Ларс улыбнулся одними уголками губ.

– Это хорошая зависимость.

Он поставил перед Костей кружку. Тот сделал глоток и закрыл глаза так, как закрывают их люди, желая ещё немного побыть внутри ощущения. Потом с совершенно серьёзным видом кивнул.

– Да… Теперь можно жить.

Андрей рассмеялсяи где-то в тумане смеху ответило эхо. Из кухни показался Пасанг с котлом и связкой кружек. Проходя мимо, бросил взгляд на Костю, потом на Ларса. Его походка чуть замедлилась.

– Опять?

Костя сделал ещё глоток, медленно, смакуя.

– Ты не понимаешь, это не кофе, это чашка жидкой энергии… и напоминание о доме.

Пасанг поднял бровь, что-то тихо сказал по-непальски себе самому, улыбнулся и продолжил свой путь. Сидя с чашкой своего чая и наблюдая за жизнью лагеря Андрей заметил

одну вещь: люди всё время проходили через кухню. Толик задерживался на несколько минут, зацепившись разговором с Апой, Дава приносил пустые газовые баллоны и складывал их аккуратной пирамидой за брезентовым пологом. Алекс устроился на камне возле входа, положил на колено рюкзак и сосредоточенно подтягивал ремешки. Пальцы двигались быстро и точно. Тенцинг появился из-за палаток с охапкой верёвок на плече, бросил их у кухни и тут же исчез. Лакпа крутилась возле коробки с печеньем. Не открывала, просто стояла рядом, и пальцы сами поглаживали край картонной крышки.

– Одно, – сказал Пасанг, не оборачиваясь.

– Ты даже не посмотрел.

– Да мне и не надо.

Она выдержала паузу, переступила с ноги на ногу.

– Может, я вообще чай хотела налить?

Пасанг наконец поднял глаза, спокойные, с прищуром, будто он уже знал всё, что она скажет в ближайшие десять лет.

– Тогда бери два.

Андрей смотрел на эту суету. Сюда приходили за чаем, за разговором, за новостями или просто постоять несколько минут рядом с людьми. Здесь всё время кто-то появлялся, кто-то уходил, но пусто не бывало никогда. Он поднялся и тоже пошёл к кухне. У входа стоял тяжёлый пластиковый ящик, криво перегораживая проход. Андрей подхватил его и поставил внутри. Пасанг коротко кивнул. Через несколько минут Андрей уже помогал переставлять котлы, переносить коробки с крупой и раскладывать продукты по брезентовым мешкам. Никто его не просил, Пасанг просто молча подвинул ему следующий ящик. Андрей заметил, что уже не замечает, где заканчивается кухня и начинается лагерь, всё это постепенно становилось одним пространством. За спиной скрипнули ботинки, Толик остановился рядом, посмотрел на почти пустую коробку, потом на Андрея.

– Быстро ты втянулся.

Андрей пожал плечами.

– Рукам проще, когда они чем-то заняты.

Толик усмехнулся.

– Это правда.

Он поднял коробку, переставил её под тент и кивнул в сторону кухни.

– Только Пасангу не говори, а то привыкнет.

Пасанг, не оборачиваясь, ответил:

– А я уже.

После завтрака облака расползлись, не постепенно, а как-то за раз. В какой-то момент ветер переменился, и белая пелена над головой пошла трещинами, лопнула и разошлась лоскутами. Разговоры в лагере стали тише. Сначала замолчал один, потом другой. Кто-то отложил ложку, кто-то просто поднял голову. Через несколько секунд уже никто не говорил. Андрей тоже посмотрел вверх. Шея заныла почти сразу, но он не отвёл взгляда. Из остатков белой дымки проступил каменистый склон, выше перемежавшийся голубыми вкраплениями льда. Они постепенно сливались в ледник и нагромождение сераков. Снежные склоны и вершина оставались отделены небольшим облаком, словно образуя отдельный, самостоятельный пейзаж.

Манаслу. Она возникала по частям, словно сама решала, сколько сегодня позволит увидеть. Лагерь замолчал полностью, так, как не замолкал даже ночью. Слышно было только собственное дыхание и далёкий гул ветра на вершине. Никто не сказал: «Смотрите», все уже и так смотрели. Вчера гора казалась огромной, подавляющей. Сегодня – невозможной. Не в смысле «трудно», в смысле «этого не может быть, это не укладывается в голове». Андрей попытался взглядом найти вершину и сразу потерял. Она растворялась в потоках облаков, которые всё

ещё цеплялись за склон. Возникала на секунду, как недостижимая точка, и снова исчезала, и тогда гора казалась бесконечной. Рядом остановился Толик, постоял молча, тоже глядя на Манаслу.

Потом негромко сказал:

– Сегодня совсем другая.

Андрей посмотрел на него.

– В смысле?

Толик пожал плечами.

– Да каждый день разная.

Он еще немного посмотрел на гору и усмехнулся.

– Из-за этого и возвращаемся.

Потом развернулся и пошел дальше, а Андрей стоял, пока облака не затянули склон снова. Сначала они зацепились за гребень, потом поползли вниз, стирая скалы. Он смотрел, как гора исчезает. В Катманду он мечтал подняться на Манаслу, представлял вершину, флажок, фотографию. Теперь ему впервые захотелось сначала узнать её характер, привычки, так, как узнают человека, с которым предстоит пройти долгий путь. Не покорить, просто познакомиться.

После завтрака Анатолий собрал всех в штабе. На столе лежала карта, края её прижимали камни, но один угол всё равно время от времени приподнимался от ветра. Манаслу была нанесена тонкими линиями, с отметками высот и короткими карандашными пометками. Анатолий поставил рядом кружку и посмотрел на собравшихся.

– Давайте разберёмся, куда мы вообще ходим и зачем. Сейчас мы в базовом лагере. Четыре восемьсот. Здесь живём, едим, спим, восстанавливаемся. И отсюда начинается наша работа с высотой.

Он провёл пальцем по карте.

– Первые выходы будут короткими. Поднимаемся выше, отрабатываем технику, привыкаем к нагрузке и возвращаемся сюда спать.

– То есть специально будем ходить вверх и обратно? – уточнил Андрей.

– Именно. Организм должен постепенно привыкнуть к высоте. Ходим выше, спим ниже.

– Мой организм уже понял, – сказал Костя. – Судя по тому, как я дышу.

– Это пока только знакомство.

– А дальше?

Толик передвинул палец к первой отметке выше базового лагеря.

– Начнём первую ротацию. Поднимемся в С1[13], потом в С2[14], а затем в С3[15]. Проведём там ночь и спустимся обратно в базовый лагерь. Наша задача не в том, чтобы как можно быстрее оказаться выше. Нам нужно подготовить организм к тому, что будет дальше.

Он остановился на отметке С1.

– Первый лагерь. Пять пятьсот – пять семьсот. До него идём по морене, затем выйдем на ледник. Там уже другой рельеф: трещины, снежные мосты, неровный лёд. На сложных участках работаем в кошках, с ледорубами, в обвязках. Где предусмотрены перила, передвигаемся с жумарами и внимательно следим за страховкой.

Костя прищурился, разглядывая линию маршрута.

– Тысяча метров вверх.

– Примерно.

– За один раз?

---

[13] Первый высотный лагерь (5700м).

[14] Второй высотный лагерь (6400м).

[15] Третий высотный лагерь. (7000 м.)

– Не за один шаг, Костя.

– Жаль. Я уже приготовился.

Толик усмехнулся.

– В С1 уже стоят палатки нашей экспедиции. Там будут запасы и всё необходимое для ночёвки. Пасанг и Дава тоже пойдут с нами.

Пасанг, стоявший у котла, услышал своё имя и поднял глаза. Костя посмотрел на него с выражением человека, которому только что вернули надежду на будущее.

– Я знал, что ты меня не бросишь.

Пасанг что-то сказал по-непальски Даве, тот рассмеялся. Толик едва заметно улыбнулся и продолжил:

– Но не рассчитывайте, что дальше всё будет так же комфортно.

Он провёл пальцем выше.

– С1, затем С2. Шесть двести – шесть четыреста. Вот здесь начинается более сложный технический участок.

Несколько человек наклонились к карте.

– Ледопад. Трещины, сераки, снежные мосты, лестницы, фиксированные перила. Идём медленно, внимательно, без попыток обогнать друг друга. Здесь нельзя просто смотреть под ноги и надеяться, что человек впереди всё сделает правильно.

Андрей проследил взглядом за линией маршрута.

– Значит, первый ледник будет разминкой.

– Можно и так сказать. Дальше сложнее.

Толик поднял глаза на группу.

– В ледопаде не торопимся. Перестёгиваемся внимательно. Если верёвка провисла или, наоборот, резко натянулась, это информация о том, что происходит с человеком перед тобой. Следите за ней, не идите на автомате.

Алекс кивнул.

– Со временем научитесь чувствовать верёвку руками.

Костя посмотрел на него.

– Я пока чувствую только, что она холодная.

– Это тоже начало.

Несколько человек улыбнулись. Толик снова перевёл палец на карту.

– В С2 есть запасы еды и всё необходимое для лагеря. Сначала поднимемся туда сами, обустроимся. Пасанг придёт позже.

– То есть ты сначала нас бросишь? – спросил Костя.

Пасанг пожал плечами.

– Главное, что я приду. В первый день вы всё равно нормально есть не сможете.

– Звучит грустно, но я понял.

Толик продолжил:

– В С2 ночуем, следим за состоянием каждого. Там высота уже чувствуется сильнее. Потом поднимаемся в С3. Шесть восемьсот – семь тысяч.

Толик немного помолчал, прежде чем продолжить.

– Здесь всё изменится. Подъём круче, двигаться придётся медленно. Кошки, страховка, жумар. Шаг, жумар, шаг. Никакой спешки. Третий лагерь находится на небольшом выполаживании перед предвершинной стеной. Палатки стоят близко друг к другу. Скорее всего, по прибытии, их придется откапывать.

– Кажется, там совсем нечего делать? – спросил Андрей.

– Там как раз будет чем заняться. Только вам это не понравится.

Костя посмотрел на него.

– Например?

– Дышать.

Костя помолчал.

– А что-нибудь менее сложное?

– Есть. Не замёрзнуть.

Андрей усмехнулся.

– С3 – уже совсем другой лагерь, – продолжил Толик. – Места мало, условия простые. Всё необходимое несём с собой, еда самая обычная, никаких лишних вещей. Там проведём ночь, а затем спустимся.

– Вот этот пункт мне нравится, – сразу отозвался Костя.

– В этом и смысл первой ротации. Подняться выше, дать организму привыкнуть к новой высоте и вернуться вниз. В базовом лагере восстановимся, нормально поедим, отдохнём. Сколько именно, будет зависеть от погоды и состояния группы.

Андрей посмотрел на отметки лагерей.

– А зачем возвращаться в БЛ, если мы уже привыкли к С2 и С3?

– Потому что привыкнуть к высоте не значит перестать от неё уставать. Организму нужно время на восстановление. Если его не давать, дальше будет только тяжелее.

Толик поднял глаза.

– И ещё. На высоте человек может выглядеть нормально, пока не становится поздно. Поэтому каждый день смотрим не только на маршрут, но и друг на друга. И за собой следим тоже.

Он загнул один палец.

– Голова.

Второй.

– Дыхание.

Третий.

– Аппетит.

Ещё один.

– Сон.

– А пятый? – спросил Костя.

– Настроение и коммуникация. Но тут за тебя я спокоен.

По группе прошёл смех.

Толик снова посмотрел на карту.

– После первой ротации возвращаемся в базовый лагерь и отдыхаем несколько дней. Если позволит погода, начнём вторую. Пройдём тот же маршрут, но поднимемся выше.

Он провёл пальцем от базового лагеря через С1, С2 и С3, а затем остановился у следующей отметки.

– С4. Семь четыреста – семь пятьсот.

На карте линия почти упиралась в вершину.

– Это штурмовой лагерь. Маленький, места мало, быта практически нет. Берём только необходимое. Оттуда, если позволит погода и состояние людей, пойдём на вершину.

Толик посмотрел на отметку наверху.

– Манаслу. Восемь тысяч сто шестьдесят три метра.

Несколько секунд никто не говорил.

– Из С4[16] сразу на вершину? – спросил Алекс.

– Если всё сложится. Выходим ночью или очень рано утром. Дальше будут снег, лёд, технические участки. Чем выше, тем меньше у вас права на ошибку.

Он посмотрел на кислородные комплекты, лежавшие рядом с тентом.

[16] Четвертый высотный лагерь (7500 м.). Штурмовой, отсюда начинается штурм вершины.

– Будем использовать кислород. Но это не волшебная кнопка. Маска не отменяет высоту, холод и усталость.

Ларс кивнул в сторону карты.

– Перила будут провешены до вершины?

– На основных сложных участках. Но не воспринимайте их как железную дорогу. Перила проверяются, состояние креплений меняется после ветра и снегопадов. Мы не перестаём думать только потому, что впереди есть верёвка.

Толик поднял лежавший рядом карабин и повертел его в пальцах.

– На высоте мелочь перестаёт быть мелочью. Пальцы немеют, молнии заедают, батарейки садятся. Горелка может начать капризничать. А вам нужно будет решать всё это тогда, когда сил и так почти не осталось.

Костя посмотрел на свою пуховку.

– Даже молнии?

– Особенно молнии.

Алекс усмехнулся.

– Не горы бойся. Своих пальцев.

Толик положил карабин на стол.

– Поэтому здесь, внизу, вы всё это отрабатываете. Проверяете снаряжение, учитесь работать с жумарами, следите друг за другом. Не для красоты. Чтобы наверху не пришлось вспоминать, как пристегнуться, когда руки уже плохо слушаются.

Он посмотрел на каждого из собравшихся.

– Чем выше, тем медленнее вы будете двигаться и думать. Устанете раньше, чем привыкли. На решения останется меньше сил. Поэтому не геройствуем, не скрываем самочувствие и не пытаемся доказать, что мы крепче горы. Понятно?

Несколько человек кивнули.

Костя поднял руку.

– А шутить можно?

Толик задумался.

– Пока разрешаю.

– А потом?

– Потом посмотрим, насколько ты талантлив.

Костя довольно кивнул.

– Получается, мы идём вверх, чтобы устать. Потом ещё выше, чтобы устать сильнее. Потом вниз, чтобы поесть. Потом снова вверх.

Толик улыбнулся.

– Очень точно у тебя вышло.

– Отличная экспедиция.

Андрей посмотрел на карту. Теперь линии уже не казались просто маршрутом. За каждой высотной отметкой появилось своё место: базовый лагерь с кухней и тёплыми палатками, С1, куда им ещё предстояло подняться, С2 за ледопадом, С3, где каждое движение будет требовать усилий. А дальше, гораздо выше, С4 и вершина.

Он снова посмотрел на цифры у вершины.

Восемь тысяч сто шестьдесят три.

До неё было ещё далеко.

Толик сложил карту и убрал её за пазуху.

– Вот и всё. Сегодня отдыхаете, проверяете снаряжение. Завтра начнём работать.

Он поднялся.

– И помните, вершина у нас одна. А попыток вернуться вниз должно быть столько, сколько потребуется.

Костя поднялся следом.

– Но есть план.

– Хороший план.

– А гора?

Толик посмотрел вверх.

– Гора пока не согласилась.

И первым пошёл к снаряжению. Все тоже начали расходиться, зашуршали шаги, звякнула посуда, кто-то мыл миски песком, вода была ледяной и жир не отходил. Лакпа пристёгивала каску, на ходу смеясь над чем-то с шерпами. Кира сидел на коврике и проверял кошки, проводя пальцем по каждому зубцу. Ларс убирал кофейную лабораторию. Каждый предмет протирался отдельной тряпочкой и исчезал в рюкзаке на строго отведённом месте. У края лагеря стояли Апа и Тенцинг. Слов было не разобрать, оба смотрели не друг на друга, а на склон, где ледник то появлялся, то исчезал в облаках. Андрей уже развернулся к своей палатке, когда услышал знакомый голос:

– Не сжимай.

Голос прозвучал откуда-то сбоку, негромкий, почти ленивый. Андрей обернулся. Он доносился из медицинского пункта, Андрей заглянул, слегка отодвинув полог. Внутри на старом потертом стуле сидела женщина. Светлая куртка с тёмными подпалинами у манжет, синтетика оплавилась от костра. Волосы собраны в хвост, на руках флисовые перчатки с обрезанными пальцами. Перед ней на раскладном стуле устроился молодой шерпа, придерживая левое запястье правой рукой, кисть была перевязана самодельной повязкой. Он сидел прямо и смотрел в стену так старательно, будто проверял, выдержит ли она взгляд.

Лена разматывала тряпку виток, ещё виток. Ткань ложилась ей на колено серой невесомой горкой.

– Давай ещё раз. Когда ударился?

– Третьего дня. На камнях.

– И все три дня ходил с этим?

Он пожал плечами. Солнце из окна легло поперёк его щеки, и стало видно, как пульсирует жилка у виска.

– Не сильно болело.

– Конечно. – Она улыбнулась, не поднимая глаз. Пальцы продолжали работать, повязка скользила, шуршала, освобождая кожу. – У меня вообще все пациенты выбирают именно этот вариант. «Не сильно болело», а потом приходят, когда рука уже решила жить отдельной жизнью.

Шерпа тихо усмехнулся, звук вышел короткий, носовой.

– Я не такой.

– Ты сейчас сидишь у меня с распухшим запястьем и говоришь, что не такой. – Она подняла на него глаза. – Очень убедительно.

Последний виток соскользнул. Лена отложила ткань и осторожно взяла его руку в свои, как берут тёплую выпечку. Провела пальцами вдоль предплечья, не нажимая, просто скользя по коже. Тело само отвечало раньше слов, большой палец остановился у косточки.

– Здесь?

Он поморщился, ноздри чуть раздулись.

–А здесь?

Она поднялась чуть выше.

– Нет.

– Уже хорошо. – Она чуть повернула его кисть в запястье и потянула. Он резко втянул воздух, дёрнул плечом. – Тише, тише. Я знаю, что ты храбрый.

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением, брови сошлись на переносице, морщинка надломилась.

– Знаешь?

– Конечно, иначе как же ты тут оказался.

Лена улыбнулась и отпустила руку. Та осталась лежать на его колене, чужая, притихшая.

– Теперь сам. Медленно сожми пальцы.

Он сжал ладонь, разжал. Потом ещё раз, уже увереннее.

– Хорошо. Теперь почувствуй большой палец. Здесь.

Она легко коснулась подушечки его пальца.

– Чувствую.

– Покалывает?

– Вроде нет.

– Отлично.

Лена взяла его за запястье и нащупала пульс. Подушечки её пальцев задержались на коже на несколько секунд.

– Кровь ходит, все в порядке.

Она посмотрела на отёк, потом сравнила обе руки.

– А теперь скажи честно: за эти три дня становилось хуже?

Шерпа подумал.

– Вчера было больше.

– Сегодня меньше?

– Немного.

– Это хорошая тенденция.

Она осторожно приподняла его руку и положила предплечье на свернутую куртку, чтобы кисть оказалась выше.

– Посиди так немного. И эту повязку больше сам не затягивай.

– Она была слишком тугая?

– Не критично, но отёк за три дня изменился, а повязка осталась прежней. Организм не обязан подстраиваться под твой бинт.

Она взяла чистую марлю, сложила её и начала заново фиксировать запястье. На этот раз оставила пальцы открытыми и несколько раз проверила, как они двигаются.

– Вот так лучше. Держит, но не душит.

Шерпа посмотрел на руку.

– Можно работать?

Лена подняла глаза.

– Можно жить, работать сегодня этой рукой не надо.

Он хотел что-то возразить, но она уже улыбалась.

– Не смотри на меня так. У тебя запасных рук в рюкзаке нет, но сейчас есть одна нормальная.

Он тихо рассмеялся.

– Хорошо.

– И пей. Нормально пей.

Она достала из аптечки упаковку обезболивающего.

– Если будет болеть, примешь. А если отёк станет больше, пальцы начнут неметь, побелеют или посинеют, сразу ко мне. Не вечером, не после работы, не потом. Сразу.

Шерпа серьёзно кивнул.

– Понял.

Лена ещё раз проверила натяжение бинта на запястье шерпы, провела пальцем под краем повязки. Шерпа поднялся, осторожно сжал и разжал пальцы, кожа на тыльной стороне ладони

собралась складками, он поблагодарил её кивком и выбрался наружу. Полог качнулся, впустил запах нагретых камней, и она услышала, как его шаги прошуршали по гравию, стихли. Она еще улыбалась, когда в палатку заглянул Андрей. Солнце лежало на брезентовом полу широкой полосой, пахло разогретой синтетикой, спиртом из открытого пузырька и отдалённо дымом, тем едким дымом, что даёт кизяк на высокогорной кухне. Снаружи ветер перебирал флажки над лагерем, и те отщёлкивали сухие, рваные очереди. Лена подняла голову от развёрнутой аптечки. Увидела лицо Андрея, и глаза её расширились, в них отразился светлый прямоугольник входа.

– Привет. Как тесен этот мир.

– А мир гор ещё теснее, – Андрей ступил внутрь, и пол под ним просел, захрустел мелким щебнем.

Она выпрямила спину, но не ответила сразу. Сначала спокойно посмотрела ему в лицо, задерживаясь на скулах, на тени под глазами, потом перевела взгляд ниже: на голенища ботинок, на пыль вокруг коленей, на то, как вес его тела распределён между ногами.

– С коленом что-то не так?

Это даже не было вопросом. Голос прозвучал ровно, словно она читала запись в карте.

Андрей моргнул.

– Да вроде всё в порядке. Я просто услышал знакомый голос.

– Да нет, – она чуть подалась вперёд. – Что-то всё-таки не так. Ты как будто его бережёшь.

– Да вроде нормально всё.

Лена склонила голову к плечу. Ждала. Тишина в палатке стала плотнее.

– Правда?

Он уже открыл рот, чтобы вытолкнуть привычное «конечно», но воздух застрял в горле. И в этой короткой заминке изнутри, из-под чашечки, поднялась тупая тёплая нота, колено действительно ныло, тихо, как гул далёкой лавины. Он и забыл, когда перестал его слышать.

– Пройдись-ка немного.

– Я же просто зашёл поздороваться, – пробурчал Андрей.

– Поздоровался. Теперь пройдись.

Он вздохнул и пошёл. Пять шагов туда, разворот, стопа скребнула по брезенту, пять обратно.

Лена смотрела на его ноги: как разворачивается носок, как переносится тяжесть с пятки на мысок, как подрагивает голеностоп в момент опоры.

– Ещё раз.

– Зачем?

– Потому что ты сейчас очень убедительно делаешь вид, что всё нормально.

Андрей фыркнул и пошёл снова. Теперь он и сам заметил: перед каждым шагом левой ногой тело делало микроскопическую задержку, словно обходило невидимый камень.

– Вот, – сказала Лена. – Сам видишь.

– Ну да. Немного ноет.

– Когда началось?

– После перехода. Вчера вроде не было, сегодня с утра проснулся – уже есть.

– Переход тяжёлый был?

– Нормальный. Длинный только.

– Подъёмы?

– Хватало.

– Спуски?

– Тоже.

Лена улыбнулась краешком губ.

– Тогда колено просто решило напомнить, что оно тоже участвует в экспедиции.

Она опустилась перед ним на корточки, легко и привычно, как садятся на камень. Попросила согнуть ногу и положила ладонь на колено. Ладонь была сухая, узкая, с коротко обрезанными ногтями, и пахла медицинским спиртом.

– Здесь неприятно?

– Не то чтобы. Вот тут, сбоку, чуть тянет.

Пальцы Лены сдвинулись в сторону от чашечки, надавили, и боль сразу стала точкой.

– Здесь?

– Да. Вот здесь уже чувствую.

Она попросила его медленно разогнуть ногу, проследила взглядом траекторию сустава, повторила движение с правой ногой и сравнила.

– Похоже, просто перегрузил. Связка. Ничего критичного.

Она отошла и порылась в сумке, отодвинула стопку марлевых салфеток и достала алюминиевый тюбик, с вмятиной на боку и потёртой этикеткой, где буквы выцвели до бледно-голубого.

– На ночь помажешь. И сегодня постарайся не нагружать, сиди побольше. Но если завтра будет также или хуже, приходи ко мне.

Андрей взял тюбик. Металл был прохладным.

– А если лучше?

– Тогда всё равно приходи, скажешь мне об этом.

– Зачем?

– Чтобы я могла сделать вид, что это я тебя вылечила.

Он рассмеялся, смех вышел короткий, удивлённый.

– Договорились.

– Вот и хорошо.

Он уже взялся за край полога, но обернулся.

– Слушай… Мы же почти одновременно до лагеря добрались. А ощущение такое, будто ты здесь уже несколько дней сидишь.

Лена улыбнулась.

– Я не первый год сюда езжу.

Она посмотрела сквозь щель в пологе туда, где в воздухе дрожали флажки, на вереницу палаток, на хребты, уходящие в туман и терявшие в нём цвет.

– В каждом лагере сначала чувствуешь себя гостем, а потом однажды просыпаешься, и уже дома. С Манаслу это почему-то быстрее. Не знаю почему.

Она повернулась и поймала его взгляд.

– Если что, заходи. Не обязательно с коленом.

– Хорошо. Спасибо тебе.

Андрей вышел. В лицо сразу ударил сухой холод. Колено всё ещё напоминало о вчерашнем, но уже глуше, словно согласилось подождать. Он заметил, что улыбается. Хорошо было встретить здесь знакомое лицо. Пусть пока не очень знакомое, но всё-таки своё.

Через десяток шагов рядом захрустел гравий. Из-за палатки вынырнул Костя, потирая ладони.

– Ну что, тебя уже разобрали на запчасти?

Андрей показал тюбик.

– Колено перегрузил. Мазь дала.

– Ага. Я так и думал, что она тебя найдёт.

Андрей усмехнулся.

– В каком смысле?

– В прямом. Ты же еще вчера хромал так, будто хотел, чтобы тебя заметили.

– Я не хромал.

– Ну, конечно. Если даже я заметил…

Костя сунул руки в карманы.

– Меня тоже уже поймала.

– А тебя с чем?

– С водой. Сказала пить больше.

– И ты послушался?

– Представляешь?

– Не узнаю тебя.

– Сам в шоке.

Они пошли дальше.

– Она вообще странная, – сказал Костя через несколько шагов. – Смотрит так, будто уже всё про тебя знает.

Андрей посмотрел на него, Костя потер шею под воротником.

– Так что ты мажь свое колено.

– Ты теперь её слушаешься?

Костя пожал плечами.

– Не знаю. Но почему-то хочется.

Очередной акклиматизационный выход не заставил себя ждать, к леднику ушли сразу. Небо стояло высокое, промытое до голубизны. Андрей натягивал кошки на плоском камне, пальцы не слушались от холода, ремешки пришлось подтягивать дважды. На второй раз кошка соскользнула набок и звякнула о камень. Он вернулся, сел, затянул заново. Алекс проходил мимо, мельком глянул вниз, потом остановился, присел рядом, переложил ремешок двумя движениями.

– Через передний зуб пропускай, а то на подъёме соскочит. Андрей посмотрел на него.

– Ты всё снаряжение так проверяешь? Алекс пожал плечами.

– Если не проверять, оно потом проверит тебя. И пошёл дальше. Андрей посмотрел на затянутый ремешок, и вдруг стало спокойнее.

Лёд встретил их звоном. Жёсткий фирн хрустел под зубьями с сухим стеклянным звуком, и каждый шаг отдавался короткой вибрацией куда-то в позвоночник. Солнце било в спину, тени лежали резкие, синие. Андрей заметил, что слишком часто смотрит под ноги, а когда поднимал голову дальние склоны висели нарисованными на серо-голубом. Он трижды зацепился зубьями за штанины. На третий раз Ларс, шагавший сзади, коротко хмыкнул.

– Ноги шире ставь.

Без насмешки, буднично. Андрей кивнул и раздвинул шаг, и вдруг идти стало легче.

Через какое-то время пути Анатолий поднял руку: привал. Группа рассыпалась по леднику, кто-то сел на рюкзак, вытянув ноги, кто-то доставал фляги. Андрей расстегнул пуховку, открутил крышку термоса, и тут раздался треск. Низкий, протяжный, он не походил на звук ломающейся ветки, скорее на вздох огромного животного, которое ворочается во сне. Андрей замер с термосом в руке. Треск повторился, левее и глубже, и добавился короткий, почти мелодичный звон где-то под толщей льда.

Костя приподнял голову.

– Опять ворчит.

– Не ворчит, – Тенцинг даже не обернулся. – Дышит.

Сказал так буднично, как говорят о погоде. Андрей хотел спросить, но осёкся, третий раз звук пришёл совсем близко, из-за ледового гребня справа, и показался даже не звуком, а вибрацией, прошедшей сквозь подошвы в живот. Андрей сделал глоток, чай был еще теплым. Он смотрел на ледник, неровный, в трещинах, в синих тенях, и вдруг понял, что этот звук будет помнить всегда, как голос очень старого и очень мудрого существа, которое разрешило им идти по своей спине.

Кира некоторое время ходил по участку, выбирая место. Перевёл взгляд с прозрачного льда под ногами на излом склона, потом ещё левее. Наконец остановился.

Костя молча следил за ним.

– Место выбираешь?

Японец обернулся.

– Свет ловлю.

Он достал блокнот и короткий карандаш.

– Смотри туда. Тень от пика перекрывает весь язык ледника, а сюда падает только краем. Одна полоса.

Костя проследил его руку. Из-за скального выступа наползала глубокая синяя тень, выше склон горел на солнце, и граница между ними шла наискось, резкая, почти как по линейке.

– Ух ты. Красиво. Ты это зарисовываешь?

Кира кивнул.

– Чтобы запомнить.

– А я обычно фотографирую.

Японец подумал.

– Фотография запоминает за тебя.

Костя хмыкнул.

– А ты, значит, сам?

– Сам.

Кира снова смотрел на склон. Коснулся карандашом бумаги и провёл первую линию.

Андрей бросил взгляд на лист. Набросок оказался поразительно точным: Кира поймал и очертания склона, и ту самую границу света и тени, ради которой выбрал это место. Перерыв подошел к концу, и Анатолий дал знак подниматься. Впереди лежал крутой участок, невысокий, но с плотным настом. Андрей пошёл третьим, за Тенцингом, и на подъёме тело наконец включилось полностью. Исчезли мысли о том, правильно ли стоит нога, остался только ритм: шаг, перенос веса, снова шаг. Дыхание выровнялось, холод перестал кусать щёки. На гребне Толик указал вниз, туда, где склон постепенно уходил в долину. Отсюда она казалась почти игрушечной: серые моренные гряды тянулись одна за другой, между ними темнели полосы камня и снега, а дальше всё растворялось в голубоватой дымке. Ниже уже не различались отдельные палатки, только тонкая нитка тропы, петлявшая по склону.

– Вот оттуда пришли, – сказал Толик.

Андрей посмотрел туда, куда он показывал. Отсюда путь казался совсем другим. Не длинным и тяжёлым, каким был снизу, а почти хрупким, будто его можно было потерять одним движением облака.

Возвращались молча. Пуховки висели на лямках рюкзаков, каски болтались на карабинах. Ларс расшнуровал ботинки до половины и шлёпал языками по камням, ритмично, как метроном. Алекс вдруг начал тихо насвистывать, и этот лёгкий, неуместный на высоте свист заставил всех улыбнуться. Костя догнал Андрея на последнем пологом участке, пошёл рядом. Кивнул на левую ногу.

– Как колено?

– Пока терпит.

– Завтра зайди к ней. А то она сама к тебе заявится. Оно тебе надо?

Андрей хмыкнул, но возражать не стал. Усталость была приятной, не изматывающей, а заполняющей мышцы ровным тёплым гулом. После каждого шага колено напоминало о себе лёгкой неуверенностью, но тело, ещё с утра чужое и неуклюжее на льду, становилось своим.

В лагере Пасанг уже разжигал горелки, а Дава что-то нарезал. По приходу группа рассыпалась по лагерю, каждый был чем-то занят. Алекс сматывал верёвку, мерно, кольцо за кольцом, не глядя на руки. Лакпа перебирала карабины, разложив их на пенке. Толик сидел в штабе

и что-то записывал в блокнот. Костя оседлал перевернутое ведро недалеко от кухни и отковыривал ложкой присохшую к манжете грязь. Андрей устроился у палатки чистить кошки, зуб за зубом, слушая, как ветер перебирает флажки над головой. Пасанг замер первым. Он так и остался сидеть на корточках перед горелкой, но рука с зажигалкой застыла в воздухе. Голова чуть повернулась, он смотрел в сторону морены, щурясь против низкого солнца.

– Кто-то идёт.

Разговоры смолкли послойно. Сначала замолчал Дава, Лакпа отложила карабин и подняла голову. Потом Костя перестал скрести манжету, Андрей обернулся. Морена[17] казалась неподвижным серым языком: камни, полоса грязного льда, больше ничего. Он уже хотел спросить, где именно, когда заметил точку. Маленькую, тёмную, она двигалась вдоль края морены, и, если бы не это медленное смещение, её можно было принять за валун. Человек шёл один. Не останавливался, не оглядывался. Его темп был размеренным, он просто переставлял ноги, шаг, ещё шаг, ещё. Расстояние сокращалось с неумолимостью часовой стрелки.

Костя приставил ладонь к глазам.

– Наш?

Толик опустил блокнот, смотрел долго, потом выдохнул.

– Похоже, что наш.

Через некоторое время стали видны детали. Рюкзак выше плеч, с притороченным снизу спальником в ярко-жёлтом чехле. Палки двигались без лишней амплитуды. Походка тяжёлая, с глубокой постановкой стопы, но удивительно ровная, никакого переваливания, обычного для смертельно уставшего человека. Будто отключил всё лишнее, осталось только движение вперёд.

Алекс поднял голову от верёвки. Посмотрел, вернулся к узлу.

– Дойдёт.

Костя хмыкнул:

– Да он уже дошёл. Ты посмотри, он даже не дышит тяжело.

Никто не ответил. Когда человек подошёл к крайней палатке, он остановился. Не резко, просто перестал переставлять ноги. Снял лямки рюкзака двумя руками мягко опустил его на землю, придерживая за верхний клапан. Выпрямился. Грудь поднималась глубоко, но без одышки, дыхание было ровным. Взгляд прошёл по лагерю, по кухонному тенту, по расстеленной пенке с карабинами, по верёвке у ног Алекса, по Андрею, замершему с кошкой в одной руке и тряпкой в другой и остановился на Толике.

Тот уже шагнул навстречу.

– Ты раньше, чем договаривались.

– Без ночёвки шёл, – Мужчина стянул перчатку, протянул руку. Андрей заметил белую полоску старого шрама у основания большого пальца. – Решил не задерживаться.

Толик пожал её, задержал на секунду дольше, чем требовало рукопожатие.

– Рад, что ты дошёл.

– Я тоже.

Пасанг уже поднимался с кружкой. Чай был почти чёрным, заварен по-своему, с солью и маслом. Виктор взял кружку двумя ладонями, поднёс к лицу. Пар тронул обветренные скулы. Он не пил, грел руки. Потом сделал маленький глоток, прикрыл глаза и замер, словно проверяя, что горячее действительно существует здесь, сейчас, на высоте пяти тысяч метров.

– Ну вот, – сказал он тихо, присев на рюкзак. – Теперь можно и поздороваться.

Андрей услышал шаг, один, тихий, гравий едва хрустнул под чьей-то подошвой. Лена уже стояла в двух шагах от мужчины. От камней ещё тянуло утренним холодом, пар от её дыхания смешивался с паром над его кружкой. Она смотрела на него не в лицо, взгляд скользил по

[17] Скопление камней, обломков и грунта, принесённых и оставленных ледником.

плечам, упакованным в старую штормовку, по тому, как он сидит на рюкзаке, перенеся вес на левое бедро, по пальцам, сжимающим кружку.

Она вздохнула, и звук получился долгим, будто она выпускала воздух после задержки дыхания.

– Привет, Виктор… Ты опять решил проверить, сколько у человеческого организма можно попросить потерпеть?

У Виктора едва заметно дрогнул уголок рта, чуть влево, очень привычное движение.

– И тебе привет, Лена. Ну что ты в самом деле, не первый раз же.

– Вот именно. Поэтому я уже знаю, чем обычно заканчиваются твои эксперименты.

– Ну дошел же, вроде нормально дошел.

– Я вижу. И именно поэтому мне интересно, в каком состоянии ты собираешься идти дальше. Когда расположишься, зайди ко мне, обязательно, – она протянула руку за спину.

– Зайду, куда ж деваться.

Лена кивнула и отошла. Гравий зашуршал под её ботинками, потом стих. Костя сидел на ведре и молча смотрел, как Лена идёт к своей палатке. Он встал и подошел к Виктору с выражением человека, который производит в уме сложные вычисления и пока не готов огласить результат. Наконец выдохнул, длинно, с присвистом и сказал в пространство:

– Привет! Добро пожаловать, я Костя.

– Виктор – сказал он, протянув руку.

– Костя пожал ее, рукопожатие вышло крепким и сильным.

– То есть ты хочешь сказать, что ты один, пешком, с рюкзаком выше головы, без ночёвок. Небось еще и ботинки мокрые третий день.

Виктор оторвал взгляд от кружки, посмотрел на Костю с лёгким любопытством.

– Ты это у меня спрашиваешь или сам с собой разговариваешь?

– Сам с собой, пытаюсь осознать.

– Осознал?

– Пока нет.

Костя помотал головой, уселся на соседний ящик, уперев локти в колени, и уставился на Виктора в упор.

– Откуда ты вообще пришёл-то?

– Оттуда, где дорога закончилась.

– А где она у нас закончилась?

Виктор задумался, не притворно, а действительно прикидывая расстояние.

– Для машины? Километров тридцать назад. Может, сорок пять.

Тишина повисла плотная. Костя моргнул раз, другой.

– Почему не дождался кого-нибудь?

Виктор пожал плечами так спокойно, словно вопрос был о предпочтениях в еде.

– А кого ждать?

– Другую группу? Портеров в конце концов?

Виктор посмотрел на него, лицо оставалось серьёзным, почти усталым, но в уголках глаз что-то дрогнуло. Он промолчал

– Нет… – Костя покачал головой. – Ну ты точно псих.

Первым рассмеялся Толик, негромко, скорее выдохнул смех вместе с паром. Потом улыбнулся Пасанг той редкой, короткой улыбкой, которая появлялась раз в несколько дней. Виктор выдохнул длинно, с присвистом.

– Возможно.

И сделал ещё глоток чая.

Через полчаса Виктор уже сидел в медицинской палатке. Он стянул ботинок, потом второй. Носки были мокрыми, шерсть скаталась в серые комки на пятках и под пальцами. Пахнуло кислым теплом. Лена наклонилась ближе, разглядывая стопы, и тихо присвистнула.

– Господи… Виктор, ты сколько в этом ходил?

– Почти всё время.

– То есть ты действительно шёл в них почти весь переход?

– Да.

– А поменять почему не пришло в голову?

Виктор пожал плечами. Кружка стояла рядом, пар над ней уже не поднимался.

– Позавчера менял.

Лена на секунду закрыла глаза. Солнце скользнуло по её векам. Она снова открыла их и посмотрела на Виктора, медленно, как смотрят на ребёнка, который в третий раз забыл шапку.

– Ну конечно. Как же я сразу не догадалась.

Виктор поднял на неё глаза.

– Что?

– Ничего. Просто иногда мне кажется, что мужчины в горах считают сухие носки признаком слабости.

Он слегка улыбнулся, на этот раз заметнее. Лена протянула руку и осторожно коснулась тыльной стороны стопы, затем проверила пальцы, наблюдая за реакцией Виктора. Кожа была белая, с синеватым оттенком, складки от мокрой шерсти отпечатались на ней, как узор. По бокам стоп виднелись красные натёртости, а на пятках были волдыри. Она нажала на большой палец, ноготь побелел, потом медленно порозовел снова.

– Чувствуешь?

– Конечно.

– Здесь?

– Тоже.

– Хорошо. Значит, пока разговариваем с тобой, а не с твоими носками.

Виктор усмехнулся и потёр ладонью колено.

– Они тоже много чего могут рассказать.

– Не сомневаюсь. – Она отошла и заглянула в один из баулов. – Вот тебе нормальные носки и пластыри. Еще вот эта мазь, она поможет.

– Лена, со мной все хорошо. Просто немного натер.

Лена подняла на него глаза. Какое-то время она просто смотрела, без улыбки, изучающе.

– Виктор. Я только что видела твои ноги, и они мне сказали, что им не очень хорошо.

Он помолчал, потом сдался:

– Ладно.

– Вот, уже есть прогресс. Иногда ты всё-таки умеешь соглашаться с врачом. – И вообще, как ты?

Виктор посмотрел на неё внимательнее, оторвав взгляд от ботинок.

– Устал, конечно. Но в остальном нормально.

– Я не про ноги спрашиваю.

Он помолчал, глядя в кружку. На дне темнела чаинка.

– Хорошо. Наверное. Просто устал сильнее, чем ожидал.

Лена понимающе кивнула. Свет лампы падал на осунувшееся и усталое лицо Виктора.

– Вот это уже нормальный ответ.

Она легко хлопнула его по плечу, ладонь мягко ударила по штормовке, и по звуку было слышно, что ткань отсырела.

– Отдохни сегодня. Остальное починим.

– Хорошо.

Запах еды уже плыл над лагерем слоями, смешиваясь с холодным воздухом. Пасанг стоял у большого котла, помешивая варево длинной деревянной ложкой, той самой, которую носил за голенищем ботинка и которой, по лагерной легенде, однажды отбился от любопытного яка. Люди собирались без приглашения, стягивались к кухне, как вода находит дорогу по трещинам ледника. Кто-то сел на свёрнутую бухту верёвки, предварительно хлопнув по ней ладонью, не мокрая ли. Алекс устроился на своём любимом валуне, который облюбовал с самого прибытия. Даже Виктор уже выглядел иначе. Сухие носки, горячий чай и лагерное тепло сделали своё дело, серый налёт с лица ушёл, усталость никуда не делась, но теперь она была просто усталостью, а не той глубокой, почти неживой тенью, которую Лена разглядывала полчаса назад. Пасанг разлил суп по мискам. Он не спрашивал, кому сколько, он уже знал, кому погуще, кому бульона, кому незаметно подсунуть лишний кусок мяса. На этот раз лишний кусок достался Виктору, и Пасанг сделал это с совершенно невозмутимым лицом.

Костя принял миску обеими руками, поднёс к лицу, глубоко вдохнул и блаженно прикрыл глаза.

– Вот почему суп только в горах такой? Дома точно такой же сваришь, и не то.

Пасанг даже не поднял головы.

– Потому что ты голодный. Голод – лучший повар.

Костя задумался на секунду, потом кивнул, серьёзно, будто выслушал лекцию.

– Не поспоришь. Но, сдается мне, ты туда все-таки что-то подмешиваешь.

– Если только капельку любви. Специально для тебя. – усмехнулся Пасанг и пошел дальше.

Несколько человек тихо рассмеялись и разговор растворился в звоне ложек. Ледник наверху отзывался сухим треском, ветер пробежался по молитвенным флажкам. Тишина здесь не была пустой, она напоминала паузу в долгом разговоре, где слова не нужны, а важны только присутствие и дыхание. Андрей ел молча, слушая, как переговариваются Костя с Толиком, как Лена что-то вполголоса объясняет Лакпе про обработку мозолей, а Алекс вставляет короткие фразы. И вдруг он поймал себя на мысли: за весь этот длинный день он ни разу не посмотрел в телефон, он даже не знал точно, где тот лежит. Кажется, в боковом кармане рюкзака, рядом с налобным фонариком и пауэрбанком, который он зарядил ещё в Катманду и с тех пор не доставал. Он попытался вспомнить, когда в последний раз испытывал такое полное равнодушие к экрану, к уведомлениям, к бесконечной ленте новостей, и не смог. Ни процент зарядки, ни пропущенные сообщения, ни лайки под фотографией из аэропорта совсем его не волновали все это время.

Он поднял голову.

– Здесь интернет вообще бывает?

Лакпа ответила, не отрываясь от ужина, она методично вылавливал ложкой кусочки моркови.

– Иногда.

– И работает?

– Иногда.

Костя сделал неопределенный жест рукой, оторвавшись от своей миски.

– Тут его включают минут на пять, не больше. Проверить, что человечество окончательно не сошло с ума. – Он помолчал. – И обычно убеждаются, что сошло и выключают обратно.

На этот раз рассмеялись все, открыто, без экономии. Даже Лена хмыкнула и покачала головой. И Виктор улыбнулся, коротко, почти украденной у самого себя улыбкой, и она тут же исчезла. Толик спокойно доел суп. Он всегда ел медленно, тщательно, не оставляя ни капли на дне. Поставил миску, вытер рот тыльной стороной ладони и посмотрел куда-то поверх голов, туда, где за палатками, за мореной, за полосой вечернего тумана темнела Манаслу, огромная, молчаливая, почти неразличимая в сумерках.

– Горы ничего не забирают. Они просто очень быстро показывают, без чего ты можешь жить.

– Красиво, – сказал Андрей.

– А что, неправда?

– Правда, поэтому и красиво.

Фраза легла в тишину и осталась там. Через минуту кто-то кашлянул, и лагерь снова зашевелился, захрустели камни под чьими-то шагами, звякнула кружка. Ночь опускалась на ледник, такая же спокойная и неизбежная, как всё, что происходило здесь, на высоте, где слова значили ровно столько, сколько весили сами, без украшений.

Следующее утро началось не с будильника.

Тинь…

Андрей открыл глаза. В спальнике было тепло, но воздух над лицом уже кололся холодом. Он несколько секунд лежал, прислушиваясь.

Тинь…

Звук повторился, чистый, короткий, с ровным металлическим послезвучием. Не ледник, не кружка, не котелок, что-то совсем рядом. Андрей осторожно выбрался из спальника, натянул пуховку. Молния палатки тихо разошлась, холод сразу обнял лицо. Лагерь ещё только просыпался. Из кухни тянулся первый дымок, где-то негромко кашлянули, над мореной стоял прозрачный утренний воздух, в котором каждый звук разносился особенно далеко.

Тинь…

Теперь Андрей увидел источник. У своей палатки, возле большого плоского валуна сидел Алекс. Перед ним лежал раскрытый блокнот. В одной руке он держал карабин, большим пальцем нажимал на защёлку и после каждого щелчка делал короткую пометку карандашом. Тинь, запись. Тинь, запись. Ритм был таким ровным, будто Алекс не проверял снаряжение, а переводил с одного языка на другой. Вокруг лежало много другого оборудования в очереди: скальные крючья, оттяжки, болты, спусковые устройства[18] и жумары.

– Доброе утро, – сказал он, не поднимая головы.

– Доброе. Ты меня разбудил.

– Надеюсь.

Алекс наконец поднял глаза и улыбнулся.

– Значит, карабин ещё живой.

Андрей тихо рассмеялся и присел на соседний камень. – А что, были сомнения?

– С железом всегда есть сомнения. – Алекс отложил карандаш. – У меня в Англии был инструктор, старик, он говорил: если ты утром не проснулся от звука своего же карабина, день ещё не начался. Я сначала думал, шутит. А потом перестал так думать.

– Часто проверяешь?

– Нет. – Алекс покачал головой. – Слушаю. Проверять, это когда не доверяешь, а слушать, когда хочешь узнать. Разные вещи.

Он протянул карабин Андрею.

– Попробуй.

Андрей нажал.

Тинь…

Звук показался совершенно обычным.

– Нормальный.

– Да.

[18] Альпинистское снаряжение для страховки и спуска с высоты.

Алекс забрал карабин, отложил в сторону и взял другой. Нажал, щелчок получился глухим, будто металл простудился. Несколько секунд он молча смотрел на карабин, потом протянул Андрею.

– Теперь этот.

Андрей нажал.

Щёлк…

– Кажется, звучит как-то по-другому.

Алекс едва заметно улыбнулся.

– Уже слышишь.

Он забрал карабин, покрутил в пальцах и нажал ещё раз, будто давал ему последний шанс. Щёлк…

– Но наверх я бы его не взял.

– Из-за звука?

– Не только. – Алекс провёл большим пальцем по муфте. – Видишь, микролюфт. Совсем крошечный. На станции внизу его бы не заметили. Здесь, может, тоже ничего. Но я не люблю железо, у которого появляется характер. Характер, это для людей. Железо должно быть предсказуемым.

Андрей посмотрел на карабин в его ладони.

– А если он всё-таки нормальный? Бывает же, что просто звук другой, а так работает.

– Бывает. – Алекс закрыл блокнот. – Поэтому я его не выбрасываю. Он полежит внизу, в лагере. Может, на следующей высоте снова будет петь чисто, а может и нет. Но наверху я не хочу гадать.

Он убрал карабин в отдельный мешочек, аккуратно, не как бракованный, а как больной.

– Знаешь, – сказал он вдруг, – у меня был случай. Давно, ещё на Нанга-Парбат. Мы шли связкой, трое. У напарника карабин звучал так же, как этот. Я сказал ему, он отмахнулся: «Ты перестраховщик, Алекс». Через час после обеда муфта заклинила на холоде. Ничего страшного не случилось, просто пришлось резать верёвку и вязать новый узел. Но осадок остался. У меня, что я не настоял. У него, что не послушал.

– Он признал, что ты был прав?

– Не сразу. Но когда спустились, подошёл и сказал: «В следующий раз слушаю тебя, даже если ты говоришь про плохую погоду в штиль». Смеялись потом, вспоминая.

Алекс задумался на секунду, перевёл взгляд на ледник и добавил уже тише:

– С людьми, кстати, также. Если сомневаешься, лучше не брать наверх. Не потому, что человек плохой, просто на высоте сомнение имеет свойство расти, а там ему не место.

Андрей помолчал, глядя на мешочек с забракованным карабином.

– У меня другая крайность. Я слишком долго доверяю, иногда уже вижу, что не работает, а всё равно жду, может, само наладится.

– Тоже знакомая история. – Алекс слабо усмехнулся. – У меня так с верёвками было. В первый год никак не мог выбросить старую. Она меня с перевала сняла, как я мог её списать? А инструктор сказал: «Она тебя спасла, и ты её уважаешь, это правильно. Но теперь ты должен уважать и себя. Не лезь с ней туда, где она тебя уже не удержит».

– И ты выбросил?

– Нет. Повесил на стену, иногда снимаю, просто держу в руках. Она свою работу сделала, теперь отдыхает.

Алекс снова взял первый карабин, тот, что пел чисто. Нажал.

Тинь…

Звук разлетелся над мореной и сразу растворился в утреннем воздухе.

– Ты же слышишь разницу между голосами людей?

– Конечно.

– Металл ничем не отличается. – Он снова нажал.

Тинь…

– Просто с ним разговаривают гораздо реже. И зря, если научиться слушать железо, с людьми потом проще.

Андрей взял свой карабин, нажал

Тинь…

– А этот?

– А этот пока здоров, – сказал Алекс, разглядывая железо. – Но всё равно слушай, просто на всякий случай.

В этот момент появился Толик. Подошёл тихо, не смотря на тяжёлые ботинки, двигался он бесшумно, как барс. В руках уже дымилась кружка, пахнущая имбирём и чем-то терпким, Пасанг снова наколдовал над своим утренним чаем. Он остановился, молча посмотрел на разложенное снаряжение, потом на камень, где отдельно лежал забракованный карабин.

– Ревизия?

Алекс коротко кивнул. Толик поставил кружку на валун и поднял карабин. Нажал на защёлку, глухой щелчок раздался в воздухе. Нажал ещё раз, медленнее.

Щелк…

– В городе, наверное, никто бы и не заметил, – сказал Андрей.

Толик усмехнулся уголками губ.

– И ничего бы не случилось. Здесь тоже, скорее всего, ничего. – Он взял кружку, сделал глоток. – Девяносто девять раз, на сотый кому-то не повезёт.

Он посмотрел на разложенное снаряжение.

– Поэтому мы и проверяем всё, каждый день, даже если вчера всё было в порядке.

Андрей кивнул.

– За ночь ведь ничего не меняется.

Толик улыбнулся уже заметнее.

– Железо почти никогда.

Он взял кружку, сделал ещё глоток и посмотрел куда-то в сторону ледника.

Алекс тем временем снова взял исправный карабин.

Тинь…

Он поднял глаза на Андрея.

– Слышишь?

Андрей прислушался, теперь услышал сразу и кивнул. Алекс удовлетворённо улыбнулся. Толик поднял кружку, заглянул внутрь и вылил остатки остывшего чая на камни. Потом забрал её и пошёл дальше.

Солнце перевалило через гребень, и лагерь залило белым утренним светом. Холод ещё держался в камнях, но палатки уже начинали прогреваться. Из кухни тянулся запах каши. Пасанг с Давой трудились над закопчённым котелком. От овсянки пахло тёплым молоком, маслом и изюмом. Андрей вдруг вспомнил, что именно так пахли редкие субботние утра дома, когда мама вставала раньше всех и на кухне уже что-то тихо булькало теплом и уютом. Миски быстро наполнялись, и каждому доставалось именно столько, сколько нужно. Костя взял свою, вдохнул запах полной грудью.

– Как дома… Спасибо, Пасанг.

Тот улыбнулся в ответ, и в уголках глаз сразу собрались тонкие белёсые морщинки.

– Сегодня с изюмом. На здоровье.

Костя попробовал первую ложку, неторопливо прожевал и серьёзно кивнул.

– С изюмом ещё лучше.

Алекс посмотрел на его миску.

– Не привыкай. Завтра изюма может не быть.

Костя нахмурился.

– Почему?

– Пасанг тоже должен когда-нибудь проявлять твёрдость характера.

За столом тихо рассмеялись. Пасанг бросил на Алекса быстрый взгляд.

– Завтра тогда без сахара.

– Неееет, – Алекс наконец поднял голову. – Я имел в виду не настолько твёрдый характер.

Теперь рассмеялся уже сам Пасанг.

– Значит, сахар оставим.

– И изюм тоже, – быстро добавил Костя. – а то чувствую, сейчас начнутся эксперименты.

– Уже начались, – невозмутимо заметил Андрей. – первый вывод: изюм повышает настроение экспедиции.

– Тогда клади двойную порцию, – Костя протянул миску. – для чистоты эксперимента.

Пасанг покачал головой.

– Нет. Наука требует дисциплины.

Костя тяжело вздохнул и послушно взялся за ложку. Дава не выдержал и тихо рассмеялся. Клер покачала головой, пряча улыбку в кружке. Даже Лакпа, проходившая мимо с чайником, краем глаза посмотрел на компанию и едва заметно улыбнулась.

После завтрака никто никуда не спешил. Пасанг собирал пустые миски, и они лязгали жестью одна о другую. Звук был резкий, но привычный, почти успокаивающий. От кухни ещё тянуло тёплым паром и сладковатым запахом вываренного изюма. Дава, присев на корточки, заливал кипяток в большой термос. Струя густо дышала на утреннем холоде, и пар оседал каплями на алюминиевом боку. Тенцинг, забравшись с ногами на перевёрнутый пластиковый ящик, навалился всем телом на рюкзак и пытался застегнуть молнию поверх какой-то коробки, но та упрямо выпирала углом и рвала ткань изнутри. Все потихоньку собирались в одной точке и готовились к выходу. Анатолий стоял чуть поодаль, у края каменной осыпи, и негромко переговаривался с Апой. Они говорили коротко, почти без жестов. Апа слушал, склонив голову набок, изредка кивал, щурясь на ледник, добавлял что-то и показывал рукой в сторону пути. Потом легко, одним движением, закинул рюкзак на плечо, подхватил ледоруб и первым двинулся вверх, ботинки заскрежетали по щебню, и звук этот быстро растворился в тишине.

Анатолий обернулся.

– Пойдёмте.

Лагерь отступил почти сразу. Жёлтые пятна палаток съёжились, ушли в серый камень, кухонный тент превратился в тёмное смазанное пятно, а тонкая струйка дыма над ним ещё какое-то время держалась в воздухе, истаяв только через сотню шагов. Ветер стих совсем, стояла та особенная тишина высокогорья, когда слышно каждое движение: скрип рантов на остром щебне, позвякивание карабинов о ледорубы, собственное дыхание, мерное, пока ещё ровное. Шли не к леднику. Апа уводил правее, туда, где из языков морены выпирала старая каменная гряда. Толик остановился у подножия гряды и достал из бокового кармана пульсоксиметр. Маленький, потёртый, с царапиной на крышке, такие вещи обычно носят годами. Щёлкнул защёлкой. Никого звать не пришлось, все уже привыкли. Жюль подошёл первым, словно только этого и ждал. Сунул палец в прищепку, замер. На экран не смотрел, уставился куда-то в сторону ледника, будто его это вообще не касалось. Толик дождался, пока цифры перестанут прыгать, коротко кивнул. Француз вытащил палец, выдохнул едва заметно и отошёл. Его жена скользнула на его место, не говоря ни слова, только поправила рукав, освобождая запястье. Японец задержался на пару секунд дольше. Прибор пискнул, он отдёрнул руку, быстро поклонился и отступил на шаг, пряча ладонь в карман. Андрей заметил одну вещь: почти все отводили глаза от дисплея. Не просто не смотрели, именно отводили. Как от градусника, когда не хочешь знать температуру раньше врача. Анатолий перекидывался с каждым парой фраз, уточняя состояние.

Костя подошёл предпоследним. Сунул палец, склонил голову набок, уставился на ледник с преувеличенным интересом.

– Слушай, а если цифры плохие, – он помедлил, – ты лицо такое же делаешь? Или у тебя специальное?

Толик даже не поднял головы. Пауза затянулась ровно настолько, чтобы Костя успел усомниться, услышал ли он вообще.

– У меня специальное есть.

– А, ну хорошо тогда.

– Раз шутишь, значит здоров? Беспокоит что-то? Тошнота, головная боль?

– Чувствую себя прекрасно, хоть завтра на вершину! – усмехнулся Костя.

Прибор коротко пискнул. Толик снял его с пальца, бросил взгляд на лицо, а не на цифры, наверное, уже заранее всё знал.

– На вершину пока рановато, но настрой правильный. – Улыбнулся Толик. – Воду пить не забывай.

Костя моргнул.

– Уже?

– Уже вчера. Мы же на пяти тысячах, помогай организму, и он скажет тебе, «Спасибо!»

Костя вздохнул и полез за флягой. Андрей подошёл последним. Пластик прищепки оказался неожиданно холодным, будто хранил в себе температуру всех пальцев, побывавших здесь до него. Цифры на экране запрыгали, заметались, потом начали медленно успокаиваться. И почему-то именно сейчас сердце застучало чаще. Глупо. Он ведь знал: ни задержать дыхание, ни вдохнуть поглубже, ничего уже не изменишь. Но ладонь всё равно стала влажной.

Толик молча посмотрел на экран, потом на Андрея.

– Как ночь?

– Да более-менее.

– Голова?

– Пока не болит.

Ещё секунда, и Анатолий снял прибор, щёлкнул защёлкой, убрал в карман. И только потом сказал:

– Хорошо.

Одно слово, но Андрей почувствовал, как отпускает где-то под рёбрами, тёплой волной, будто сдал маленький экзамен. Он отошёл в сторону и заметил, что Кира украдкой разглядывает собственные ладони, переворачивает, разводит пальцы, хмурится. А Жуль, забрасывая рюкзак, наконец позволил себе улыбнуться Клер, коротко, почти незаметно, но она улыбнулась в ответ и поправила ему лямку на плече. Толик защёлкнул крышку пульсоксиметра, и звук вышел сухой, окончательный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.